МЭРИЛИН МОНРО

Анна Плантажене

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Легенда при жизни и легенда после смерти, Мэрилин Монро прожила яркую, но короткую и трудную жизнь (1926–1962). Она была воплощением соблазна и сама создала свое великолепие. Не было ни броской красоты, ни врожденной грации, ни безупречной фигуры. Были незаурядные актерские способности, завораживающая фотогеничность, самоирония и клубок комплексов… Она сумела превратиться в секс-символ Америки, но в глубине души желала совсем не этого. Утопая в роскоши и боготворимая толпами поклонников, она переживала глубокую трагедию из-за неудавшейся личной жизни и напрасных попыток доказать режиссерам, что «красотка Мэрилин» способна не только демонстрировать собственные прелести. Настоящее актерское мастерство проявить ей так и не дали…

- Плантажене А
  - АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА И ФАБРИКА ГРЕЗ
  - БРЮНЕТКА
  - РОЖДЕНИЕ
  - НОРМА ДЖИН МОРТЕНСЕН
  - ПЯТНО
  - НОМЕР 3463
  - АНАМОРФОЗ
  - «МММММ, КАКАЯ ДЕВУШКА!»
  - МИССИС ДАГЕРТИ
  - КОМБИНЕЗОН ОБЯЗАТЕЛЕН
  - ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ
  - МОДЕЛЬ
  - БЛОНДИНКА
  - ЧИСТЫЙ ЛИСТ
  - МЭРИЛИН МОНРО
  - МИСС МОНРО И ДОКТОР ХАЙД
  - СЕМЬ ЛЕТ РАЗОЧАРОВАНИЯ (начало)
  - ВСЕ ОНИ БЫЛИ ЕЙ ОТЦАМИ (первая интермедия)
  - СЕМЬ ЛЕТ РАЗОЧАРОВАНИЯ (продолжение)
  - МЕДВЕДЬ И КУКЛА
  - СЕМЬ ЛЕТ РАЗОЧАРОВАНИЯ (продолжение далее)
  - МУЖ ЗА МУЖЕМ (третья интермедия)
  - СЕМЬ ЛЕТ РАЗОЧАРОВАНИЯ (окончание)
  - МИССИС ДИ МАДЖИО (начало)
  - JFK

- МИССИС ДИ МАДЖИО (окончание)
- «ВОЗРОДИТЬСЯ!» — СКАЗАЛА ОНА
- ПЕРЕД ГРЕХОПАДЕНИЕМ
- СЕГОДНЯ И НАВСЕГДА
- МИССИС МИЛЛЕР
- «ЛЮБВИ КОНЕЦ, Я НЕ ПОДДАМСЯ ВНОВЬ…»
- «МОЕ СЕРДЦЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ПАПЕ…»
- НЕПРИКАЯННАЯ
- ЧТО-ТО ДОЛЖНО СЛУЧИТЬСЯ
- «ВЕРОЯТНОЕ САМОУБИЙСТВО»
- «ПУПУПИДУ…»
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ФИЛЬМОГРАФИЯ МЭРИЛИН МОНРО
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МЭРИЛИН МОНРО

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35

Плантажене А
Мэрилин Монро

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА И ФАБРИКА ГРЕЗ
Вступительная статья

Америка — страна свободы и великих возможностей… Это твердили себе эмигранты Прекрасной эпохи, преимущественно евреи из России, Германии и Австро-Венгрии, спешно учившие английский на пароходе, который вез их через Атлантику к заветным берегам. Нужно только найти нечто свое, чем еще никто не занимался и что будет пользоваться большим спросом. Люди всегда требовали хлеба и зрелищ: дайте нам хлеба, а зрелищами

мы вас обеспечим. Именно новые американцы начала XX века разглядели в модной европейской забаве — синематографе — потенциал мощной индустрии развлечений. Для Уильяма Фокса, Самуила Гольдфиша (который потом переменит имя на Сэмюэл Голдвин), братьев Уорнер (урожденных Гирша, Арона, Шмуля и Ицхака Вонсколасеров) кино стало важнейшим из искусств. Осуществив свою «американскую мечту», они снабдили свою новую родину «фабрикой грез», пропагандировавшую ее по всему миру.

Начинали они, конечно, в Нью-Йорке, но очень быстро киностудии возникли в других штатах, в частности в Нью-Джерси и Пенсильвании. В 1906 году эта волна докатилась до западного побережья: в Лос-Анджелесе был снят первый фильм — «Смелое ограбление в Южной Калифорнии». Четыре года спустя прибывшая туда съемочная группа из Нью-Йорка проехалась в поисках натуры до небольшого поселка Голливуд с населением четыре тысячи жителей, которые с восторгом приняли кинематографистов. В этом городке, где горячительное продавалось строго в аптеках, а особым распоряжением было запрещено гонять по улицам стада более чем в двести голов, за несколько месяцев удалось снять несколько фильмов.

Калифорния стала превращаться в кинематографическую Мекку. Компания «Кентавр» из Нью-Джерси, собиравшаяся снимать здесь вестерны, арендовала заброшенную придорожную закусочную в Голливуде на бульваре Сансет и передала ее киностудии «Нестор». За свою историю она сняла около тридцати тысяч фильмов. Своими студиями в Голливуде обзавелись крупные кинокомпании — «Парамаунт», «Братья Уорнер» и «Коламбия», а также несколько более мелких. Впрочем, «Коламбия Пикчерз Си-Би-Си», основанная в 1919 году братьями Гарри и Джеком Коном, в то время котировалась так низко, что сокращение *CBC* в шутку расшифровывали как *Corned Beef and Cabbage* (солонина с капустой).

К тому времени в Голливуде, слившемся с Лос-Анджелесом, проживало уже 35 тысяч жителей, а с легкой руки Дугласа Фэрбенкса, самого популярного голливудского киноактера, в городе возник «звездный» квартал Беверли-Хиллз.

Фэрбенкс поселился на вилле в этом квартале со своей новой женой — Мэри Пикфорд, которая была самой высокооплачиваемой актрисой Голливуда наряду с Чарли Чаплином. Фэрбенкс, профессиональный актер, образовал с ними трио, быстро прославившись фильмами в жанре «экшн», где он исполнял сложные трюки. Чтобы не подпасть под власть крупных киностудий, которые брали на себя также дистрибьюторские

функции и управление кинотеатрами, Фэрбенкс, Пикфорд, Чаплин и режиссер Дэвид Гриффит создали независимую дистрибьюторскую компанию «Юнайтед Артистс», дававшую им творческую свободу и приносившую немалую прибыль. Снимаясь в фильмах собственного производства, они не отказывали и другим компаниям, например «Парамаунт».

Душа компании «Парамаунт» Адольф Цукор, прирожденный продюсер, сумел построить огромную сеть кинотеатров для среднего класса, рабочих и эмигрантов, покрыв ею почти всю страну. Лозунгом компании было: «Известные актеры в известных пьесах» — на главные роли приглашали звезд, которых сами же и выращивали, сценарии заказывали известным писателям, справедливо полагая, что если книга имела успех, то и фильм ждет то же самое.

Однако первой суперзвездой американского кино стал эмигрант и непрофессионал — итальянец Родольфо Гульельми ди Валентино д'Антоньолла, получивший известность как Рудольф Валентино. Он приехал в Нью-Йорк в 1913 году в погоне за счастьем, но быстро промотал все деньги, какие у него еще оставались, и зарабатывал сначала официантом и садовником, а потом и вовсе сделался жиголо (платным партнером по танцам): пригодились уроки аргентинского танго, которому он обучился в Париже. Потом он решил попробовать себя в кино и с 1917 года снимался в маленьких ролях бандитов и негодяев. Известность ему принесла женитьба — краткая и скандальная, на кинозвезде Джин Эккер. Это был самый короткий «звездный» брак в истории, который просуществовал всего шесть часов. Вечером после свадьбы Джин заперлась в номере гостиницы и отказалась впускать мужа, тем их семейная жизнь и закончилась. Однако Валентино получил главную роль в фильме «Четыре всадника Апокалипсиса» (1921), который стал коммерческим хитом года, спас киностудию «Метро» от разорения, а самого Валентино сделал суперзвездой. Вот так американская мечта стала явью.

Феномену Валентино трудно найти объяснение: актером он был посредственным, но покорял публику своей пластикой, чувственностью и танцами (одна фигура аргентинского танго даже была названа в его честь). Одновременно с фильмами множились его любовные связи (его даже отдали под суд как многоженца), но это не снимало накала страстей вокруг его экранного образа. В 1923 году Валентино записал на грампластинку две песни в своем исполнении, и та разошлась тысячными тиражами. Но все это длилось недолго: в 1926 году 31-летний Валентино умер от заражения крови после операции язвы желудка. Его смерть вызвала несколько самоубийств среди

самых фанатичных поклонниц… В том же году родилась маленькая девочка — Норма Джин Мортенсен, которой еще только предстояло осуществить свою американскую мечту и стать кинозвездой под именем Мэрилин Монро.

Компания «Метро Голдвин Майер», созданная в 1924 году путем слияния трех кинокомпаний, избрала своим девизом *Ars Gratia Artis* («Искусство для искусства»). Это была самая крупная продюсерская фирма Голливуда, снявшая множество легендарных фильмов, от серии про Тарзана до «Унесенных ветром» и «Волшебника из страны Оз», и создавшая множество звезд, от Греты Гарбо до Кларка Гейбла.

Некоторые звезды вспыхивали в одночасье, как Валентино, другие создавали себя упорным трудом. К последним относится Джоан Кроуфорд, легендарная голливудская актриса, жизнь которой в какой-то мере повторяет историю Золушки, за тем исключением, что никакая добрая фея ей не помогала. Она сделала себя сама, но и сияла на кинонебосклоне гораздо дольше, оказавшись единственной звездой немого кино, сохранившей свой статус до шестидесятых годов.

Ее настоящее имя — Люсиль Лесюэр. В двенадцать лет она выполняла черную работу по дому, потом работала прачкой, продавщицей, официанткой. Ее били и унижали, но она, стиснув зубы, шла к своей цели — выбиться из нищеты, стать кем-то в этой жизни. На последние деньги она брала уроки танцев и регулярно ходила на кастинги, чтобы не пропустить свой шанс.

Ее взяли в кордебалет. Она медленно, но верно делала карьеру, перебираясь из ревю Канзас-Сити в Чикаго, Детройт, а затем и на Бродвей, где сумела проявить себя несравненной исполнительницей модных тогда танцев — чарльстон и «блэк ботом». Именно победа на танцевальном конкурсе в 1924 году обратила на нее внимание представителя компании «Метро Голдвин Майер», который пригласил ее на кинопробы. Ее первый гонорар составил 17 долларов в неделю, но уже после нескольких фильмов был объявлен национальный конкурс, чтобы придумать псевдоним для молодой красивой актрисы. Люсиль Лесюэр стала Джоан Кроуфорд. Однако это был лишь первый этап превращения в звезду.

За четыре года она снялась в двух десятках немых фильмов, но ей было этого мало, ей хотелось играть главные роли. Она ходила на другие съемки, знакомилась с режиссерами и звездами той поры. Продюсер «Метро Голдвин Майер» Ирвинг Тальберг был женат на Норме Ширер — в прошлом победительнице конкурса красоты, которую он привел в кино. Честолюбивая Джоан считала, что ей никогда не быть на первых ролях, пока

«Норма Ширер спит с боссом», однако ей удалось отобрать роль у другой, менее известной актрисы и «прогреметь» в фильме «Новые девственницы» — символической кинокартине эпохи джаза, создав образ «современной» девушки: коротко стриженной, залпом пьющей виски и меняющей мужчин как перчатки. Фильм имел большой успех; Луис Майер купил новой звезде дом и роскошную машину. И все же образ следовало довести до совершенства.

Джоан Кроуфорд взяла на вооружение походку Глории Свенсон и вычертила себе линию губ, как у Мэй Мюррей, — двух популярных актрис того времени. Она выщипала брови в изогнутую ниточку. Сходила к хирургу, чтобы подправить челюсть и выровнять зубы. Посадила себя на строгую диету и изнуряла физическими упражнениями. Ее костюмер Адриан создал «стиль Кроуфорд» — гламурный и сексуальный. Теперь уже она стала образцом для подражания для тысяч женщин. В довершение всего Золушка нашла своего принца: Джоан Кроуфорд вышла замуж за Дугласа Фэрбенкса-младшего и благодаря этому браку, хоть и не одобренному знаменитыми родителями жениха, вошла в самые закрытые круги высшего голливудского общества. Но если Золушка могла на этом успокоиться, кинозвезде нужно было постоянно держать себя в форме.

«Братья Уорнер» делали ставку на технический прогресс. В год смерти Рудольфа Валентино эта киностудия выпустила первый звуковой фильм — «Дон Жуан», демонстрировавшийся под запись симфонического оркестра, а еще через год — «Певец джаза» с музыкальными номерами и диалогами.

Несмотря на то что немое кино не сразу было вытеснено звуковым (через два года после выхода «стопроцентно говорящего» фильма «Огни Нью-Йорка» знаменитый Сергей Эйзенштейн заявил, выступая в Сорбонне, что звуковое кино — «стопроцентная глупость»), карьеры многих звезд рушились, потому что их голоса не устраивали продюсеров. (На этом построен знаменитый мюзикл «Поющие под дождем».) Некоторым — в том числе Норме Ширер, Грете Гарбо и Джоан Кроуфорд — все же удалось сохранить свое положение, но это выглядело исключением из правила. Даже великий Чарли Чаплин не сумел вполне приспособиться к звуку, хотя смог раскрыть новую грань своего таланта, создавая музыку к своим фильмам.

Зато звуковое кино дало шанс молодым. Так, эксцентричному миллионеру Говарду Хьюзу, собиравшемуся снимать фильм «Ангелы ада» о пилотах времен Первой мировой, срочно пришлось искать замену Грете Ниссен — шведской актрисе,

звезде немного кино, которая так и не смогла избавиться от своего акцента. Его выбор пал на девятнадцатилетнюю Джин Харлоу (под таким псевдонимом выступала Харлин Карпентер), обладательницу сексуального хрипловатого голоса и соблазнительных форм. Несмотря на все эти данные, Джин пришлось стать любовницей Хьюза, чтобы получить роль. Фильм имел громадный успех. «Уровень дарования, продемонстрированный Джин Харлоу, не имеет значения, молодые люди все равно будут восхищаться этой девушкой — самым чувственным созданием, появившимся на экране за последнее время, — писал журнал „Вэрайети“. — Она всегда будет играть ту же роль, но обладая тем, что есть у нее, никто бы не умер с голоду!» И действительно, проснувшись знаменитой, Джин сразу получила контракт с оплатой в 250 долларов за съемочную неделю.

Профессиональной актрисой она не была и училась своему ремеслу на ходу, считая, что «когда нравишься публике, актрисой быть необязательно». Большую известность получила ее реплика журналистам: «Мужчины любят меня потому, что я не ношу лифчик, а женщины — потому что я не похожа на девушку, которая уведет у них мужа». В самом деле, мужчины ее обожали, женщины старались ей подражать. С появлением на экране Джин Харлоу в кинематографических кругах стали оперировать понятием «сексапильность». «Фокс» и «Коламбия» дрались за нее. Она стала одной из самых высокооплачиваемых актрис, получая сначала 1500, а потом и все семь тысяч долларов за съемочную неделю. Ее называли «платиновой бомбой» по аналогии с названием фильма, где она сыграла главную роль, — «Платиновая блондинка». Молодые американки скупали в аптеках перекись водорода, чтобы походить на своего кумира. В самом деле, Джин Харлоу стала первой роковой блондинкой кинематографа, причем натуральной, заменив в этом амплуа жгучих брюнеток. Компания «Макс Фактор» подобрала для нее макияж — темный и контрастный, идеально подходивший для черно-белого кино. Правда, сама Джин ненавидела свой цвет волос и мечтала сменить его на другой, однако стала заложницей своего экранного образа.

Приход в кино звука помог создать даже новую кинокомпанию — «Радио Кейт Орфеум Пикчерз». В 1928 году сеть кинозалов «Кейт Алби Орфеум», компания Джозефа П. Кеннеди (отца будущего президента) «Филм Букинг Офис оф Америка» и Американская радиокорпорация слились воедино, образовав независимую продюсерскую компанию «Радио Кейт Орфеум Пикчерз». В 1930 году она даже поглотила французскую

кинокомпанию «Пате». Сделав ставку на дешевую популярную продукцию, «РКО Пикчерз» принялась кропать по фильму в неделю, однако в этой куче встречались и истинные жемчужины, например, «Кинг-Конг», вышедший на экраны в 1933 году.

В 1929 году «Братья Уорнер» выпустили первый цветной фильм. Поначалу эти фильмы («Яркие огни», «Песня пламени») имели бешеный успех, но за два года однотипные, хоть и яркие, мюзиклы публике надоели, и новый руководитель киностудии Дэррил Занук вернул ей успех, переключившись на гангстерские фильмы и мелодрамы. Рецепт оказался очень удачным: американская кинокритик Полин Кайл охарактеризовала в 1968 году стиль всей голливудской продукции очень кратко и емко: «Чмок-чмок, пиф-паф», но зрители хотели смотреть это снова и снова, хотя, например, та же компания «Братья Уорнер» снимала исторические фильмы, в которых блистала Бетт Дэвис. Актер Эдвард Робинсон (Эмануэль Голденберг, еврей из Бухареста, семья которого перебралась в Нью-Йорк в 1903 году) имел большой успех в амплуа «жесткого парня» и за два года снялся в четырнадцати криминальных драмах. Эти фильмы с восторгом смотрел юный Фрэнк Синатра, сын эмигрантов из Италии.

Гангстерские фильмы были актуальны еще и потому, что за сюжетами для них далеко ходить не надо было: провозглашение в стране «сухого закона» в 1919 году спровоцировало развитие мощной сети бутлегеров. Общественное мнение в какой-то мере даже симпатизировало мафии, снабжавшей народ запрещенными горячительными напитками, но только до знаменитой бойни в День святого Валентина 1929 года, когда люди Аль-Капоне, переодетые полицейскими, расстреляли семь человек из группы Багса Морана. (Впоследствии это происшествие послужило сюжетной основой для фильма «В джазе только девушки».) Кино переплеталось с жизнью и другим образом: Джин Харлоу была любовницей Багси Зигеля, американского гангстера, который сделал захолустный Лас-Вегас столицей азартных игр, и даже стала крестной его дочери Миллисент. В ранней юности у нее был роман с другим гангстером, Абнером Цвильманом, который пристроил ее на «Коламбия Пикчерз» в качестве платы за ссуду, предоставленную Гарри Кону.

В том, что кино — это искусство, а не просто забава или низкопробное развлечение, теперь были убеждены почти все. Для окончательного признания «седьмой музы» ее требовалось увенчать лавровым венком, и эту роль исполнила увесистая статуэтка. Первая церемония вручения премии американской киноакадемии состоялась 16 мая 1929 года в голливудском отеле «Рузвельт», под председательством Дугласа Фэрбенкса: на

торжественный банкет собрались 270 человек. Впоследствии за статуэткой закрепилось прозвище «Оскар»: по одной из версий, его придумала взбалмошная и экстравагантная актриса Бетт Дэвис, которая усмотрела в ней сходство со своим мужем Хармоном Оскаром Нельсоном.

Три раза церемония проводилась в Китайском театре Граумана — главном кинотеатре Голливуда, построенном в 1927 году на средства, предоставленные несколькими инвесторами, в том числе Мэри Пикфорд и Дугласом Фэрбенксом. Как часто бывает в шоу-бизнесе, незначительный эпизод, который мог бы остаться незамеченным, вызвал неожиданные, но важные последствия: когда вокруг театра еще велись работы по благоустройству, звезда немого кино Норма Тэлмедж, пробегавшая мимо, случайно наступила в свежий цемент на тротуаре, не успевший застыть. Сида Граумана озарило: тротуар перед его театром превратился в «аллею славы», и после спешившей актрисы почти две сотни звезд уже намеренно погружали в цемент свои руки и ступни, чтобы оставить там свои отпечатки.

В то время как фильмы традиционно заканчивались хеппи-эндом, реальная жизнь готовила суровый удар. После десятилетия послевоенного экономического подъема наступила Великая депрессия. Атмосфера «безумных лет» побуждала людей жить не по средствам, «казаться, а не быть»: 15 процентов продаж осуществлялись в кредит, новое и дорогое, а потому модное искусственное волокно заменяло собой дешевый хлопок; миллион американцев играли на бирже, покупая акции, потому что они росли, а те росли, потому что их покупали. 29 октября 1929 года вошло в историю как «черный четверг»: акции на бирже резко упали в цене из-за их массовой продажи, за полтора часа потери Уолл-стрит составили от семи до девяти миллиардов долларов. За четыре года акции автомобильной компании «Крайслер», например, упали на 96 процентов. По инерции некоторые акции продолжали покупать, но для их покупки приходилось брать кредиты в банках, которые увеличивали процентные ставки. Вскоре продажа в кредит была прекращена; заемщики оказались не в состоянии вернуть полученные ссуды, и банки стали разоряться. Промышленное производство резко пошло на спад, в стране началась безработица. Количество безработных увеличилось с полутора миллионов в 1929 году до 12–14 миллионов в 1933-м. В основном сокращения коснулись «белых воротничков», которым теперь приходилось как-то существовать на пособие в 7,2 доллара в неделю, тогда как средняя зарплата составляла 44 цента в час. Между тем голливудские звезды

продолжали получать высокие гонорары. Например, Кларк Гейбл мог позволить себе заниматься невинным хобби — коллекционировал автомобили.

В том, что не в деньгах счастье, могли убедиться даже те, у кого они были. В 1932 году Америка содрогнулась от ужаса, узнав о похищении сына Чарлза Линдберга — национального героя, в одиночку пересекшего Атлантику на самолете. Он женился на дочери миллиардера Гуггенхайма. Их малышу не исполнилось и двух лет; родители не задумываясь выложили за него выкуп в 50 тысяч долларов, но, как оказалось, ребенок умер в самый день своего похищения. Похитителя поймали и казнили на электрическом стуле.

Во время Великой депрессии среди киноактеров тоже была безработица. Новый президент Франклин Делано Рузвельт предусмотрел в своей новой экономической политике культурный аспект, учредив особую администрацию, разрабатывавшую проекты в области культуры и искусства.

За время Великой депрессии в Голливуде было снято более пяти тысяч фильмов. Для людей, пострадавших от кризиса, кино было единственной отдушиной, они выкладывали за билеты последние деньги. Луч кинопроектора был «лучом света в темном царстве». Кинокартины тридцатых годов затрагивали социальные проблемы, интересуясь судьбой обездоленных, обличая пороки капиталистического общества, но вместе с тем стараясь привнести определенный оптимизм. Чаплин снял злободневные «Новые времена», в которых нашли отражение все грани тогдашней американской действительности: отупляющая работа на конвейере, чрезмерная эксплуатация, подавление протестов и забастовок для одних, наличие модных магазинов, ресторанов и развлечений для других, даже повальное увлечение бейсболом и мода на роликовые коньки. Фильм заканчивался на оптимистической ноте — знаменитой лучистой улыбкой Полетт Годар и дорогой, уводящей героев к лучшему будущему. Джоан Кроуфорд играла молодых продавщиц или служащих, преодолевающих жизненные трудности и достигающих высокого социального уровня, терзаясь при этом угрызениями совести из-за отречения от своих корней. Еще одна «золушка», Барбара Стэнвик, молниеносно сделавшая карьеру в кино благодаря своей искренней игре и вставшая наряду с такими звездами, как Марлен Дитрих и Грета Гарбо, создавала образ независимой женщины, борющейся за свое счастье.

Особо примечательна ее роль в фильме «Лилиан» по сценарию продюсера Дэррила Занука: ее героиня пускает в ход свои чары, чтобы подняться по социальной лестнице, круша

чужие карьеры и даже жизни. Это было слишком похоже на правду жизни, а не на кинематографическую реальность (Занук знал, о чем говорит), чересчур жесткий сценарий не прошел цензуру. Однако Джек Уорнер смягчил кое-какие сцены и присочинил новый финал, более соответствующий общепринятой морали.

В трудном 1933 году в Голливуде была создана независимая киностудия «XX век Пикчерз», основанная бывшим президентом компании «Юнайтед Артистс» Джозефом Шенком, Дэррилом Зануком из «Братьев Уорнер», Уильямом Гетцем из «Фокс Филмз» и Реймондом Гриффитом. Финансовую поддержку ей оказал старший брат Шенка Николас и тесть Гетца Луис Майер, возглавлявший «Метро Голдвин Майер». Новая кинокомпания, снимавшая фильмы на разных киностудиях, быстро пошла в гору: «Дом Ротшильдов», снятый в 1934 году, был номинирован на «Оскар». Годом позже в результате слияния возникла корпорация «XX век Фокс», которую возглавил Шенк, а Занук был вице-президентом по производству.

К тому времени многие прежние звезды уже закатились, а других уволили за пьянство. Занук быстро нанял нескольких актеров, которые повели «XX век Фокс» к вершинам — Генри Фонда, Джин Тирни, Соню Хени, Бетти Грейбл.

Родители Бетти Грейбл были уже американцами, но на ее генеалогическом древе были и голландская, и ирландская, и немецкая ветви. Ее мать, Лилиан Роуз Хофманн, страстно желала, чтобы хоть одна из ее дочерей стала звездой, а потому всячески побуждала Бетти пробиваться на сцену или на экран. Разве есть другой способ стать богатой и знаменитой? Разве что подцепить миллионера — один из самых распространенных киносюжетов. Но для этого опять-таки нужно войти в бомонд…

Свою первую небольшую роль танцовщицы кордебалета Бетти получила в 1929 году, когда ей было всего 13 лет. Это было незаконно, но на то и закон, чтобы его обходить: в фильме у всех девушек лица были вымазаны ваксой, поэтому возраст самой юной из них вычислить было невозможно. После этого мать вздумала заполучить для нее контракт, представив подложное удостоверение личности: обман раскрылся, и Грейбл прогнали. Однако уже в следующем году она снова снималась в массовке. Известность пришла к ней лишь после полусотни небольших ролей в музыкальных комедиях.

Как и у многих актрис того времени, главным достоинством Бетти была ее фигура, в особенности стройные ножки: компания «XX век Фокс» застраховала каждую на миллион долларов. Фото Бетти Грейбл в купальнике произвело фурор, она в один миг

стала самой популярной «девушкой с обложки». Для закрепления успеха она в 1937 году вышла замуж за Джеки Кугана — актера, прославившегося своей детской ролью в чаплинском фильме «Малыш». Но к тому времени он был втянут в тяжбу со своими родителями, претендовавшими на его гонорар за знаменитый фильм, и находился в состоянии постоянного стресса, так что их семейная жизнь не заладилась.

В то время как Бетти Грейбл праздновала свою свадьбу, в Сан-Франциско торжественно открыли мост «Золотые ворота», ставший символом города. В том же году скончалась Джин Харлоу: причиной ее смерти стала запущенная болезнь почек, поскольку ее мать, ярая приверженка религиозной секты, не позволяла ей обращаться к врачам. Платиновой красотке было всего 26 лет…

Время шло, жизнь лучше не становилась. Экономические трудности проще всего было объяснить наличием внутреннего врага: в 1938 году при Конгрессе США была создана Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Подозревались в основном лидеры профсоюзов и члены левых партий.

Доведенные до крайности люди были готовы поверить во все, что угодно: в том же году состоялась знаменитая трансляция радиоспектакля Орсона Уэллса по роману «Война миров», сделанного в форме репортажа, и все Соединенные Штаты охватила паника: люди бросали свои дома и уходили куда глаза глядят, поверив в высадку марсиан.

Тем временем в Европе началась новая война. Уже 5 сентября 1939 года США объявили о своем нейтралитете, сохранив, однако, за собой право продавать вооружение по принципу *cash and carry* — за наличный расчет и с вывозом за счет заказчика. Военные заказы и спасли американскую экономику.

В 1940-м в США была введена обязательная воинская повинность, а в декабре японская авиация разбомбила порт Пёрл-Харбор на Гавайях. Правда, поговаривали, что это было провокацией, устроенной Рузвельтом, которому нужен был предлог для вступления в войну. Была объявлена мобилизация, в армию призывали всех мужчин от 20 до 44 лет.

Военную форму надели даже такие признанные звезды, как бейсболист Джо Ди Маджио, капитан «Нью-йоркских янки». Знаменитый актер Кларк Гейбл, составлявший на экране блистательный дуэт с Джоан Кроуфорд, решил уйти на фронт после гибели в автокатастрофе своей горячо любимой жены Кэрол Ломбард, тоже популярной актрисы. Преодолев противодействие со стороны правительства и армии, в руководстве которой было немало его поклонников, Гейбл стал

стрелком на самолете B-17. Он успел совершить пять боевых вылетов, в том числе один — на Германию. После этого его самолет получил повреждение, и руководство «Метро Голдвин Майер», боясь лишиться «курицы, несущей золотые яйца», добилось всеми правдами и неправдами демобилизации Гейбла. В ноябре 1943 года он вернулся и продолжил сниматься в кино.

Джон Фицджералд Кеннеди, сын американского посла в Лондоне, тоже изъявил желание служить, но в действующую армию его не взяли из-за болезни надпочечников, вызывавшей сильные боли в спине. Отправленный в тыл, он, однако, добился назначения на Тихоокеанский флот и стал командовать противолодочным кораблем в звании капитан-лейтенанта. 2 августа 1943 года у Соломоновых островов его корабль был разрублен надвое японским эсминцем, Кеннеди швырнуло на палубу, и он повредил спину, однако, превозмогая боль, он почти пять километров плыл, таща с собой раненого товарища, а вытащив его на берег какого-то острова, снова бросился в воду, чтобы сообщить о происшедшем. Экипаж его судна спасли, а его самого наградили медалью. За этой наградой последовали другие, в том числе медаль за ранение, а о Кеннеди сняли пропагандистский фильм.

Хотя США тянули с открытием второго фронта, многие молодые американцы считали, что их страна не может оставаться в стороне. Эти настроения нашли свое отражение в кинопродукции. Так, в 1943 году «РКО Пикчерз» выпустила фильм «Триумф Тарзана», пригласив на главную роль Джонни Вайсмюллера, снявшегося в 1930-е годы в шести фильмах про Тарзана студии «Метро Голдвин Майер». По сюжету, немецкий десант захватывает заброшенный город Паландрия, намереваясь двинуться на завоевание Африки. Порабощенные жители города взывают к Тарзану о помощи, однако он отказывается вмешаться, утверждая, «что жители джунглей дерутся, чтобы жить, а цивилизованные люди живут, чтобы драться». Однако когда немцы похищают его сына, Тарзан освобождает город с помощью слонов и своего кинжала. В финальной сцене шимпанзе Чита вызывает по радио Берлин, и немцы принимают ее голос за Гитлера.

Вообще военные годы ознаменовались необыкновенным взлетом популярности кинематографа. Помимо киножурналов и киноагиток, киностудии выдавали на-гора до 850 фильмов в год. Народ хотел отвлечься от тягот повседневной жизни, забыть о страхе, помечтать, посмеяться.

Компания «РКО Пикчерз» отдавала предпочтение малобюджетному кино (не дороже полумиллиона долларов),

которое приносило ей большие барыши. Джон Уэйн снимался в вестернах, Роберт Митчэм — в детективах, Кэри Грант — в комедиях, знаменитая пара Фред Астер и Джинджер Роджерс — в музыкальных фильмах. Среди режиссеров были такие величины, как Орсон Уэллс, Джон Форд и Роберт Уайз; во время войны студия даже предоставила возможность работать в кино Жану Ренуару, уехавшему из оккупированной Франции. Фильмы ужасов, вестерны, детективы снимали сериями.

Рита Хейворт, Лана Тёрнер, Бетти Грейбл позировали для обложек журналов, поднимавших боевой дух американских солдат. За военные годы соблазнительная Бетти превратилась в мегазвезду, а музыкальные комедии с ее участием вывели «XX век Фокс» на первое место по сборам, обогнав «РКО Пикчерз» и даже «Метро Голдвин Майер». За 13 лет она снялась в двадцати пяти фильмах. Когда художественный директор киностудии Дэррил Занук, в свою очередь, ушел служить обязательные 18 месяцев, его партнер Уильям Гетц продолжал грести деньги лопатой, сделав ставку на развлекательные картины. Самой высокооплачиваемой голливудской актрисой в то время была Барбара Стэнвик: освоив все существовавшие на тот момент жанры, она умудрилась стать «вольным художником» и сама занималась своей карьерой, снимаясь в фильмах разных студий; ее гонорары доходили до 400 тысяч долларов в год. А вот Джоан Кроуфорд, «застрявшая» в образе бедной девушки из народа времен Великой депрессии, не смогла вписаться в рамки нового популярного жанра, сочетающего в себе элементы комедии положений, мелодрамы и мюзикла, и в 1943 году ушла из «Метро Голдвин Майер». Правда, ее ждал новый взлет — в детективных мелодрамах киностудии «Братья Уорнер».

Тем временем на экране появилась новая брюнетка — Лорин Бэколл, урожденная Бетти Джоан Перске. Она родилась в Нью-Йорке, но ее родители были евреями, эмигрировавшими из Польши и Румынии. Ее мать тоже побуждала ее учиться танцам и театральному искусству — разве есть иной способ преуспеть? Завершить учебу в Американской академии театрального искусства не хватило денег, и Лорин пошла проторенной дорожкой: стала моделью, а уже потом актрисой. Однако уже первый ее фильм принес ей прозвище «Взгляд» (взгляд у нее был и вправду глубокий и выразительный), а ее особенный голос и артистический талант быстро вывели ее на первые роли. Она вышла замуж за своего партнера Хамфри Богарта, считавшегося лучшим актером США, и эта пара слыла образцовой в Голливуде: они снялись еще в трех фильмах и прожили 12 лет. После смерти Богарта (он много курил и умер от рака) Лорин Бэколл вернулась

в Нью-Йорк и выступала на Бродвее.

После войны интерес публики к кинематографу пошел на спад, главным образом из-за развития телевидения. Пустые развлекательные передачи можно теперь было смотреть и дома, не вставая с дивана. «XX век Фокс» переключилась на серьезные фильмы, специализируясь на экранизации классики. Компания «Метро Голдвин Майер», напротив, сделала своим коньком музыкальные комедии, включив в штат актеров танцоров и певцов — Фреда Астера, Джина Келли, Фрэнка Синатру.

Роковой женщиной на киноэкране вновь стала брюнетка — Ава Гарднер. Она тоже попала в Голливуд исключительно благодаря своей привлекательной внешности, однако эра звука устанавливала свои требования: только после четырнадцати фильмов ее имя наконец-то появилось в титрах, но она еще долго не могла избавиться от своего провинциального акцента, брала уроки дикции и театрального мастерства.

В 1949 году у нее начался роман с Фрэнком Синатрой, который тогда переживал тяжелые времена: его уволили с радио, а концерты отменили. Отношения между сходящим со сцены музыкантом и восходящей кинозвездой на протяжении двух лет наполняли собой скандальную хронику: Синатра был женат и имел трех детей, за Авой Гарднер ухаживали Говард Хьюз и главный секс-символ того времени Роберт Тейлор. Когда роман между Синатрой и Гарднер стал достоянием общественности, на актрису обрушилась волна возмущения, ее поносили в прессе, католические священники забрасывали ее разоблачительными письмами, Лига защиты благонравия грозила бойкотировать ее фильмы. Но Нэнси Синатра положила этому конец, подав на развод, и влюбленные сочетались браком.

Для обоих в карьере начался новый взлет. Синатра, чуть не покончивший с собой в 34 года, когда осип после простуды, оправился и начал все сначала: в 1953 году он даже получил «Оскар» как лучший актер второго плана за фильм «Отныне и во веки веков». Ава Гарднер стала несравненной актрисой мелодрамы и была неподражаема в фильмах по произведениям Хемингуэя (она была знакома с писателем). Крупным успехом стала картина «Могамбо» — римейк «Красавицы из Сайгона», где Аве Гарднер досталась роль, исполненная в 1932 году блондинкой Джин Харлоу. Ее партнером, как и в старом фильме, стал Кларк Гейбл. Однако съемки проходили трудно, потому что Аве пришлось сделать два аборта: в начале работы над фильмом и в самом конце. Актриса сделала трудный моральный выбор между семьей и карьерой в пользу последней. «Нежеланный ребенок (а дети всегда это чувствуют) станет ущербным на всю

жизнь. Не говоря уже обо всех санкциях, предусмотренных МГМ для рожающих звезд, — писала она позже в своих мемуарах. — Если бы я родила ребенка, мое жалованье бы урезали. И на что бы я тогда стала жить? Фрэнк сидел на мели, и это должно было продлиться еще долго». Настоящей семейной жизни у них не получилось, и они расстались после шести лет брака.

После Второй мировой войны США стали не только «страной великих возможностей», но и оплотом капитализма, ревностным хранителем либеральных ценностей и ярым борцом с «красной угрозой». 1950 год положил начало маккартизму — «охоте на ведьм». В то время как социалистический лагерь занимал все большее место на карте мира, в американском обществе нагнеталась антикоммунистическая истерия. От нее пострадали генерал Маршалл (автор плана экономической помощи Европе, которую приняли 16 несоциалистических стран), «отец атомной бомбы» Роберт Оппенгеймер (его исключили из Комиссии по атомной энергии) и 214 голливудских деятелей, в том числе Чарли Чаплин, который в 1952 году уехал обратно в Европу.

В том же году началась война в Корее, которая продолжалась до 1953 года. Для поддержания боевого духа солдат власти попросили выступить перед ними белокурую диву Мэрилин Монро — секс-символ мирового масштаба, очередное воплощение «американской мечты».

В 1952 году коммунистам запретили въезд в США, уже присутствующие в стране члены компартии были обязаны заявить о себе; в случае чрезвычайных ситуаций их должны были сразу арестовать.

Актера Эдварда Робинсона за три года трижды вызывали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности для дачи показаний. Под угрозой попасть в «черный список», он назвал имена коммунистических пропагандистов и отвел от себя удар. После этого ему стали предлагать меньше ролей, только антикоммунист Сесиль де Милль дал ему сыграть в фильме «Десять заповедей», получившем «Оскар» за спецэффекты.

Известный режиссер Элиа Казан (сын греческого торговца коврами Казанжоглу, эмигрировавшего из Турции в США) пришел в комиссию сам. Он рассказал о том, что вступил в компартию в 1934 году, но был исключен оттуда в 1936-м, и не стал скрывать имен своих бывших товарищей, прекрасно зная, что это может повредить их карьере. Левые газеты ополчились на Казана, обвиняя его в фашизме, однако в своих собственных глазах он был прав. Он тоже осуществил свою «американскую мечту» и был благодарен стране, которая дала возможность бедному мальчику, преследуемому на родине, стать богатым и знаменитым. По

крайней мере, он не хотел ссориться с этой страной…

Среди выданных Казаном был его бывший друг Артур Миллер (незадолго до этого Казан экранизировал его пьесу «Смерть коммивояжера»). Вызванный в комиссию, Миллер признался, что присутствовал на некоторых собраниях, но в партии не состоял. В самом деле, компартия спонсировала некоторых «ангажированных» писателей, к коим причислял себя Миллер. Он также подписал тогда несколько воззваний и петиций. Однако назвать других участников собраний он отказался.

А ведь Миллер в каком-то смысле тоже осуществил «американскую мечту». Сын неграмотного дамского портного из Австрии, учившийся кое-как, предпочитая играть в бейсбол и американский футбол (из-за полученной им во время игры травмы он был признан негодным к военной службе во время войны), смог поступить в Мичиганский университет и получил стипендию драматурга (вторая стипендия досталась Теннесси Уильямсу). Но пережитые испытания, антисемитизм, с которым ему довелось столкнуться, прокрустово ложе цензуры, которое ему пришлось примерить на себя, лишили эту мечту розового флера. «Линкольн литературы» смотрел на жизнь трезвым взглядом мудрого еврея, за плечами которого были столетия гонений на многие поколения его предков.

В мае 1957 года Миллера обвинили в оскорблении конгресса за отказ назвать имена членов литературного кружка, подозреваемых в симпатиях к коммунистам, однако год спустя апелляционный суд отменил этот приговор и Миллеру удалось издать сборник своих пьес. Поговаривали, что его оправдали как мужа Мэрилин Монро.

Если Монро была воплощением женского соблазна, то мужским секс-символом пятидесятых, несомненно, был Марлон Брандо, снявшийся всего в пяти фильмах. Миллионы молодых людей во всем мире подражали ему, копируя стиль поведения. Главный герой фильма «Дикарь» в его исполнении повлиял на зарождение движения байкеров и послужил прообразом героя-бунтаря эпохи рок-н-ролла, воплощенных на экране Элвисом Пресли (в 1956 году он снялся в фильме «Люби меня нежно») и Джеймсом Дином.

Тем временем амбициозный и неразборчивый в средствах Фрэнк Синатра *стал* харизматическим лидером «Крысиной стаи» — избранного кружка голливудских кинозвезд, сложившегося вокруг Хамфри Богарта. Кроме них, туда входили Джуди Гарланд, Лорин Бэколл, Сид Люфт, Свифти Лазар, Натаниэль Бенчли, Дэвид Нивен, Кэтрин Хепбёрн, Спенсер Трейси, Джордж Кьюкор, Майкл Романофф и Джимми ван Хейзен. Эта компания часто

показывалась в Лас-Вегасе, в каком-то плане «раскрутив» эту столицу развлечений. По одной из версий, название для группы спонтанно родилось у Лорин Бэколл: увидев, какими усталыми и измотанными они вернулись после вечеринки в «Вегасе», она якобы воскликнула: «Вы похожи на жалкую крысиную стаю!» По другой версии, этот термин принадлежит журналистке, которую не приняли в компанию, а в характере крыс не пускать в свою стаю чужаков. Как бы то ни было, статус лидера «Крысиной стаи» позволил Синатре завязать связи с влиятельными политиками, например, с кланом Кеннеди и княжеской семьей Гримальди (являясь близким другом актрисы Грейс Келли, вышедшей замуж за монакского принца Ренье, Синатра стал крестным принцессы Стефании), а также с главарями мафии, с которыми он сошелся очень близко. По рассказам, Фрэнк Синатра даже перевозил деньги мафии из США в Гавану, на знаменитый съезд «коза ностра», чудом избежав задержания на таможне. Впоследствии с него был списан персонаж Джонни Фонтейна из фильма «Крестный отец».

«Крысиная стая» сыграла положительную роль в отмене расовой сегрегации: Синатра и его приятели отказывались играть или покровительствовать казино, в которые не принимали на работу чернокожих американцев. Поскольку явления «Крысиной стаи» всегда сопровождались наплывом журналистов и публики, Лас-Вегас был вынужден подчиниться.

Популярность группы была такой, что когда Фрэнк Синатра трубил общий сбор, все журналисты и знаменитости мчались на зов, даже если в это самое время в Вашингтоне проходило совещание между президентом США Дуайтом Эйзенхауэром, французским президентом Шарлем де Голлем и советским лидером Никитой Хрущевым.

В начале 1960-х в группу вошли популярные молодые актеры, в том числе Питер Лоуфорд — зять сенатора-демократа Джона Фицджералда Кеннеди. Группа сыграла заметную роль во время президентской кампании молодого политика. В сентябре состоялись первые телевизионные дебаты между Кеннеди и его оппонентом — кандидатом от республиканцев Ричардом Никсоном. На экране Никсон выглядел нервным, к тому же он был небрит и обливался потом, а боль в колене заставляла его морщиться. Кеннеди же был спокоен и уверен в себе. Теледебаты Никсон проиграл, хотя те избиратели, которые слушали трансляцию по радио, полагали, что ответы Никсона были более убедительными. В очередной раз «казаться» возобладало над «быть».

После того как Кеннеди поселился в Белом доме, Синатра

надеялся войти в ближний круг нового президента, однако, наоборот, был исключен из числа его знакомых. В результате Питера Лоуфорда изгнали из «Крысиной стаи», а его роль в новом фильме отдали кумиру Синатры Бингу Кросби, добавив несколько песен.

Вступив в должность, Кеннеди произнес знаменитую речь: «Не спрашивай, что твоя родина может сделать для тебя, — спроси, что ты можешь сделать для своей родины. Не спрашивай, что Америка может сделать для мира, — спроси, что ты можешь сделать для мира».

Момент для воззвания к патриотическим чувствам был выбран, возможно, не слишком удачно. В общественном сознании уже слишком глубоко укоренилась несколько деформированная «американская мечта», идеалом которой была легкая, богатая и беззаботная жизнь в ярких красках «Текниколор».

Однако компания «XX век Фокс» в каком-то смысле последовала совету президента. Когда у нее начались крупные финансовые проблемы из-за двух капризных звезд — Элизабет Тейлор, из-за которой бюджет блокбастера «Клеопатра» перевалил за десять миллионов долларов, и Мэрилин Монро, затянувшей до невозможности съемки фильма «Что-то должно случиться», студия создала эпопею «Самый длинный день» о высадке американского десанта в Нормандии. В окончательной версии этот фильм длился больше трех часов и на сегодняшний день считается одним из лучших фильмов о Второй мировой войне.

В апреле 1962 года погасла звезда Мэрилин Монро. Из-за этого остался неосуществленным важный кинопроект: экранная биография Джин Харлоу, которую предстояло сыграть крашеной блондинке. Приняв предложение, Мэрилин, однако, высказала надежду, что когда ее не станет, никому не придет в голову перенести на экран ее собственную биографию. В том же году легендарная Джоан Кроуфорд снялась в своем последнем фильме и окончательно ушла из света в тень…

«Золотой век» Голливуда завершился.

Екатерина Колодочкина

БРЮНЕТКА

Июль 1962 года. Она идет быстрым шагом. Одна, в самый разгар дня, почти бежит по тротуару престижного квартала Брентвуд в Лос-Анджелесе. Брюнетка среднего роста, даже коротконогая, в бесформенном плаще, скрывающем фигуру и доходящем ей до щиколоток. Никакой косметики, разве что совсем чуть-чуть. На носу большие черные очки, на ногах туфли без каблуков, самые обычные. Машины обгоняют ее, даже не замедляя ход. Это просто прохожая, чем-то напуганная, с растрепанными волосами, ночное создание, явно только что из постели. Чокнутая или обкуренная. Она словно убегает от опасности, спасается от кого-то. Бежит ли она с незаконного свидания, с оргии, устроенной голливудским бомондом на одной из богатых окрестных вилл, скрытых от взглядов за высоким забором? Откуда она пытается вырваться? Она торопится, задыхается, семенит своими ножками. Сколько ей лет? Трудно сказать из-за очков и черной челки, закрывающей лоб и контрастирующей с крайне бледной кожей. Но явно уже за тридцать. Ее не слишком изящное тело являет собой утомление, тяжкую усталость, в походке что-то тяжеловесное, смиренное.

Она вскидывает руку, чтобы остановить такси.

«Я… я не знаю. Поезжайте. П… прямо. Я в… вам скажу, к… когда остановиться».

Шофер удивлен. Не просьбой, он и не такое слыхал. Его поразил голос. Такой тонкий, хрупкий, что он посмотрел в зеркало заднего вида, испугавшись, что к нему в машину запрыгнула девчонка, сбежавшая из дома. Да еще и заика. Однако это женщина. Пассажирка сняла очки. Вокруг ее голубых глаз залегло множество мелких морщинок. Щеки покрыты довольно густым пушком — светлым, почти белым. Как и ее брови. Шофер успокоился. Он-то опасается грабителей, громил. Праздные женщины, садящиеся к нему в машину в поисках компании, его не беспокоят. Даже если от них не слишком приятно пахнет. Не страшно. Если надо, он может поговорить. Она сама начинает разговор, своим тоненьким, почти неслышным голоском — вежливым, умоляющим: «С какой ж… женщиной вам бы х… хотелось п… провести ночь?»

Она не спала до рассвета. Никак не получалось, несмотря на всё, что она проглотила, чтобы приручить — нет, не сон, а страх сна, засыпания, забытья, кошмаров. Смерти в миниатюре. Она не спала, и чтобы заставить замолчать окружающую тишину,

вырваться на мгновение из давящего одиночества, схватила единственный предмет, который еще связывает ее с миром и доказывает ей, что ее плоть до сих пор сверкает, когда всё вокруг нее погасло. Телефон. Белый аппарат, подключенный в соседней комнате, со шнуром длиной в десяток метров, который она протащила под дверь и, дрожа, прижала трубку к себе, словно мягкую игрушку, под одеялом, под подушкой. Она звонит. Неважно кому — всем подряд: друзьям-подругам, любовникам, бывшим мужьям, докторам, массажистам, журналистам, сыновьям и родственникам высоких особ, соседям, пресс-атташе, фотографам, парикмахерам, гримерам, актерам, преподавателям, психиатрам.

— Угадай, кто это?

— Ты на часы смотрела?

Она сюсюкает своим голоском. Она не смотрела на часы. А зачем? Она живет по другому времени, иногда спит сто лет — принцесса, русалка; она порхает, плывет, она на пляже, обнаженная, напротив океана, ветер горячий, а она сама — награда. Она или, вернее, это чужое присутствие в ней, с которым она порой сталкивается, словно с соседом по лестничной клетке. В ее мире, свободном от условностей и лжи, всё позволено: расхаживать голой по белому пустому дому под ошеломленным взглядом посетителей, пить шампанское после пробуждения, приходить на свидание с опозданием в восемь часов. Звонить среди ночи по первому попавшемуся номеру.

Ее мир — мир детской сказки. В нем нет часов.

Белокожая и темноволосая женщина за тридцать, страдающая бессонницей, растрепанная, в широченном плаще, скрывающем ее явно округлые формы. Толстая и потасканная. Невзрачная.

Всё началось задолго до ее отъезда на восточное побережье, в тот знаменательный день в конце 1954 года, когда она ушла по-английски, показав кукиш кинокомпании «XX век Фокс», и села на ночной самолет Лос-Анджелес — Нью-Йорк, в бежевом костюме, спрятавшись под черным париком и за невероятным вымышленным именем — Зелда Зонк, чтобы освободиться от голливудской системы, использовавшей ее округлости, ее сосцы, точно дойную корову, и чтобы отделаться от целлулоидной блондинки, чья фотография в бикини была у всех мужчин без исключения, от рабочего до сенатора, а продюсеры держали ее в плену ролей неотразимой дурочки. Зелда Зонк была одним из ее самых блестящих творений. Образом, к которому она прибегала по мере необходимости — не таким фальшивым, не таким надуманным. Не знойная брюнетка латинского типа, а

рассудительная, расчетливая женщина, холодная и решительная. Чужая личина, которая внушала уважение — то, к чему она стремилась больше всего. На самом деле она гораздо лучшая актриса, чем думают. В первый раз на нее это накатило однажды утром. Вдруг стало невозможно дышать. Ей хотелось выпрыгнуть из своего тела, выпростаться из этой розовой мясистой оболочки, взывавшей к наслаждению на экране, на обложках журналов, на постерах, на календарях. И тогда она нацепила черный парик, облачилась в самую простую одежду, не слишком облегавшую ее зад и груди, и вышла на улицу. Она хотела посмотреть, какой это произведет эффект, вновь испытать давно забытое ощущение, когда идешь, не вертя задницей, одна, не вызывая столпотворения, которое можно разогнать только с помощью армии. На несколько часов отделаться от того наносного, которое, в конце концов, проникло внутрь ее самой, словно неизлечимая болезнь. Как хорошо было вдруг примерить на себя безвестность, а еще лучше — испытать успокаивающее и острое сознание того, что может нарушить ее в любой момент. Нет ничего проще: достаточно снять накладные волосы, а главное — вернуть свою знаменитую «горизонтальную» походку, и сразу же произойдет чудо. Вообще-то ей даже парик был не нужен. Такая, как есть, обретшая свою природную хрупкость, она становилась неузнаваемой, никто не знал, кто она такая. И дело тут не в косметике и не в цвете волос. На самом деле, ее видели лишь тогда, когда она сама решала появиться. Вот доказательство: уже на вершине славы, на одной из известных нью-йоркских вечеринок ее спросили: «А вы чем занимаетесь?» — «Я актриса». — «И как вас зовут?»

Тонкий голосок и извиняющийся вид. Невероятно, но факт. Самая желанная женщина в мире, которая вызывала чудовищные скопления народа при каждом своем появлении, могла намеренно исчезнуть, раствориться. Быть одной из студенток актерской студии, безвестной прохожей на Пятой авеню, почти дурнушкой, плохо сложенной, одной из женщин с невыразительным лицом, которые бросают крошки птичкам в Центральном парке, безвольной тенью под солнцем Калифорнии. Но этого она еще не знала, постепенно постигая, что лишь она одна обладает этой властью — вдохнуть жизнь в своего знаменитого двойника, вызвать его из небытия, если надо. С помощью Зелды Зонк или без нее. Одним мановением руки.

Живая — неживая.

Она одна могла приковать к себе взгляд других людей и расцвести прямо на улице, к великому потрясению зевак. Она воображала себе испуг: время как бы остановится, за ней

погонятся, будут преследовать, окружат, набросятся. Как в аэропортах, которые приходилось закрывать на целый день, чтобы восстановить «прежнее» спокойствие, пока она не выйдет из самолета — сияющая, смеющаяся, больше чем через час после приземления, и не пройдет по дорожке, наглухо перекрытой охранниками ростом со сторожевую вышку, под обстрелом своры фотографов, а вдалеке, напирая на барьеры, толпа вопит ее имя (которое даже не ее собственное), мечтая топтать ее ногами. Продуманная мизансцена. Многократно отрепетированная. Воспроизводя ее, она при этом страшно боялась задохнуться. А вдруг люди опрокинут охрану и вырвутся на летное поле, прямо к ней? А вдруг Зелда Зонк сбросит маску прямо на улице? Смятение. Нарушение общественного порядка. Эта мысль приводила ее в панику, но она ни за что не позвала бы на помощь. Она заметила, что наслаждается и этим тоже — тем, что ее обирают, расплющивают, точно под весом тяжелого, очень тяжелого любовника. Или подушки. Когда забавляешься тем, что стараешься не дышать.

Иногда она этим забавлялась.

Уже давно она боролась с удушьем.

Теперь она вернулась домой. Весь день перескакивала из одного такси в другое. Каждый раз один и тот же вопрос — и почти единодушно все тот же ответ. Из двенадцати опрошенных шоферов десять брякнули не задумываясь: «С Мэрилин Монро».

Скомканный плащ валяется на полу, рядом с туфлями и черным париком. Ничего другого на ней не было. В зеркале отражается желтоватая солома ее волос, голое белое тело без грима — в последнее время она не мылась, годы цепляются за него, а ласки соскальзывают. Сегодня вечером она одна, и впереди ночь, и обнимать придется только телефон. Не страшно. За редким исключением, все мужчины горят желанием с ней переспать. Мужчины — сколько любовников скользнуло по ее телу, — которые набрасываются на нее, словно голодные. Если бы они знали. Если бы они только знали, что она была здесь, в нескольких сантиметрах, беззащитная, открытая. Фантазия номер один. Они ее не узнали. Они ее не увидели. Потому что Мэрилин Монро не существует.

Мэрилин Монро — это она.

РОЖДЕНИЕ

Сначала свет гаснет резко, без объяснений, потом наступает ощущение, что всё становится сложным, враждебным и горячим. Очень горячим. Чудовищное и неравное сражение с внезапным, непостижимым небытием, которое набирает силу и покрывает собой всё.

Род-Айленд-авеню, Хоуторн. Обычный день в унылом предместье Лос-Анджелеса. Выстроившиеся в ряд домишки, где копятся разбитые мечты, ложь и дурновкусие, а за занавесками прячутся годы мелочных придирок. В одном из бунгало сумасшедшая старуха, наслушавшаяся проповедей евангелистских священников, пытается задушить подушкой грудного ребенка. Малышка отбивается, молотит ручками и пухленькими ножками. Но старуха давит сильнее, закрыв подушкой все лицо младенца, чтобы ни частички воздуха не прошло, ни одного крика не вырвалось. Движения ребенка ослабевают. Борьба явно слишком неравная. На счету старухи годы подавляемого насилия, злобного разочарования. А главное — с ней бывают припадки. Она уже давно ищет виноватого, из-за кого вся ее жизнь пошла коту под хвост. И сегодня утром все прояснилось. Ее злой демон — это Норма Джин, дочь ее дочери, крепенькая щекастая девчушка, лепечущая в пеленках в двух шагах от нее.

По счастью, Болендеры — соседи напротив, которым поручили присматривать за ребенком, — явились вовремя и не дали Делле Монро Грейнджер убить свою внучку. Малышку два-три раза ударили по щекам, возможно, сделали ей массаж грудной клетки, чтобы воздух снова начал циркулировать по маленьким легким. Потом старуху отправили прямиком в сумасшедший дом. Или (по другой версии) малышке самой удалось вырваться из чудовищных тисков. И бабка, в конце концов, признала свое поражение. Или же припадок прошел сам собой, старуха передумала, прижалась ухом к ее спине, пока девочка надрывно кашляла и приходила в себя. В тот день Деллу Монро не отправят в психушку. Отложат на потом.

Как бы то ни было, Норма Джин не умерла в тот раз. В 1927 году.

Но, возможно, эта мрачная история о детоубийстве, страшный случай острого приступа безумия — всего лишь выдумка. Поскольку никаких доказательств мнимой попытки убийства безобидного младенца, которому было от роду всего несколько месяцев, не существует. Правда это или ложь,

«инцидент» обретает от этого лишь еще больший смысл, большее значение. Ведь об этом происшествии рассказала, сделала его достоянием общественности Мэрилин Монро — суперзвезда, обожаемая во всем мире, олицетворение торжествующей женственности. Это ужасное событие личной жизни стало, по ее словам, в каком-то смысле ее рождением, это оно ее «сделало». Произвело на свет. Стало первым воспоминанием. Однако женщина, известная под именем Мэрилин Монро, много лгала о своем прошлом, своем детстве, начале жизни, браках. Ее жизненный путь проходит через темный лес, и она лишь изредка удостаивала бросить несколько камушков, чтобы навести на след. Ей приходилось защищать себя. И создавать себя тоже. Выдумывать себя, сочинять свой миф, в котором сплелись атавистическое безумие ее предков и невероятная сила сопротивления маленькой брошенной нелюбимой девочки, жертвы злобы взрослых людей. Ей приходилось подчеркивать контраст между гадким утенком — Нормой Джин и прекрасным лебедем — Мэрилин Монро. Чем ярче он будет, тем мощнее получится миф, достовернее — легенда.

Итак, рассказывала она, жила-была бедная девочка, родившаяся в половине десятого утра 1 июня 1926 года в обшей палате городской больницы Лос-Анджелеса. Хорошенький младенец, пышущий здоровьем, белокожий, с несколькими завитками русых волос и удивительно синими глазами. По материнской линии — прадед, покончивший с собой, дед, умерший сумасшедшим, бабка, страдающая маниакально-депрессивным психозом, к тому же пьяница. Мать тоже была неуравновешенной и подверженной различным психозам. Что касается отцовской линии, то там вообще возможно всё, что угодно. Отца у девочки не было. Тот, кого записали в свидетельство о рождении, — Мартин Эдвард Мортенсен, адрес неизвестен, был просто именем, человеком без лица. Настоящий отец умер, или же сбежал, или просто не знал, что стал отцом. А может быть, предпочитал об этом не знать. Глэдис Бейкер, ее мать, не ведала долгой любви. Знала ли она точно, кто ее обрюхатил? Это была тоненькая, еще молодая женщина с довольно изящной фигурой, приветливая, твердая в своих убеждениях, которая работала по двенадцать часов в день в монтажной студии «Консолидейтед Филм Лэбораториз» киностудии «Радио Кейт Орфеум Пикчерз». Ничего увлекательного: чисто механическая работа, заключающаяся в разборе и сортировке негативов. Но это Голливуд, мир кино, фабрика грез. А Глэдис любила грезить, веселиться со своей

подругой и коллегой Грейс Макки, ходить на свидания с мужчинами, выдавать себя за актрису, чтобы на мгновение забыть, из какого ада она вышла. Одним словом, перекраивать реальность на свой фасон. Ее отец умер в психиатрической больнице. Что же до матери…

Глэдис уверена, что ее отец был чокнутым, а мать пошла по той же дорожке, что депрессия и безумие передаются по наследству. Она ищет выход, чтобы сбежать от этого гадкого рока, пробует мужские тела, мужские руки. Мнимая защита, призрак равновесия. В четырнадцать лет она уже беременна. Мать заставила ее выйти замуж за виновника. Его зовут Джаспер Бейкер, он на двенадцать лет старше ее, пьет и лупит, когда на него находит. А «находит» часто. Он хотел, чтобы Глэдис сделала аборт, она отказалась. Они поженились в мае 1917 года. Делла уверила всех в том, что Глэдис уже есть восемнадцать лет. В ноябре она родила мальчика, Джеки, а всего два года спустя — девочку, Бернис. Она еще не смирилась. Что-то в ней сопротивляется. Устав от оскорблений, унижений, ежедневных побоев мужа, устав носить солнечные очки, чтобы скрыть синяки под глазами, Глэдис в 1921 году подала на развод и вернулась к матери, брошенной вторым мужем, вместе с двумя детьми.

Вот тогда и произошло страшное. В этой семье самое ужасное, как узнает маленькая Норма Джин, всегда впереди. Можно сколько угодно думать, что самое трудное осталось позади, что в определенный момент, по законам статистики, чаша весов перевесит в другую сторону и начнется светлая полоса. Так нет. В очередной раз кошмары взяли верх.

Однажды Джаспер Бейкер не вернул детей после выходных. Глэдис билась и так и эдак — всё напрасно. Ее сын и дочь оказались в руках буйного и жестокого пьяницы-отца, который вымещал на них зло за уход их матери. Глэдис согнулась и поникла, попробовала забыть, поселилась в крошечной квартирке в Голливуде. Заполняя анкеты, она подчеркивала варианты «детей нет» или «умерли». Попробовала себя в кино, делала прически, как у актрис, бывших в то время в моде, выдумывала себе жизнь, более увлекательную и не такую мрачную, как ее собственная. Вместе со своей подругой Грейс, обесцветившей волосы под Джин Харлоу, мечтала увидеть себя на большом экране, но очень скоро поняла, что ей нужно находиться по другую сторону киноэкрана, и так оказалась в монтажной студии «РКО Пикчерз». Фильмы сменяли друг друга, моды тоже. Глэдис завивала волосы и курила сигареты. Принимала позы, носила приталенные костюмчики. Крутила романы без последствий, вкусила любви (на сей раз настоящей) со Стэном Гиффордом,

снова мечтала о браке, очень сильно. Но мужчины не задерживались надолго на ее сухом лихорадочном теле. Вероятно, первое время они наслаждались ее непринужденностью, невероятно тонкими чертами лица, бархатистой нежностью кожи, но огонек, периодически вспыхивавший в глубине ее синих глаз, тайно побуждал их к бегству. Гиффорд отказался на ней жениться. Уязвленная, преданная, впавшая в глубокую тоску, Глэдис кинулась в объятия случайно подвернувшегося рабочего, который надел ей кольцо на палец. Или веревку на шею. Октябрь 1924 года. На сцену выходит пресловутый Эдвард Мортенсен, который двумя годами позже будет значиться в свидетельстве о рождении маленькой Нормы Джин. Он ее ни разу не увидит, да и его отцовство практически исключено. Надо полагать, что Глэдис Бейкер в конечном счете предпочитает потрясения скуке. Через четыре месяца она уже знала наизусть Эдварда Мортенсена и его норвежский акцент. Они расстались в феврале 1925 года. И снова дурное обхождение и произвол Стэна Гиффорда, от непостоянства которого она таяла как свечка.

Когда в октябре 1925 года Глэдис поняла, что беременна, она не раздумывала. Хотя Гиффорд четко дал понять, что… И потом, кто ему докажет, что… Даже если она и так едва сводит концы с концами при своей жалкой зарплате и дороговизне жизни в Калифорнии. Даже если мать обзывает ее дурой, больной. Глэдис на это плевать, она просто попросила у нее позволения время от времени укрывать свою незаконную беременность у нее дома. Она хочет родить этого ребенка, девочку (она уверена, что будет девочка). И родила. Это ее реванш, награда за ночи обманутого ожидания, нарушенные обещания, двух малышей, которых у нее отняли. Это ее кино на большом экране. Потому что эта девочка однажды станет кинозвездой. Глэдис этого хочет, она дала ей имена своих любимых актрис — Нормы Ширер (или Нормы Тэлмедж?), на которую, по ее мнению, она немного похожа, и Джин Харлоу.

Норма Джин.

НОРМА ДЖИН МОРТЕНСЕН

Норма Джин — в большей степени дитя разрыва, чем любви, отчаяния, а не желания, причуды, а не необходимости. Потому что Глэдис исполняет материнские обязанности с перебоями. Сразу после рождения малышки она вернулась к своей работе в «РКО Пикчерз» и голливудской жизни, доверив младенца заботам соседей матери. В самом деле Деллы не было на месте. Она помчалась за своим вторым мужем, уехавшим за тысячи верст, надеясь вернуть его в лоно семьи в кратчайшие сроки. Норму Джин окрестила ее сестра Эйми Сэмпл Макферсон, основательница секты христиан-сайентистов, в которую вошла Делла Монро, а проповеди в ней читались каждое воскресенье под дымовые шашки и спецэффекты. Потом Глэдис ушла. Она переговорила с Уэйном и Идой Болендерами из бунгало напротив, и те за пять долларов в неделю согласились взять малышку на свое попечение.

«Я буду приезжать по субботам, — пообещала она младенцу. — Каждую субботу, Норма Джин. Останусь ночевать, и у нас с тобой будет целых два дня. А когда у меня будет достаточно денег, я куплю домик, где мы будем жить с тобой вдвоем. С белой мебелью, белыми шторами, белым роялем. И ничто нас больше не разлучит. Мы больше никогда не будем расставаться».

Материнский инстинкт периодически пробуждался в Глэдис, как непогашенный костер. На нее накатывала волна, захватывал вихрь желания и сознания вины, но он утихал так же быстро, как появлялся. Глэдис жизнь бы свою отдала за Норму Джин. В свою историю про дом она верила свято. Но только несколько минут. Мгновением позже она уже гонялась за другими миражами и думала лишь об увеселениях в компании своих голливудских друзей. Она пропустила одну субботу и даже не заметила. Жаль, в следующую субботу у нее вечером свидание. Поэтому она только смоталась туда и обратно, прибежала, запыхавшись, к Болендерам с наспех упакованной парой подарков, с рыжими волосами, умело причесанными по последней моде, неловко взяла маленький сверток с розовым тельцем, который протянула ей Ида, сухо и холодно поцеловала младенца в обе щечки и молча унесла его погулять.

— Она хорошо кушает?

— Да.

— А спит?

— Тоже.

Норма Джин была удобной девочкой. Никогда не болела, слушалась. Она выросла, ни слова не сказав, посреди других детей. Для Болендеров присмотр за детьми был странным сочетанием доходного дела (порой они брали на попечение пятерых или шестерых) и нравственного долга. Эта глубоко верующая пара считала своим предназначением внушить всем своим маленьким подопечным главные понятия любви и греха, добродетели и порока, а также правила поведения. Месса по воскресеньям. Глэдис, которая чересчур ярко красилась, на их вкус, дымила, как паровоз, и общалась с не самыми приличными людьми, не могла послужить для своей дочери хорошим примером. По счастью, с ней были они, чтобы держаться настороже и наставить на верный путь Норму Джин, податливую, как пластилин, бездонный колодец, вбирающий в себя потоки проповедей и заповедей блаженства. Суровость и строгость. Лаской следует оделять умеренно, даже скупо. Нежность относится к людским слабостям. Нужно беречься ее, как чумы. Или безумия.

Тем временем вернулась Делла Монро. Одна. Муж, за которым она увязалась до самого Борнео, где он пытался скрыться, и слышать ничего не желал. Послал ее ко всем чертям. И она вернулась в Хоуторн, на Род-Айленд-авеню, в свой домик напротив Болендеров — убитая, униженная. Кое-как поддерживали ее на плаву только спиртное, которое она поглощала всё большими дозами, и проповеди Эйми Сэмпл Макферсон. Как-то в момент прояснения она обнаружила, что у нее есть внучка. Что эта девочка делает у Болендеров? Потомок Джеймса Монро (пятого президента Соединенных Штатов, 1817–1825), как она любит утверждать, в руках этих мелочных и нудных людей, которые набивают себе карманы, прикрываясь милосердием! И почему Глэдис не поручила ребенка ей? Делла поражена. Она то и дело является к соседям и требует у них Норму Джин. Уэйн и Ида Болендеры не знают, что и делать. Глэдис не давала им никаких указаний на этот счет, приезжает она не часто, да и вообще они не уверены, что им следует придерживаться ее советов. Что же касается Деллы, у них есть свое мнение на ее счет и у них вся душа переворачивается, когда она уносит бедную девочку к себе, мурлыча, словно кошка, лопоча всякие глупости, впадая в детство. Как будто в куклы играет. Однажды днем, после нескольких часов, проведенных у бабушки, они заметили, что с девочкой что-то не так. Трудно сказать, что именно, но ее словно сильно напугали. Она вся покраснела, кашляет, ее рвет, спит беспокойно. Должно быть, старуха что-то с ней сотворила, другого объяснения не подобрать.

Она истеричка, да еще и алкоголичка в придачу. Она представляет угрозу для ребенка. Она больше не должна его видеть.

Уэйн Болендер запретил Делле Монро переступать порог его дома. Едва он успел забаррикадировать двери и окна, как та с воплями стала ломиться в их бунгало, сыпля бессвязными проклятиями и мольбами. Барабанила в двери, обломала ногти о стены, насмехалась, пиналась ногами, начинала рвать на себе волосы и одежду. Из ее уставшей глотки, из ее потасканного тела всё било ключом, и никак нельзя было унять этот поток, вырвавшийся из глубины. В соседних домиках подняли тревогу. В доме Болендеров Ида зажала руками уши Нормы Джин, чтобы та не слышала, как ее бабушка угрожающе-просительным тоном выкрикивает ее имя. Сквозь оконные решетки они вскоре увидели, как Деллу скрутили санитары. Несчастная еще отбивалась, за отрыжкой последовали жуткие всхлипы, в последний раз прозвучало проклятие, которое она обрушила на них, на весь мир и на Норму Джин.

Между домиками восстановилась покойная тишина, в Хоуторне временно поселилось что-то похожее на нормальную жизнь. Делла Монро умерла почти месяц спустя в психиатрической больнице Норуолка, во время приступа безумия. Норма Джин подрастала и удивленно глядела на окружающий мир широко раскрытыми синими глазами. Там были другие дети, некоторые имели право называть мужчину и женщину из бунгало папой и мамой. Но не она. Она не знала почему. А ведь Ида несколько раз ей говорила: «Твоя мать — та рыжая дама, которая приезжает к тебе по субботам и водит на прогулку».

Норма Джин не слышала. Ей хотелось поцелуев, ласки. Этого не было заведено ни в доме, где она жила, ни в доме Глэдис, которая во время своих наездов таскала дочь туда-сюда, толком не зная, что с ней делать. «Садись сюда, Норма Джин, покатаемся на машине. Поедем на пляж. Там будут мои друзья. И будь умницей, помалкивай, у меня голова болит. Терпеть не могу детских криков». Или в ее голливудской квартире: «Сиди смирно. Ко мне придут гости».

Девочка забивалась в угол у шкафа, рассматривала фотографии актеров на стене, пряталась среди платьев, висевших на вешалках. Беглый поцелуй на обратном пути. У Глэдис свидание, она боится опоздать, растрепаться, она высаживает Норму Джин у дверей, ей некогда выходить из машины, она вернется, обещает она, вернется. «До свидания», — шепчет девочка красивой даме в английском костюме, которая никогда не улыбается, не понимая, как же ее дочери не хватает любви. А

ведь где-то должна быть любовь, потому что на мессе по воскресеньям только об этом и говорят.

Кризис произошел в 1933 году.

Глэдис Бейкер узнала сначала о самоубийстве своего деда со стороны матери, а потом о смерти при страшных и неясных обстоятельствах своего сына Джеки, которого она так больше и не видела. Мальчик якобы умер от чахотки, вызванной дурным обращением. Джеки явно был «невезучим». Ему было шестнадцать лет. Глэдис опустилась. Она испытывала чувство вины и бессилия. У нее начала развиваться мания преследования. Ее дитя, ее первенец, единственный мальчик. Она вспоминала Джеки-младенца, воображала себе красивого юношу, которым он стал, которым он мог бы стать. Всё смешалось в ее голове. Она чувствовала себя недостойной. Возможно, пришло время покончить с дурной жизнью. Она плохая мать. Господь подал ей знак. Смерть Джеки — предупреждение. Наверно, еще не поздно искупить свою вину, это всегда возможно: то, что не удалось с двумя старшими детьми, она наверстает с Нормой Джин. Нет, безумие не передается по наследству. Пелена перед глазами Глэдис незаметно стала плотнее. Ее поведение изменилось. Вот и она в свою очередь приобщилась к сайентизму, работает в два раза больше, чтобы сводить концы с концами, в обстановке, которая с каждым днем становится все напряженнее: порой ей приходится преодолевать пикеты забастовщиков, направляясь в свою монтажную студию. Днем она работает от звонка до звонка в «Коламбии Пикчерз». Ночью — в «РКО Пикчерз». Теперь ею владеет только одна мысль: купить домик для них с Нормой Джин.

— Это неразумно, — твердит ей подруга Грейс. — Ты по уши залезешь в долги. Обстановка сейчас неблагоприятная.

— Я куплю этот дом, — не слушает ее Глэдис. — Я должна это сделать ради дочери. В нашем доме мы будем под защитой. Никто не сможет сделать нам ничего плохого.

И 20 октября 1934 года Глэдис и Норма Джин въехали в миленький домик под номером 6812 на Арбол-драйв, в Голливуде. Два этажа, садик. Глэдис купила белую мебель и выписала рояль (тоже белый) для Нормы Джин. Безумие. Впервые в жизни Глэдис счастлива, ее мечты претворяются в дела (или наоборот); она хозяйка своей жизни и упивается ощущением волшебной власти. Одновременно она в панике. Деньги уходят, как вода в песок, растворяются в клавишах рояля — пусть даже покалеченного, подержанного, — в стульях, шторах, кроватях. Она в панике, ей кажется, что злые люди ворвутся к ней и всё

отберут. Она топит свой страх в вине и веселье. Возможно, она чувствует, что всё это ненадолго. Почти каждый вечер она устраивает ужины в новом доме, бросается в объятия мужчин, а потом назначает себе епитимью во искупление греха.

И посреди всего этого — Норма Джин, длинная и худая молчаливая девочка с большими синими глазами, вся белая, сливающаяся с обстановкой, только волосы потемнели и стали темно-русыми, а вокруг густой сигаретный дым и спиртные пары, смех, песни. Спать она ложится поздно, очень поздно. Встает и идет караулить на мост — маленький часовой, выставленный здесь, чтобы защищать свою мать. Норме Джин восемь лет. Она не вполне понимает, что вокруг нее происходит, только чувствует какие-то подземные толчки, угрозы. Для своего возраста это очень серьезный ребенок. Послушный. Делает, что ей скажут. Она покинула суровый дом Болендеров без всякого сожаления. Ни к чему никогда не привязываться. Кем была она для них? Только источником доходов. Теперь есть женщина, которую ей позволено называть мамой, в любой день, когда пожелает. Это самое главное. Норме Джин хочется, чтобы мама гордилась ею, потому что ее мама храбрая, она борется за то, чтобы они могли жить вдвоем в своем хорошеньком домике. Да, у нее чудесная мама, жизнь у нее тяжелая, вот почему она редко улыбается и не выносит шума, Норма Джин ее понимает. Просто она совсем одна. В самом деле, отца Нормы Джин рядом нет, он известный актер, ковбой, что-то в этом роде, красивый брюнет с элегантными усами — она видела его на фотографии. Не надо донимать маму, раздражать ее. Жизнь была с ней неласкова. Она иногда начинает говорить сама с собой, странно покачивая головой. Своей бедной головой, которая так болит.

Что-то скоро надломится. Норма Джин сознает хрупкость своей матери и их счастья (ведь это и есть счастье: белый домик, мама, садик). Но что делать? Девочке хочется сжать в объятиях костистое тело Глэдис, защитить ее всем своим маленьким существом. От нехороших людей.

ПЯТНО

Теперь существует то, что Мэрилин Монро провозглашала на все лады когортам журналистов. То, что она сказала и чего не говорила. Существует то, в чем божественная иллюзия из стразов и блесток должна была однажды признаться, чтобы придать себе наполнение. Я страдаю — следовательно, я существую.

Вот что было дальше: обезумев от долгов, доведенная до крайности, всего через несколько недель после покупки домика на Арбол-драйв Глэдис Бейкер вынуждена пустить к себе жильцов. Ее одолевает тревога, сколько бы она ни работала в студии, ей не выпутаться из долгов. Им конца-краю нет. Где-то в жизни Глэдис находится кредитор, который ждет своей очереди. Ей пришлось поделить свою мечту надвое и предоставить второй этаж своего дома в распоряжение четы английских актеров — Мюррея Киннела и его жены. Как будет потом рассказывать ее подруга Грейс Макки, она очень быстро заметила, что «мистер и миссис Киннел плохо ведут себя с Нормой Джин». Почти двадцать лет спустя, в 1953 году, Мэрилин Монро упомянет о неком «мистере Киммеле», который завел ее в свою комнату, закрыл дверь и велел ей быть «хорошей девочкой». Несколько минут спустя, замаранная, опозоренная, напуганная, она попыталась рассказать об этом своей «тете», которая залепила ей пощечину и назвала лгуньей. И тут спустился элегантный, одетый с иголочки «мистер Киммел» (или «Киннел»), погладил ее по голове и дал ей монетку, чтобы она купила себе конфетку. Девочка запуталась, замкнулась в молчании и непонимании. С тех пор она стала заикаться.

Как обычно, всей правды об этом происшествии узнать невозможно. Да и не это главное. Что такое изнасилование? Первый муж Мэрилин Джим Дагерти будет утверждать, что она была «девушкой», когда он на ней женился. И всё же осенним днем 1934 года маленькую Норму Джин, дочку Глэдис, снова по-настоящему придушили, перекрыли кислород. Ее лапал, трогал в самых потайных местах респектабельный мужчина, всеми уважаемый и обожаемый его матерью, она не понимала, что происходит, привычный мир вокруг нее рушился (мир проповедей, протестантских речей, добра и зла). Пошатнувшись, она хотела укрыться в объятиях своей «тети» (на самом деле, разумеется, это была ее мать), и тогда ей нанесли вторую рану, возможно, еще более проникающую, более глубокую, чем первое оскорбление. Взрослое любимое существо не защищает ее, не

утешает. Наоборот, отталкивает и обвиняет. Это самая ужасная несправедливость, самая возмутительная и бесполезная, ведь в глубине души Глэдис наверняка знает, что Норма Джин не лжет. И Норма Джин знает, что та знает. Но она пленница своей мечты. Она не может допустить, что не в силах защитить свою дочь, как не смогла спасти сына. Второй раз. Что это за мать, если она не защищает своих детей? Ей остается только расписаться в своей полной неприспособленности к жизни в этом мире и удалиться, сложить с себя, наконец, всякую ответственность. Нарастающее психическое помешательство, приступы, признание недееспособности и помещение в психиатрическую лечебницу в декабре 1934 года. Однажды утром Норма Джин услышала крики ужаса, а затем смех из кухни. Глэдис сорвалась с якоря, отправилась в страну, которую знала она одна. Санитары привязали ее к носилкам. «Скорая помощь» уехала.

Безумие, возможно, — замаскированная и не такая болезненная форма сознания своей вины. Глэдис Бейкер в свою очередь сошла со сцены. Сказка о белом домике продлилась три месяца.

На сей раз Норма Джин умерла. Осталась только оскорбленная девочка, снедаемая угрызениями совести, одна-одинешенька на всей земле. Да теперь еще и заика. Согрешила ли она? Сдала ли она свою мать санитарам из психбольницы? Она осталась без семьи, уже тогда она принадлежала всему миру Ее тело, отныне отданное в общее пользование, тайно готовилось взять реванш. Она еще не знала об этом. Пятно первородного позора, который одновременно созидает и разрушает. Поруганное тело Нормы Джин отправило ее мать в психбольницу, а ее саму в детский дом. Это неудержимое скатывание по склону горы, на которую не взобраться обратно, тот момент, когда всё пошло кувырком, а Норма Джин Мортенсен, дочь Глэдис Бейкер, умерла в глазах общества, утратила свое лицо. Отныне ей придется найти себе другое.

Образ Мэрилин Монро начал вылепливаться блудливыми пальцами второразрядного английского актера.

НОМЕР 3463

Когда Глэдис оказалась в психушке, ее подруга Грейс Макки стала законной опекуншей Нормы Джин. Малышка все еще была в состоянии шока, бормотала бессвязные фразы. Иногда до нее долетали обрывки разговоров взрослых: «Помешательство», «Это наследственное», «Пойдет по той же дорожке». Ее бросало в дрожь при мысли о санитарах, которые придут и схватят ее в тот день, когда она начнет вопить и смеяться без причины. Потому что когда-нибудь наступит день, когда она, как Делла, как Глэдис… Она пытается прижаться к тете Грейс, двойнику ее ушедшей матери, крашеной блондинке, которая мечтает уехать и периодически прикладывается к бутылке. Ей хочется не шевелиться, ничего не слышать, просто смотреть, как течет время за окном, в своем укрытии, вырасти в тишине, дожидаясь часа своего реванша, не одолеваемой страхами взрослых, а ослепленной иллюзиями маленькой девочки. Вот только Грейс Макки влюбилась. 17 августа 1935 года она вышла замуж за техасца без гроша в кармане — Дока Годдарда. Пусть она себе в этом не признается, но Норма Джин для нее обуза. У нее нет средств воспитывать чужого ребенка. И всё же она обожает эту девочку, она готова ради нее на что угодно, отказывает себе в лишнем куске, чтобы отдать его ей, сводить в кино. Потому что кино конечно же гораздо лучше жизни.

Запутавшись в противоречиях, верная Глэдис, но покорная пьющему мужу, да и сама часто пребывающая в подпитии, Грейс Годдард решилась на худший вариант. 13 сентября 1935 года она, ни слова не говоря, собрала жалкие пожитки Нормы Джин. С застывшим лицом, по которому время от времени, почти что по недосмотру, стекали слезинки, посадила девочку в свою машину. Они молча ехали, пока машина не остановилась перед красным домом. «Вот тут ты теперь будешь жить, — сказала тетя Грейс. — Совсем недолго. Понимаешь, у нас с Доком нет денег, у нас трудные времена, я пока не могу заниматься тобой. Здесь тебе будет лучше. Я буду навещать тебя по субботам, пока дела не пойдут на лад. И тогда ты вернешься домой. Не бойся, ты можешь выходить отсюда. Это не тюрьма».

Девочка не поняла. Она думала, что ее отдали в другую приемную семью. К другим Болендерам, с новыми лицами, новыми обычаями, новыми стенами. Но дом слишком велик для одной семьи. Возможно, это пансионат или что-то вроде того. Эта резкая боль в животе, повсюду, ощущение, будто не можешь

дышать. Вдруг она увидела надпись и испытала такое чувство, будто ее лицо вновь зажали подушкой: «Детский дом».

Тогда девочка закричала: это ошибка, ошибка, она же не сирота, раз у нее есть мать, ее мать зовут Глэдис, она была добрая, хорошая, смелая, она купила ей белый дом с роялем (тоже белым) и садом. Какие-то люди пришли, чтобы унять ее. Наверное, надзиратели.

«Я вернусь», — прорыдала тетя Глэдис, и ее голос затих.

Тишина. В общем зале к ней повернулись десятки опустошенных лиц. Это было единственной попыткой неповиновения. С этих пор у девочки больше не было имени, только номер — 3463.

Она не будет бунтовать. Но с этих пор больше не сможет спать по ночам, одолеваемая кошмарами, просыпаясь в поту из-за несказанных тайных страхов, от которых так и не сможет отделаться, хотя позже перепробует все средства, наложит на себя все возможные покаяния. Она не будет бунтовать, но больше не сможет говорить в нормальном темпе, ее слова будут беспрестанно натыкаться на комок, застрявший у нее в горле в тот день, когда чужие пальцы проникли в ее детское тело и отняли у нее мать. Она ничего не скажет, ни разу не пожалуется. По вечерам она молча смотрит в окно спальни на светящуюся вывеску «РКО Пикчерз», сияющую в ночи неподалеку. Где ее мать? Что произошло? Она по-прежнему этого не знает, уверенная в том, что в чем-то виновата и расплачивается за это. Она не такая как все, это ее единственное убеждение. У нее есть две плиссированные синие юбки и две одинаковые белые блузки. Вот и всё. В школе на учеников из детдома показывают пальцем, оскорбляют, высмеивают, называют вшивыми. У Нормы Джин нет друзей. Ее никогда не приглашают в гости. Она сносит все молча. Ее глаза проясняются, только когда к ней приезжает Грейс. Чтобы забыть о неподвижных днях, Грейс водит ее по магазинам и в кино, посмотреть на движение, на свет, наряжает ее, красит, вовлекает в свою эйфорию, в свои безумства.

«Ты такая красивая, Норма Джин. Если бы не нос — само совершенство. Однажды ты станешь великой киноактрисой, величайшей актрисой всех времен. Вот скажи, кем ты будешь, когда вырастешь?» — «Великой киноактрисой».

Однако, кроме нее, больше никто не различает в худой и слишком высокой для своего возраста девочке хоть какую-то изюминку. Кто такая Норма Джин? Просто несколько кило мяса и костей, которые перебрасывают из одного места в другое, поскольку тетя Грейс, одолеваемая чувством вины, изо всех сил

старается пристроить ее к своим знакомым. Кузены, тети, дальние родственники Годдардов — всем им по очереди предложили взять к себе Норму Джин. Девочка стоит пять долларов в неделю, это всё лучше, чем детский дом, оправдывает сама себя Грейс. У Нормы Джин нет своего мнения по этому поводу. Да у нее его и не спрашивают.

Почти два года ее беспрестанно переводили из семьи в семью. Девочка за пять долларов всегда была в хвосте, получала всё в последнюю очередь. Ее место было после других детей, после всех, у нее не было своей комнаты. Экономить так экономить. (Мэрилин Монро потом будет рассказывать, что в те времена ей случалось принимать еженедельную ванну в воде, в которой уже выкупалась вся семья.) Никакой любви, никакой нежности. Только договоренность, заключенная между взрослыми и навязанная девочке. Едва Норма Джин приспособится к новым правилам, к причудам своих хозяев, как ей уже надо собирать вещи и отправляться в новую семью или, на время, обратно в детский дом. Ни одна семья не принимала Норму Джин надолго. От трех недель до нескольких месяцев. Возможно, послушная девочка не была такой уж послушной? Порой выказывала строптивость? Дергала за волосы законных детей? Воровала у них игрушки? Норма Джин хотела только одного: вернуться в дом Грейс, которая была ее единственной настоящей семьей, напоминала ей о Глэдис и водила на фильмы Джин Харлоу и Кларка Гейбла. Блондинка Джин была в глазах девочки воплощением великолепия, о котором грезила ее мать, идеальной матерью, женщиной, которой ей предстоит стать, эманацией потрясающей власти. Что же до красавца Гейбла, он напоминал Норме Джин фотографию мужчины, которую она как-то раз увидела у своей матери, давным-давно. Девочке нравилось думать, что великолепный актер — тот самый мужчина с фотографии. Она, нераспустившийся бутон, уцепилась за мысль, что Ретт Батлер — ее настоящий отец. По поводу матери она уже не питала никаких иллюзий. Грейс в конце концов сказала Норме Джин правду. Они даже обедали вместе с Глэдис. Бывшая монтажер из «РКО Пикчерз», которая с каждым днем все больше худела, объявленная «недееспособной» с января 1935 года, в самом деле слетела с катушек. Она всё время молчала, не узнавала ни дочь, ни подругу, тут же забывала, что было сказано минуту назад. Глэдис Бейкер была теперь только иссохшей оболочкой, призраком. На самом деле это Норма Джин ее не узнавала. Откровенно говоря, она предпочитала тени на большом экране, сильные, непобедимые и гораздо более красивые, чем

потухшие лица из детдома или родителей на один вечер. Чересчур уродливую реальность в самом деле нужно перекроить на свой лад. Потихоньку кино стало семьей, которую она себе выбрала.

В двенадцать лет Норма Джин была дылдой, худой как палка. Ее рост уже тогда был 1 метр 62 сантиметра — гораздо больше, чем в среднем у детей ее возраста. Она казалась еще выше из-за своей худобы: просто оглобля. В синей плиссированной юбке и белой блузке. Всегда. Остальные ученики прозвали ее «человеческим бобом» из-за созвучия с ее именем: Норма Джин, *the human bean*[1]. Она не возражала. Не так уж плохо быть посмешищем для других. Лучше, чем когда тебя не замечают.

Теперь она жила на Небраска-авеню, в западной части Лос-Анджелеса, у Аны Лоуэр, тети Грейс Годдард по мужу, 58-летней старой девы, тоже пламенной последовательницы евангелической секты сестры Эйми Сэмпл Макферсон. Между нею и девочкой, не знавшей ласки, сразу установился контакт. Ана Лоуэр действительно полюбила Норму Джин, и та отвечала на ее чувства. Впервые чей-то взгляд останавливался на ней с небывалой любящей нежностью. Жаркое и сладкое ощущение: руки, которые обнимают тебя, защищают. Девочка открыла для себя чудо ласки. Время покоя, отдыха после долгого периода крайне неуравновешенной жизни. В двухэтажной квартире Аны Лоуэр Бог был любовью, всё было любовью, а зла не существовало. Норма Джин разделяла и полностью принимала эти заветы. То, что извечно в ней подавлялось, теперь наконец-то находило выход. Она смеялась, пела, любила тетю Ану. Внутри нее еще сохранились остатки детства, не размолотые ни серьезностью, ни горем, ни пальцами «мистера Киммела» — нетронутые обрывки невинности. Неважно, что ей каждый день приходится проходить пешком три километра до школы Эмерсона, туда и обратно, в то время как одноклассники обгоняют ее на автобусе. Норма Джин прибегала вприпрыжку, всегда вовремя и не пропустила в школе ни одного дня. Конечно, она застенчивая, неуклюжая. Страх начать заикаться прилюдно чаще всего побуждает ее молчать. Но если она заговорит, решится вдруг выглянуть из своей скорлупы и привлечь к себе внимание, то рассказывает такие несуразности («мой отец — Кларк Гейбл»; «мой предок — президент Монро»; «мой прадедушка пустил себе пулю в рот»), что окружающие думают, уж не рехнулась ли она. Милая, но чокнутая. Тогда она улыбается. Темно-русые вьющиеся волосы с рыжим отливом и бессменный бедный наряд. Чаще всего «человеческий боб» — настолько неприметная ученица, что ее как бы и нет. Взгляды на ней не задерживаются, словно не видя.

Девочка вызывает жалость.

А Норме Джин хочется, чтобы на нее смотрели, чтобы замечали. Норма Джин сгорает от желания привлечь к себе внимание всего света. Девочка, долгое время сливавшаяся с менявшейся обстановкой, подобно мебели, без лица, без своего места, теперь чувствует в глубине души яростную потребность быть на виду. Чтобы ей придавали значение, важность. Норма Джин претендует на плоть. Она предается мечтам, превращающим реальность в простой трамплин к более славному миру. Во всяком случае, действительность не существует по правде. Это лишь порождение ума, как и зло, тетя Ана ей это подтвердила. Норма Джин воображает себя в разных местах, например в набитой народом церкви, куда она ходит с Аной Лоуэр по воскресеньям. Когда звучит орган и раздаются чудесные песнопения, она выходит на середину, совершенно обнаженная, чистая и белая, и ее кожу пронзают уколы сотен взглядов, прикованных к ней.

Учителя считают, что Норма Джин приятная, но рассеянная ученица, не способная сосредоточиться, мечтательница и фантазерка. Потому что сидящая перед ними девочка, распластавшаяся по парте, устремив свои синие глаза куда-то вдаль, на самом деле далеко отсюда. В классе осталась только оболочка, готовая рассыпаться в прах. Кокон. Пока этого еще не знает никто, кроме нее. По вечерам, в своей комнате, она снимает с себя всю одежду и любуется собой в зеркале. Она со страхом увидела, как из ее высокого худого тела появляется что-то другое, кто-то другой. Кто-то, кто одновременно она и не она.

Итак, по вечерам, вернувшись домой, поужинав, прочитав молитву, поцеловав в лоб тетю Ану и получив ее благословение, Норма Джин поднимается к себе в комнату на второй этаж, раздевается и часами рассматривает это тело, овладевающее ею. Ей это не наскучивает. Поначалу она едва решалась до него дотронуться, как будто оно ей не принадлежало. Понемногу, после многих таких вечеров и созерцаний, у нее появилось чувство, что она начинает его приручать, по крайней мере, привыкать к нему. Но пока она еще не знает, что принесет ей это новое, состоящее из изгибов и округлостей, секрет которого известен ей одной. Она спрашивает себя, обуза это или козырь. Она только смутно догадывается, что с его помощью сможет стереть детдомовский номер 3463 и стать для всех принцессой. Как в сказках. Но это всего лишь интуиция, и она не знает, что ей делать. В ее ли это власти?

Она ждет, свернув и спрятав под старой юбкой и поношенной

блузкой свои лебединые крылья, которые начали отрастать.

АНАМОРФОЗ

И вот однажды она возродилась. Или просто родилась. Она увидела свет, свет увидел ее, она явилась на свету и ослепила вдруг всех на своем пути.

Однажды в школе Норма Джин обнаружила, что ее поношенная блузка порвалась. Ее выручила одноклассница, одолжив ей свитер, который, по счастью, был у нее в сумке. Сгорая от стыда, Норма Джин по-быстрому переоделась в туалете. Естественно, свитер был ей мал, потому что она была гораздо выше остальных. Она быстро вернулась в класс, тесно обтянутая одеждой с чужого плеча. «Когда я садилась на место, все посмотрели на меня так, словно я вдруг выросла на две головы, и в каком-то смысле так и было». После урока все мальчики окружили ее и передрались за право проводить ее до дома. Никаких других девочек больше не существовало. Была только она, в центре всего. Ошеломленная, дрожащая, но тайно ликующая.

В тот день в ней кто-то родился. И кто-то умер. Кто из них — младенец, придушенный подушкой, или ребенок, изнасилованный на глазах своей матери, еще дышал в Норме Джин?

«ММММММ, КАКАЯ ДЕВУШКА!»

Долго остававшаяся невидимой для других. Норма Джин в одночасье взяла реванш в обществе благодаря той, другой ее сущности, которая приковывала к себе взгляды. Понемногу она научилась вызывать ту, другую, по необходимости и использовать наилучшим образом. Научилась краситься, окончательно сменила старую школьную форму на облегающую одежду, позаимствовав ее у не столь хорошо сложенных товарок, работала над своей походкой, чтобы сделать ее колышущейся, и сопровождала все свои фразы завлекательным горловым звуком «ммммм», который она подхватила у Джин Харлоу. Даже ее заикание стало фирменным знаком. Разумеется, все это было неестественным, нарочитым, намеренно вызывающим, граничащим с нелепостью. Но каждый раз срабатывало. Каждый раз эффект был потрясающим: разговоры мгновенно обрывались; в ее сторону оборачивались мужские и женские лица, на которых отображались чувства, пока еще не совсем понятные для девочки-подростка, но полные скрытой силы. Так зачем же лишать себя этого? Зачем отказывать себе в торжестве над миром, который так старался стереть ее со своего лица?

Норма Джин ликует. На нее смотрят, свистят ей вслед, показывают на нее пальцем. Недавно, когда она в бикини на три размера меньше шла через пляж, где отдыхала с друзьями, у нее чуть голова не закружилась, настолько оглушающей была вдруг установившаяся вокруг нее тишина, она поняла, как огромна ее власть, даже и измерить нельзя. До чего она может дойти? Во всяком случае, мальчики спорят за то, чтобы погулять с ней, пригласить на танцы. Наконец-то у Нормы Джин появилось чувство, что она жива. А те, кто принимают ее за маленькую бесстыдницу, наглую кокетку, бессовестную соблазнительницу, попадаются в грубую ловушку, расставленную ею, чтобы скрыть все остальное — нужду, одиночество, чувство беспомощности, непоправимой надломленности. Они не заглядывают под доспехи из плоти и улыбок, которые она выставила между собой и всем миром. Она в восторге. Ее призыв о помощи был услышан.

Ее преображение произошло на глазах Аны Лоуэр. Та не мешала. Бедной девочке так не хватало любви, она теперь так счастлива, что у нее есть друзья, что она может поразвлечься. Но Ана тревожилась из-за этой перемены, потому что знала о хрупкости Нормы Джин и не обманывалась насчет уверенности, которую та на себя напускала. Она видела, как воздыхатели кружат вокруг ее дома, словно мухи, перехватывала взгляды

мужчин на округлостях своей воспитанницы. Она-то знала, что означают такие взгляды. Ей было страшно, тем более что здоровье ее ухудшилось. Очень скоро она уже не сможет оставить Норму Джин у себя, оберегать ее, защищать. Что с ней станет? Придется ли ей вернуться в детдом? Норме Джин всего тринадцать лет, хотя в определенные дни она выглядит на восемнадцать. Тетя Ана дрожала не зря. Происходившее в Норме Джин было неподвластно никому, в первую очередь ей самой. Удивительное сочетание детскости и чувственности, мягкости и непоколебимости. Норма Джин порой становилась непримиримой, у нее часто менялось настроение. Ей случалось разгневаться или раскапризничаться, словно четырехлетней. От своих кавалеров на один вечер она могла добиться всего, что пожелает. Зато они быстро понимали, что им лучше поворотить оглобли. Тело Нормы Джин можно было осматривать только до определенных пределов. Если чьим-то рукам и позволили дотронуться до ее кожи, ничего другого они не добились. Норма Джин пользовалась своим новым оружием с большой осторожностью. Возможно, ее развлекало волнение, которое охватывало обнимавших ее мальчиков? Или она была к этому совершенно равнодушна? Не чувствовала ничего, когда чьи-то пальцы исследовали ее просторы, только большую, очень большую власть, которой она тогда обладала.

Весной 1941 года Ане Лоуэр пришлось поневоле расстаться с воспитанницей. Ана страдала сердечным заболеванием, так что ноша отныне стала для нее чрезмерно тяжела. Для Нормы Джин, которой скоро должно было исполниться пятнадцать, это катастрофа. Снова пережить разрыв, разлуку, пересадку на чуждую почву. И на какую? Если ее не примут в семью, по закону она обязана вернуться в детдом до достижения восемнадцати лет. По счастью, вмешалась Грейс Годдард. На сей раз и речи не могло быть о том, чтобы бросить дочку Глэдис. Они затянут пояса, но Норма Джин найдет для себя уголок в их доме на Арчвуд-стрит, в Ван-Нейсе. К огромному своему облегчению, Норма Джин вернулась в семью Годдардов. У Дока была дочь, ее ровесница, с которой она чудесно поладила. Норме Джин было хорошо в этом домике с садом. Она разложила свои вещи, нашла себе сестру, играла с собакой, вновь увидела белый рояль своей матери и всю принадлежавшую ей мебель, которая теперь переехала к Грейс. Добираться до школы стало подальше, но ничего страшного, энергии Норме Джин не занимать, да и всегда найдется поклонник, чтобы ее проводить, впрочем, они ее не слишком интересуют. Она забавляется, испытывает свои чары, понемногу открывает для себя новый мир, в котором, как она чувствует, ей

когда-нибудь придется сыграть главную роль. Всё скользит по ней, не затрагивая. Она забаррикадировалась за стеной из изгибов и кокетливых рожиц. Каждый день, выигранный у детдома — уже победа.

Норма Джин готова на всё, лишь бы снова не стать номером.

Однако счастье, безопасность как будто сговорились от нее ускользать. Как только вокруг нее выстраивается дом, как только она находит себе в нем местечко, стены рушатся. Это непреложное правило. «Нечто» упорно отнимает у нее все, чем ей удается разжиться. Она словно обречена на вечные скитания, на невозможность бросить якорь в порту приписки. Все время уезжать. Быть оторванной от людей, которых она любит и которые любят ее. В январе 1942 года Док Годдард получил работу на Восточном побережье. Вся семья готовится к переезду. Вся? Норма Джин не поедет. Для нее нет места, нет денег. Норма Джин — точно громоздкий сундук, который некуда поставить. Не прошло и года, а ей опять пора собирать вещи, складывать свои жалкие пожитки и где-то искать пристанища. Где? Вот в чем вопрос. Норма Джин плачет. Она не хочет возвращаться в детдом. Она плачет, потому что ей хочется принадлежать кому-то подольше, чем несколько месяцев, и больше не быть предоставленной самой себе. Он плачет и требует любви. Всё в ней взывает к удочерению.

Вот тогда-то Грейс Годдард и Ане Лоуэр одновременно пришла в голову одна и та же мысль: чтобы спасти Норму Джин от детдома и одновременно раз и навсегда сбросить со своих плеч эту обузу, есть только один выход: выдать ее замуж. Вот и всё. Тогда ответственность за нее будет возложена на мужа, и все вздохнут спокойно, и совесть будет чиста. У обеих женщин есть на примете одна кандидатура.

Они объяснили ситуацию соседке Годдардов Этель Дагерти, сын которой Джим, двадцати лет, не женат, работает на заводе неподалеку. Они с Нормой Джин хорошо ладят, часто встречаются. Он постоянно подвозит ее в школу на машине. Джим явно к ней неравнодушен. Почему бы ему на ней не жениться? Этель Дагерти не возражает. Норма Джин хорошенькая девочка, славная и ласковая. И потом это будет доброе дело. Вот только из-за возраста ее могут выйти проблемы. Девочке всего пятнадцать с половиной. По закону нельзя заключать брак раньше шестнадцати лет. Что же делать до следующего дня рождения Нормы Джин, который наступит в июне? Годдарды должны уезжать. Раз речь идет всего о нескольких месяцах, тетя Ана согласилась взять девочку к себе, чтобы она хотя бы доучилась

этот год и подготовилась к семейной жизни.

Норма Джин приняла предложение без колебаний. Не то чтобы она была влюблена в Джима. Но, на взгляд Нормы Джин, у него было два значительных преимущества: красивые усы, которые его старили и делали похожим на мужчину с фотографии, однажды увиденной в доме ее матери и якобы сделанной с ее отца, и пять лет разницы в возрасте, что, как она поняла, было качеством, которое она ценила в мужчине. Пусть он будет старше ее, пусть он ее защищает, оберегает, повелевает ею. Как отец. Кстати, в этом Норма Джин совсем не лукавила. Как только Джим стал ее верным рыцарем, она прозвала его «папочкой».

Джим Дагерти — веселый паренек среднего роста с темно-русыми волосами и оттопыренными ушами. Глаза маленькие, синие-синие, глубоко посаженные, кожа красноватая, боится солнца. Джим коренастый и мускулистый, его легко можно принять за ирландца. Конечно же он неровно дышит к Норме Джин, она такая привлекательная. И обезоруживающая. Когда он увидел ее в первый раз, то принял за ребенка. Просто девчонка, каталась по земле в саду Годдардов, играя с собакой и кудахча, как курица. Его не смущало быть шофером для нее и дочки Дока Годдарда. Даже льстило. Две куколки в его машине — для рабочего ночной смены с завода «Локхид» не так уж плохо. Ему даже завидовали. Но когда однажды вечером он повел Норму Джин на танцы, то протер себе глаза, чтобы убедиться, что это не сон. Детдомовская девчонка, неотесанная соседская приживалка разила всех наповал. Не обманывают ли его глаза? Он прижал ее к себе и почувствовал, что не такое уж она дитя. Она вдруг показалась на пять лет старше. Или, вернее, вообще без возраста. Вокруг них, точно волки, бродили парни. «Я впервые испытал влияние ее сексапильности на большую группу людей и должен сказать, что я был ошеломлен. Допускаю даже, что немного ревновал… Мне было страшно», — расскажет он потом в своих воспоминаниях. Он покрепче прижал к себе Норму Джин и на обратном пути, в машине, поцеловал ее.

Норма Джин ему нравилась. Такая наивная, такая несведущая. С такой девушкой Джим, сам-то не слишком знающий, кажется самому себе видным мужчиной. Норма Джин восхищается им и расспрашивает, словно он кладезь учености. Рядом с ней он выпячивает грудь. Она испытывает такую жажду познаний, непросто отвечать на все ее вопросы. Он выкручивается, как может, и ему это удается. На его стороне перевес в возрасте. И все же, когда мать предложила ему на ней

жениться, Джим не пришел в восторг. Ему всего двадцать лет, хотелось бы еще повеселиться. А еще ему хочется что-то совершить, куда-нибудь вступить. Джим Дагерти смутно мечтает о героизме, он не намерен всю жизнь клепать бомбардировщики, чтобы на них воевали другие. Там, далеко, в Европе бушуют бои, англичане сражаются с остальным миром. Он из тех, кто выступают за вступление Америки в войну. И хотел бы принять в ней участие. Так что жениться на Норме Джин? Момент неподходящий. Лучше немного подождать.

«Если ты на ней не женишься, бедняжка вернется в детдом», — предупредила мать.

Джим неплохой парень. Если подумать, неплохо было бы жить в небольшом домике с женой-подростком с красивыми косичками, такой миленькой, которая бросалась бы ему на шею, когда он придет с работы. Он уже несколько недель прижимает к себе чувственное тело Нормы Джин, но не может по-настоящему овладеть им, он сгорает от желания. Хорошенькая женушка, у которой всё при себе — свежая кожа, красивые округлые груди и желание учиться, учиться всему. Это, как ни крути, шанс.

«Ладно, согласен», — сказал он.

МИССИС ДАГЕРТИ

19 июня 1942 года Норма Джин Мортенсен, дочь Глэдис Бейкер и неизвестного отца, № 3463 лос-анджелесского детдома, стала миссис Джим Дагерти. Перемену семейного положения она встретила с облегчением пережившего катастрофу. Наконец-то ее с кем-то связывает априори продолжительная связь. Наконец-то ее перестанут перевозить из одного места в другое, словно никчемную вещь, которую не решаются выбросить. Покончено с семьями на один месяц и несвоевременными разрывами. Отныне она замужняя женщина, «миссис». Вот уже три недели как ей шестнадцать лет.

Молодая жена то и дело обнимает мужа, осыпает его ласками. Это можно принять за любовь (и наверняка среди двадцати пяти гостей на свадьбе у многих была такая иллюзия). Но это, прежде всего, благодарность. Норма Джин бесконечно признательна Джиму Дагерти за то, что он принял ее под свое крыло. Другими словами, породнился с ней. Она словно причалила к берегу, боль вечной изгнанницы осталась позади. Она сияет. За ее платье заплатила Ана Лоуэр. Простое платье, слегка расклешенное и приталенное, подчеркивающее ее красивую грудь, со скромным вырезом и воротничком. Фату прикрепили брошью к волосам. На черно-белой фотографии, запечатлевшей это событие, у Нормы Джин темные курчавые волосы, она сжимает в руках большой букет белых цветов. Улыбка во всё лицо — яркая, опустошающая, которая встречается на всех фотографиях того времени: она умеет естественным образом воспроизвести ее перед объективом. Однако в этот день она немного нечеткая, более застенчивая. Норма Джин испытывает нервный страх и тревожное возбуждение девственницы перед брачной ночью.

— Что мне надо делать? — спросила она у тети Аны.

— Джим тебе покажет, — осторожно ответила та.

Возможно, на мгновение перед ней вновь встало жадное лицо мистера Киммела, когда тот засунул свои руки под ее платьице. Она все же улыбается.

Она похожа на сахарную конфетку Рядом с ней Джим Дагерти без усов, в черных брюках и белом пиджаке с маленьким галстуком-бабочкой выглядит моложе своей жены. Или это она уже выглядит старше. Гостей мало, в основном со стороны жениха. Со стороны невесты нет никого, кроме Аны Лоуэр, отведшей ее к алтарю. Добрая тетя Ана, которую Норма Джин прижимает к своему сердцу. Ей кажется, что она обязана ей всем.

На какой-то момент на нее накатывает грусть: она думает о своей несчастной матери, запертой в лечебнице, о Годдардах, в частности, о тете Грейс. Ее отсутствие — словно второе отречение матери, но Норма Джин старается поскорее отделаться от этого ощущения. Грейс все устроила с матерью Джима, а тетя Ана оплатила расходы на небольшой банкет.

Новобрачная улыбается и заикается, опирается на твердую руку своего супруга, который горд показаться с такой хорошенькой женой. На эстраде оркестр заиграл танцевальные мелодии. То тут, то там раздаются голоса, приглашающие Норму Джин потанцевать. Танцевать? Эту запуганную, неотесанную бедняжку с неловкими движениями и слегка глуповатым видом? Норма Джин не заставляет себя упрашивать. Она вскакивает на эстраду и отдается ритму. Перед ошеломленным взглядом гостей предстало воплощение чувственности, источающее сладострастие. На эстраде новобрачная обнажилась, не подозревая того. Она танцует с непосредственностью своих шестнадцати лет, не замечая озадаченной неловкости Джима, загоревшегося взгляда музыкантов. Она танцует весь вечер, всю ночь. Неутомимо. Никто не может ей запретить. Это ее свадьба. Стоя перед эстрадой, Джим Дагерти смотрит на женщину, которую только что взял в жены, на девочку, истосковавшуюся по любви, которая зовет его «папочкой» и в тело которой (несомненно, женское) как будто вселился дьявол. Кое-кто шепчет ему, что ему чертовски повезло и дома скучать не придется. Это лишь один взгляд на будущее. Но он говорит себе и о том, какая ответственность вдруг свалилась ему на плечи, и непросто будет каждый день держать все это под контролем.

Джим не ошибся. Очень быстро он заметил, что в Норме Джин есть нечто неуловимое, а главное, ненасытное, чего ему никогда не понять. Очень быстро он осознал, что наивные, детские и трогательные черты юной девушки — всего лишь внешнее проявление ее неприспособленности к миру. Когда она покупает энциклопедии у всех разносчиков, которые звонят к ним в дверь, потому что жаждет знаний и чувствует себя невеждой, это еще ничего. Но когда она приводит в гостиную корову, чтобы защитить ее от дождя, потому что та совсем одна среди поля, это уже не столько смешно, сколько трогательно. И Джим ничего не может возразить, иначе она расплачется или придет в неистовую ярость. Иногда это сильнее его, и они ссорятся на чем свет стоит. Это непросто. Норма Джин не умеет готовить, вести хозяйство или поддерживать беседу. Она любит спать, много спать среди дня (можно подумать, наверстывает годы бессонницы) и часами

бесконечно выбирает платье, когда им доводится идти куда-нибудь вечером, что сильно действует Джиму на нервы. Сколько времени она может проводить в ванной, наряжаясь, прихорашиваясь, просто представить себе невозможно. С ума можно сойти. Во всяком случае, сам он предпочитает ее без косметики. Конечно, есть и хорошие стороны. Находить по утрам наивные и трогательные любовные записки Нормы Джин рядом с чашкой кофе, заниматься с ней любовью в любое время, где угодно, потому что ей это нравится, в основном во всяких несуразных местах, прямо на природе, где они больше всего рискуют быть застигнутыми, или смотреть, как она умиляется при виде чуда проклюнувшегося ростка, дерева, животного. В такие дни Джим говорит себе, что он счастливый, могущественный человек. Он чувствует себя любимым, обожаемым очаровательной женушкой, на которую многие западают, а у нее есть только он, и она всегда будет обязана своему «папочке» тем, что он для нее сделал.

Но бывают и другие дни. Утомительные. Угрожающие. Когда он ведет Норму Джин на танцы и все остальные мужчины вырывают ее из его рук, чтобы потанцевать с ней, когда он слышит весь вечер, как она смеется, прижимаясь к другим, когда она вдруг разражается истерикой дома, потому что он имел несчастье сделать ей замечание по поводу накопившейся пыли или горошка с морковкой, которые она подала ему четыре раза за три дня. Когда она плачет без причины или молча смотрит вдаль, словно хочет уехать. Когда она словно далека от своего тела. Когда она цепляется за него, словно ребенок в первый день в школе, обвивает ручонками его шею, умоляя не бросать ее, кричит, что умрет без него. Когда она преображается у него на глазах в секс-бомбу. В такие дни, это верно, Джим Дагерти уже не уверен, что ему достался счастливый билет. Пусть он и влюблен в Норму Джин (причем все сильнее, потому что ему страшно), она ужасно его пугает. Он знает ее родословную. Хотя его мать Этель уверяла, что ему нечего бояться, у него все же есть сомнения. Перспектива мирной жизни рядом с тихой женушкой отдаляется. Норма Джин крайне переменчива. Он никогда не знает, какой найдет ее после двух часов разлуки. Ласковая кошечка или фурия. Самое простое слово может необъяснимым образом вызвать грозу. И тут уже дело не в обидчивости. Наоборот, через пять минут она прибежит и прижмется к нему. Это тревожит. И для 22-летнего человека это тяжело, очень тяжело.

Джим Дагерти задает себе вопросы. Даже слишком много вопросов — о поведении Нормы Джин в коротких, едва прикрывающих бедра платьицах, с откровенными декольте, и о

своем собственном, когда мужчины свистят при нем вслед его жене, а он вынужден гордо улыбаться, тогда как всё внутри него плачет и страдает. Он любит маленькую брошенную девочку, на которой он женился, которая робко заикалась в его машине и смотрела на него большими, взволнованными синими глазами. Та, другая, вихляющая бедрами и смотрящая искоса, не сводит его с ума. Она ему не по плечу. Он до нее не дорос. Он мог бы сорваться и все покрушить. Мог бы повысить тон, показать себя мужчиной и загнать жену в дом, стукнуть кулаком по столу, чтобы все знали, кто в доме хозяин. Но он этого не делает. Это не в его стиле. А главное — он чувствует, что это было бы совершенно бесполезно. В Норме Джин есть нечто, или некто, с чем невозможно совладать. Он не в силах бороться.

Он сдается.

Через полгода после свадьбы Джим Дагерти объявил жене, что поступил на флот. Он хочет пойти на войну. Ему стыдно, что он здесь, объяснил он, укрывается на своем заводе, когда парни его возраста сражаются по-настоящему и рискуют своей шкурой, защищая других. Он принял решение, оно окончательное.

Молодой человек, конечно, готовился к реакции Нормы Джин, но та далеко превзошла все его опасения. Как сирота могла принять то, что в ее глазах просто предательство? Как она сможет пережить этот очередной разрыв, то, что до сих пор постоянно повторялось в ее жизни, а она должна была молча сносить? Она не может. Она вопит и умоляет, угрожает и обещает. Она будет трудиться с утра до вечера, чтобы стать хорошей хозяйкой. Самой лучшей. Она хочет быть достойной его, своего любимого. Он не должен уезжать, он должен заняться ею. «Папочка» не может бросить свою «бэби» одну. В результате Джим Дагерти передумал идти в армию и вернулся клепать бомбардировщики на «Локхид». Разумеется, проблемы не улажены и воссоединение тел лишь на несколько минут прикрыло собой пропасть, которая с каждым днем все шире разверзалась между молодыми людьми. Джим замечает, что ему все труднее воспринимать Норму Джин, то крайне погруженную в себя, то до ужаса распущенную. В нем бушует конфликт, усиливается разлад между желанием защитить ее, спасти и внутренним голосом, побуждающим поскорее бросить ее — чтобы выжить. Стоит ли приносить такие жертвы? Почему он должен оставаться рабочим, когда перед ним открываются такие возможности? Долго ли он еще будет позволять водить себя на поводке молодой женщине, которая еще даже не совершеннолетняя? Некоторое время спустя он снова взялся за свое, и на этот раз объявил, что станет пожарным. Ему

нравится представлять себя огнеборцем. Так он утолит свою жажду сражений. Он подал заявление в казарму на углу. Он будет там, совсем рядом с ней. За исключением случаев, добавил он осторожно, когда ему по долгу службы придется провести вне дома несколько дней и ночей подряд. Но такое бывает редко, пусть она не волнуется.

Норма Джин не только волнуется, но и противится решению своего мужа. Так сильно, что бедняга Джим не знает что и делать. Наверняка оба прекрасно понимают, что ничего уже не поправить. Сцена, которую она ему устроила, уничтожила обоих. Джим чувствует себя обобранным, у него больше нет сил сопротивляться, он охотно дал бы деру. Она же чувствует, что ее засасывает страх самой себя и той незнакомки, которая заставляет ее поневоле разрушать то, чего она страстно желала. Она вновь превратилась в ребенка, плачущего над игрушкой, о которой он мечтал, а потом сам же и сломал в припадке неукротимого бешенства. Она понимает, что порой действует себе в ущерб, словно хочет причинить себе боль, наказать за что-то. Возможно, за право на счастье. Она понимает, что отталкивает Джима от себя — Джима, свою «каменную стену», свою семью, тогда как больше всего на свете желает жить рядом с ним в маленьком домике в Ван-Нейсе. Но неужели Норма Джин только этого и хочет?

Неужели девушка, которая поняла, что свитер в обтяжку заставляет всех на улице оборачиваться на ее грудь, и которая ловко умеет показать свой роскошный зад, стиснутый в узких юбках или тесных брюках, действительно намерена провести всю свою жизнь в небольшом домике в пригороде Лос-Анджелеса, занимаясь хозяйством и готовя еду для своего мужа-рабочего? Неужели она не помнит об обещании, данном матери и тете Грейс, что однажды она станет великой киноактрисой? Что все мужчины без исключения будут от нее без ума? Или она предпочитает забыть о бреднях двух бывших монтажеров с «РКО Пикчерз», вспоминая о них лишь мимоходом, когда мужчины свистят при виде ее ног и делают вид, будто падают к ним? Наверное, Норма Джин тоже разрывается между двумя противоположностями. Наверное, большую часть времени она искренне стремится стать для Джима хорошей женой, исполняя супружеский долг без всякой фантазии и больше из любопытства, чем из удовольствия. Вот только в ней притаилась та, другая, ворчащая, мстительная, честолюбивая реваншистка, готовая выйти на свет в любой момент. Ей так скучно в этой ограниченной и монотонной жизни. Так трудно ее усмирить.

Джим Дагерти забрал свое заявление из пожарной части и

вернулся делать бомбардировщики.

Передышка была недолгой. Весной 1943 года, меньше чем через год после свадьбы, молодой человек набрался храбрости и непререкаемым голосом объявил, что поступает в торговый флот. На сей раз это было форменным бегством, «спасайся-кто-может». Норма Джин знает, что она проиграла. Она кричит и в истерике катается по земле, цепляется за мужа точно так же, как цеплялась за Грейс Годдард в тот день, когда та отвезла ее в детдом.

«Если ты уходишь, то сделай мне ребенка. Оставь мне хоть что-нибудь от тебя. Если с тобой случится несчастье, мне хотя бы останется частичка тебя. Она будет моей, только моей. Умоляю тебя, подари мне ребенка! Папочка, подари мне ребенка!»

В уме Нормы Джин все перепуталось. Она смешала торговый флот с военным и решила, что Джим уезжает на войну, о которой она, кстати, ничего не знает — кто с кем воюет и за что. Она плачет и бормочет, осыпает Джима исступленными поцелуями. Но тот не поддается. И речи быть не может о том, чтобы снова пойти на попятный. Потребность переменить обстановку и вырваться из тисков, в которые загнала его жена, пересиливает. Однако нельзя, чтобы она оставалась дома одна. Не только потому, что Норма Джин неспособна о себе позаботиться, но и потому, что это было бы чистым безумием: девушка слишком наивна, слишком рассеянна, слишком доверчива, слишком привлекательна, слишком красива. Даже чувствуя, что рано или поздно она ускользнет от него, Джим все еще смутно ревнует и считает, что у него есть обязанности в отношении жены. Возможно, он все-таки надеется однажды вернуть ее себе, когда оба повзрослеют. Они так молоды. Он доверил молодую супругу своей матери Этель, которая приютила ее у себя. Что касается ребенка, то об этом не может быть и речи. Норма Джин сама еще ребенок, не говоря уж о ее наследственности. Джим Дагерти не уступил и устоял перед искушением, перед буйным желанием Нормы Джин привязать его к себе.

В августе он собрал вещи и отправился на базу Авалон на острове Каталина в Калифорнии. Норма Джин прорыдала всю ночь — тщетно. Она снова одна. Решительно никому она не нужна.

Месяц спустя Джим решился на последнюю попытку спасти свой брак. В сентябре он предложил Норме Джин приехать к нему в Авалон, где у него есть небольшая приятная квартирка и твердое расписание. По правде говоря, Джим тоже немного простоват, если не сказать глуповат. Новая обстановка, морской воздух и новая (для него) деятельность, более увлекательная, чем

работа на заводе (он стал преподавателем физкультуры), заставляют его верить в то, что еще есть надежда, что они с Нормой Джин наконец-то сумеют жить вместе, в союзе, взаимопонимании, счастье. То, что население острова Каталина состоит почти исключительно из мужчин, военнослужащих и обреченных на воздержание, что редкие женщины там либо дурнушки, либо старушки, а его жена, хоть и ребенок еще, сложена как богиня, не слишком его беспокоит. Странно. Простодушная слепота или бессознательная подрывная работа? Неужели Джим Дагерти не понимает, что бросает Норму Джин в пасть волкам? Без ума от радости, она тотчас приехала — веселенькая, в облегающих платьицах, выставив напоказ свои груди и соблазнительный зад. Результат не заставил себя ждать: в мгновение ока весь Авалон охватило волнение, близкое к панике. Моряки толпились вокруг Нормы Джин Дагерти, начавшей понимать, как исключительно велика сила соблазна. Во взгляде других людей, особенно мужчин, она существует. По крайней мере, существует женщина в ней, ужасно привлекательная и властная. Желание, которое к ней испытывают, делает ее личностью, залечивает рану от детдомовского номера. Ее хотят — значит, признают. Это своего рода крестины.

Для Джима это чересчур. В декабре он на год ушел в море. Его призвал торговый флот, как он объяснил Норме Джин. На самом деле (но она никогда об этом не узнает) он сам напросился в рейс.

Мистер Дагерти откланялся.

КОМБИНЕЗОН ОБЯЗАТЕЛЕН

1943 год, скоро Рождество. Прошло всего полтора года со дня их свадьбы, а Джим ее бросил. Норма Джин не может этого понять, допустить. И говорит в ней не гордость (она не считает себя очень гордой), а возмущение, глухое возмущение. И обида. Она знает, что ей с Джимом больше не встретиться, что его отъезд на год — это отъезд навсегда. По крайней мере для нее. Возможно, Джим не так в этом уверен и думает, что она тихо, спокойно будет его дожидаться, считая дни и посылая ему безумные любовные письма. Возможно, он верит в то, что время лечит, а не разлучает. Это его дело. Для Нормы Джин все кончено, хотя самой себе она в этом еще не признается и ей трудно смотреть вперед, потому что пока там ничего не просматривается. Но ничего, однажды что-то случится, на горизонте появится какой-то проблеск. Иначе и быть не может. Норма Джин догадывается, требует: однажды она найдет недостающую часть головоломки и все станет ясно. Тогда все получит смысл — часы, проведенные перед зеркалом в попытке постичь тайну ее тела, нехватка любви и жестокие надежды.

Тем временем она живет день за днем, съежившись в изгибах своего тела, которое дрожит от нетерпения, забивается в угол, производит как можно меньше шума (это несложно, она привыкла). С тех пор как Джим уехал, она все хуже ладит с его матерью, которая возлагает на нее ответственность за его побег и считает, что она ведет себя непристойно. Норма Джин не хочет, чтобы ее выбросили на улицу, пристроили куда-нибудь еще. Вот почему, после нескольких праздных недель в доме Дагерти в Ван-Нейсе, занятых в основном изучением неиспользуемого потенциала своих чар, она решилась на поиски работы. В июне ей исполнится восемнадцать, она красивая девушка, здоровая, хорошо сложенная, горящая желанием выйти из безвестности. Норма Джин хочет прославиться. Но как? Она почти ни к чему не способна. Неловкая, заикающаяся, необразованная, она хоть и выучилась сама искусству вихлять задом, но еще не рассталась с неуклюжестью, от которой меркнет весь ее блеск, а сама она часто кажется дурочкой. К счастью для нее, Соединенные Штаты ведут войну. Военные заводы работают на полную катушку и постоянно нанимают рабочую силу. Женщины тоже встали к станкам. Это просто подарок судьбы для Нормы Джин. Она поступила работать на «Радиоплан». Там, среди сотен молодых женщин, миссис Дагерти по десять часов в день месяцами укладывает парашюты.

Тем могло бы и закончиться. Она могла бы остаться работать, в пыли и в поту. Конечно, она красивее многих других, но в целом такая же работница, как и все. К тому же в 1944 году в Калифорнии не было недостатка в хорошеньких девушках. Даже на заводах. Она бы заканчивала работу в хорошем настроении, потому что тогда она еще была уступчивой и податливой, по выходным выбиралась бы с товарками пропустить стаканчик, ходила бы повихляться на танцах, и наверняка уступила бы авансам какого-нибудь местного сердцееда и, почти не сознавая того, погрязла бы в отупляющем оцепенении банального адюльтера. И все это несмотря на ее амбиции и пылкое желание социального реванша. Потому что не было никаких причин для того, чтобы некто пришел и вытащил из этой дыры полуграмотную и истеричную заику, будь она даже ужасно сексуальной и порой бесстрашной. Ее ближайшее будущее было расписано наперед. Норма Джин Дагерти могла спокойно любоваться собой, простаивая часами перед трюмо в своей спальне.

Все бы так и было, если бы не дурацкая служебная инструкция, по которой работницы в обязательном порядке должны были носить комбинезон на территории завода. А когда Норма Джин надевает комбинезон, то будто бы раздевается совсем. Джинсовая ткань облегает тело и обхватывает талию, ягодицы и груди выступают и лезут в глаза. Любой посторонний взгляд на заводе, не притупившийся из-за гудения машин и повторяющихся движений, новый и живой взгляд в одну секунду выхватил бы *ту самую* девушку, которая как ни в чем не бывало выглядит обнаженной посреди остальных.

И такой взгляд нашелся.

Дэвид Коновер работал на киностудии «Форт Роуч», которая с самого вступления США в войну снимала пропагандистские киножурналы, призванные убедить зрителей в необходимости вступления американцев во Вторую мировую войну и в скорой победе. Дэвид Коновер — фотограф. Ему поручили сделать снимки женщин на военных заводах. Как только он вошел в «Радиоплан», то сразу заметил ту самую девушку. Его взгляд устремился к светящейся точке в окружающей серости, к необычной вспышке. Норма Джин, бедная восемнадцатилетняя девушка, хорошо сложенная, немного глуповатая, станет самой желанной и самой знаменитой женщиной в мире. Почуял ли это Дэвид Коновер? Вряд ли. Однако он разглядел другую девушку, чуть затененную черной грязью, покрывающей ее лицо, которой надо только вырваться, выскользнуть из окружающей тусклости и скуки. Он профессионал, он не верит своим глазам, не может

понять, что делает такая лучезарная девушка в подобном месте, вместо того чтобы прохаживаться по коридорам модельного агентства, где она за одну фотосессию заработала бы столько же, сколько за месяц на заводе. Дэвид Коновер женат, привлекателен и имеет чин старшего сержанта. Он слегка заикается. На дворе октябрь 1944 года. Фотограф из «Форт Роуч», не колеблясь, направляется к покинутой женушке Джима Дагерти и, запинаясь, просит у нее позволения ее сфотографировать.

«Ммммм… Меня?»

Норма Джин охотно соглашается.

Объектив ее нисколько не пугает. Она ничуть не уверена в себе, однако производит обратное впечатление. Как будто всю жизнь этим занималась, она выставляет себя напоказ в своей улыбке (кстати, она всегда так делала). Хоть она и тренировалась по вечерам в своей спальне уже несколько лет, то совсем другое, а это настоящее, этот незнакомый мужчина изучает ее со всех сторон, а она принимает перед ним самые разные позы. Ничто ее не сдерживает и не сковывает — чужое мнение или правила хорошего поведения. Она может показаться бесстыдной, и при этом такой ранимой, нежной, свежей, такой невинной, что ее нельзя презирать, ненавидеть, несмотря на ее притягательность, она просто очаровательна. Вечно всеми покинутая, сирота, кочующая по приютам, которая хотела, чтобы на нее смотрели, встретила нечто, устремленное на нее, только на нее, преследующее ее неотступно. Нечто, что ласкает ее, улыбается ей, льстит, придает ей значение, утверждает, что она существует, что ее кожа удивительно блестящая и привлекательная. Нечто, что смотрит сквозь нее: фотоаппарат. Норма Джин отдает ему все, что имеет.

А позади него стоит мужчина, ошеломленный своим открытием и сенсационным результатом, снимками, превосходящими самые безумные ожидания. Человек из плоти и крови, потрясенный невинной и дьявольской красотой своей модели. Подавленный тем, что такое сокровище так разбазаривается.

«Знаете, ваше место не здесь, а на обложке журналов».

Норма Джин посылает ему улыбку, исполненную благодарности. Наконец-то еще кто-то, кроме нее, знает, что она стоит гораздо больше пяти долларов в неделю. Она улыбается ему признательно. И отдает ему все, что имеет.

Немного времени спустя Норма Джин отправляется на Восточное побережье. Ее вдруг обуяло яростное желание увидеться с Грейс Годдард, чтобы та пестовала ее, а может быть,

дала совет. Что-то сломалось в ее жизни, девушка сознает неминуемость этого разлома, она стоит на краю пропасти, но еще не решается броситься головой вниз. Она создана для этого ремесла, твердил ей Дэвид Коновер, фотогенична до неприличия, создана для фотовспышек, а не для того, чтобы тратить время и терять свою красоту на заводе. Другим — покорность. Ей — бунт. Пусть взбунтуется и сама выберет себе жизнь, какую она хочет вести.

«Тебе надо устроиться в модельное агентство», — настаивает Коновер.

Это очень лестно. У другой бы уже закружилась голова, она уже приняла бы себя за Мэй Уэст, представляла бы себя на афишах. А Норма Джин колебалась. Она умирала от желания и все же не могла решиться. Тысячи манекенщиц хотят сниматься в кино, но в этом мире царит закон джунглей. Если она отважится вступить в него, то окажется совсем одна, никто не поддержит, не ободрит в случае неудачи. А главное, если она на это решится, то прощай «папочка» Джимми Дагерти и все, с ним связанное. В самом деле, Джим не ввяжется вслед за ней в эту авантюру. Да она и не попросит его об этом, не станет его заставлять. В ее манере раскрываться перед объективом слишком много эротики, слишком много призывной чувственности. Норма Джин не слишком ясно различает грань между игрой и приношением, между ложью и признанием. Она чувствует себя более уверенной, более живой, только когда ее желает какой-нибудь мужчина.

Дэвид Коновер впоследствии рассказывал, что в тот период у него с Нормой Джин был короткий роман[2]. На дне пропасти вырисовывается новая жизнь, полная неуверенности и подводных камней, но еще и чудес. Надо только прыгнуть. Возможно, Норму Джин пугала свобода. Она взвешивала все «за» и «против» между внушающими доверие цепями рабства и ненадежностью полета. Она думала, что у нее есть выбор, что пока еще в ее власти принять решение. Она не сознавала, что уже падает. На заработанные деньги она впервые проехала через все Соединенные Штаты, это было ее первое настоящее путешествие (до сих пор она никогда не покидала Калифорнию). Прежде всего — в Чикаго, где укрылась тетя Грейс — одна, сбежав от разрушительного и заразительного пьянства своего мужа Дока. Норма Джин рассказала ей о дезертирстве Джима и своей обиде, о жизни на заводе, где атмосфера становилась все тяжелее из-за увивавшихся вокруг нее парней и нарастающей ревности других девушек; о своей встрече с Дэвидом Коновером (чисто профессиональной, как она уточнила), который предложил ей еще попозировать в его студии на бульваре Сансет; о своем

замешательстве, потому что Джим скоро вернется на Рождество и ему не понравится эта история с фотографиями. Она призналась Грейс, что не знает, как ей быть. Погнаться за журавлем в небе или вернуться укладывать парашюты. Если бы у нее была мать, она искала бы спасения у нее, но на Глэдис, заблудившуюся в своем призрачном мире, рассчитывать нечего. Неполноценная, непригодная мать — это еще хуже, чем если бы ее не было вовсе, ведь так? Если бы у нее был отец, она, возможно, попросила бы его удержать ее от падения. Разве у нее нет отца? Разве она не видела однажды его фотографию, давным-давно, когда была совсем маленькой, в квартире Глэдис в Голливуде, — брюнет с большими усами, как у Кларка Гейбла?

«Вот эту фотографию?» — спрашивает Грейс и протягивает ей старый пожелтевший снимок.

Да, эту. Норма Джин уезжает, забрав ее с собой. Отец-призрак, отец-выдумка всегда лучше, чем ничего. Если бы у нее была сестра… Вот именно, у нее же есть сестра, с которой она не знакома, старшая дочь ее матери, Бернис, на семь лет старше ее, которая живет в Детройте, замужем, имеет детей. Норма Джин прыгнула в первый же поезд на Детройт и бросилась в объятия своей сестры. Если бы у нее был брат. Расскажи, расскажи, Бернис, каким был Джеки. Расскажи мне о нем. Умерший брат — это все-таки кое-что.

Вскоре Норма Джин вернулась в Ван-Нейс работать на «Радиоплане». Оказавшись на краю пропасти, она попятилась, растоптала другую женщину, у которой якобы были крылья. Она просто хочет, чтобы ее любили и не прогоняли. Сейчас. Вот почему она бросается в первые же раскрытые для нее объятия. Нежность не ждет.

А больше она ни в чем не уверена.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ

На Рождество 1944 года вернулся Джим. Норма Джин расстаралась, чтобы принять его как следует. Тонкое белье, номер в гостинице — она не поскупилась, тем более что заработала немного денег благодаря фотографиям Коновера, и они жгли ей карман. Они мешали ей, возможно, вызывали чувство вины… и уж наверняка обременяли. Она презирала и их ценность, и власть, которую они дают. Деньги созданы для того, чтобы немедленно их потратить.

Копить — значит беспрестанно отдалять момент жизни, а Норма Джин считает, что уже слишком долго ждала. Джим вернулся. Норма Джин играет истосковавшуюся женушку, калифорнийскую Пенелопу с незаконченным покрывалом, которая весь год жила лишь ради мужа-моряка. Среди множества своих личин она выбрала подходящую маску. Маска жены Джима еще существовала. Норма Джин надела ее и вновь заняла свое место на сцене семейной жизни. Короткая передышка в течении повседневной жизни, которое в последнее время ускорилось — она это чувствует, желает сама, это возбуждает и пугает.

Призналась ли Норма Джин супругу в своем желании стать манекенщицей? Как она преподнесла ему новость о фотосессиях с Дэвидом Коновером? Рассказала ли о неприятной обстановке, окружающей ее теперь на заводе, где остальные девушки уже не выносят, что мужчины смотрят только на нее, так что поговаривают даже о том, чтобы перевести ее в другую смену? Надеялась ли Норма Джин вновь найти в Джиме союзника, который привлечет ее к себе, к нему, не даст уплыть по течению, удержит в положении супруги, которое лишает ее свободы, но в то же время дает защиту? Если да, то напрасно. Джим Дагерти, конечно, был рад на несколько дней вновь сделаться хозяином тела своей жены, по меньшей мере поверить в это, но он здесь только проездом. Если Норма Джин думала, что он вернулся насовсем, то это недоразумение. Причем уже не первое. Молодой человек отнюдь не горит желанием немедленно вернуться в лоно семьи. Бывшая сиротка, конечно, знойная женщина, ее приятно обнять, но в ней по-прежнему, и даже еще больше, ощущается бездонная пропасть, куда страшно заглядывать. После первых объятий и часов всяких россказней супруги погрузились в одиночество и непонимание.

С тех пор как Норма Джин получила от Грейс фотографию

якобы своего отца, ее все сильнее мучило желание обрести его по-настоящему. Она попыталась дозвониться до пресловутого Стэна Гиффорда, якобы ее биологического отца. Очевидно (если верить Дагерти), тот отшил ее без лишних разговоров. Был ли Гиффорд настоящим отцом Нормы Джин? Знал ли он об этом? Или плевать хотел? Без сомнения, этот вопрос неотступно преследовал Норму Джин (в этом сходятся все воспоминания), бередил незаживающую рану и был неутихающей обидой. Но где здесь правда? Что следует отнести на счет выдумки и мистификации? Действительно ли Гиффорд отказался с ней разговаривать? Действительно ли она ему звонила?

Джим вскоре снова снялся с якоря. Норма Джин опять одна, всеми отвергнутая. Кроме Дэвида Коновера. Как только уехал муж, фотограф, скромно отступивший в тень на время «праздника», с распростертыми объятиями принял бедную рабочую девушку в отчаянии и в комбинезоне, чьи слезы неиссякаемы, а мордашка неотразима. Если до сих пор они еще не были любовниками, то, весьма вероятно, стали ими весной 1945 года, когда Коновер, якобы для фотографирования, отвез Норму Джин в чистое поле, далеко от Ван-Нейса, и делил с ней номер в мотелях — из экономии, как он говорил. Можно без труда представить себе лицо Этель Дагерти при таком поведении ее невестки, и лица девушек с «Радиоплана», яростно завидующих беззаботной красоте Нормы Джин, которая то появляется, то исчезает, берет бюллетень, чтобы оправдать свое повторяющееся отсутствие, и забавляется тем, что рабочие смотрят на нее, раскрыв рот. В результате ее перевели в другой цех. Над ее головой собирались тучи.

В июне теперь уже Коновер уехал на Филиппины. И ему тоже захотелось сбежать на край света? Уверенности нет никакой. Случайно ли все люди, за которых цеплялась Норма Джин, один за другим от нее ускользали? Она такая вялая, нерешительная. Одновременно — целеустремленная и колеблющаяся. Она твердит, что хотела бы стать моделью, а еще лучше актрисой. Почему же она тогда не побежала в агентство, которое указал ей Коновер и с директрисой которого уже не раз о ней говорил? Чего она ждет? Ее словно что-то парализует. Или кто-то. Что-то или кто-то по-прежнему удерживает ее в куцей и пустой жизни Ван-Нейса, где ей до смерти скучно, но она как будто предпочитает эту скуку возможности перебраться в другой мир, принимая ее как искупление, как плату за свои детские грехи. Настолько велико ее чувство вины. Так глубоко она увязла в громоздком прошлом. Потом она рассказывала, что стала тогда проводить

воскресенья на вокзале Ван-Нейса, чтобы раствориться в чужой жизни, мысленно войти в незнакомые семьи, на время одной улыбки стать приемной дочерью этих счастливых людей, выходивших из поездов или шумно в них усаживавшихся. Ей нравилось ощущать эту толпу, которая окружала ее, поглощала, ожидать невозможного возвращения кого-то. По воскресеньям Норма Джин Дагерти приходила на вокзал Ван-Нейса, чтобы пожить чужой жизнью и неизменно опоздать на поезда, уходящие в любом направлении.

А ведь должен же там быть поезд и для нее.

Летом 1945 года она, наконец, решилась. Война заканчивалась, что означало возвращение «к нормальной жизни». То есть для Нормы Джин — окончание ее работы на «Радиоплане», конец зарождающейся финансовой независимости, возобновление повседневной жизни с Джимом, который, возможно, рано или поздно все-таки вернется, с субботними вечерними праздношатаниями вдвоем по мрачным окрестным танцулькам. Во всяком случае — крест, поставленный окончательно и бесповоротно на ее самых амбициозных планах, тем более что отныне ей не приходилось рассчитывать на Коновера. Короче, крушение всех надежд. Ее собственных, надежд Глэдис и Грейс. Сколько ей пришлось копать, чтобы совершить побег? Потихонечку, небольшими кучками, маскируя по вечерам то, что удалось выкопать накануне, пугливо, виновато.

И вот однажды, несколько часов меняя наряды, очень мало уверенная в себе, тренируясь ходить, беззастенчиво вихляя задом, наводя марафет, причесываясь, репетируя реплики, которые ей, возможно, придется произнести во время собеседования, улыбаясь зеркалу, находя себя жалкой: «Здравствуйте, мисс Снайвли, как поживаете, мисс Снайвли, Дэвид Коновер много мне о вас рассказывал, мисс Снайвли, мы с ним вместе работали, это он мне посоветовал к вам обратиться, вообще-то я хочу стать моделью, на самом деле, мне очень нужно стать моделью, это мое единственное спасение, умоляю, мисс Снайвли, вытащите меня отсюда, помогите, ради всего святого…» Итак, однажды, чуть не передумав десятки раз и снова сказав на заводе, что она больна, Норма Джин под гневным и обвиняющим взглядом своей свекрови отправилась на встречу, которую наконец-то решилась назначить с директрисой агентства «Блу Бук». 2 августа 1945 года.

И там тоже все могло оборваться не начавшись. Мисс Снайвли профессионал. Хорошеньких девушек она видит беспрестанно. Сколько честолюбивых устремлений осеклось в ее кабинете в отеле «Амбассадор», сколько карьер не состоялось,

сколько иллюзий разрушилось. Красивых ножек или пышной груди недостаточно.

Норма Джин выходит вперед. Мисс Снайвли редко видела столько неестественного сразу: утрированная, если не сказать нелепая, походка, крикливый макияж, чересчур завитые, тусклые волосы, толстоватый нос (с небольшой горбинкой), чересчур облегающее платье. Чрезмерно слащавый голосок, срывающийся, как у астматика. Просто балаган. К тому же бедняжка невысокого роста (у нее остался такой же рост, как в тринадцать лет), да в завершение всего она еще и заикается! Но чем больше мисс Снайвли разглядывала Норму Джин, которой из вежливости не дала сразу от ворот поворот, чтобы не тратить лишней минуты, тем более ее поражала невероятная плотская нежность, исходящая от девушки. А еще, пусть и неловкая, уверенность тех, кому нечего терять. И воля, железная воля, блестящая среди пепла. Чем больше мисс Снайвли смотрела на Норму Джин, тем больше проступал вокруг нее сияющий ореол, она становилась высокой, белой и воздушной, ее тело преображалось и превращалось в орудие нестерпимого удовольствия с превосходными, тугими грудями, пышными бедрами, видом не слишком святой недотроги. Хрупкий, но яркий свет. Редкий, а потому ценный камень.

Мисс Снайвли увидела перед собой самую подвижную, волнующую девушку, которую когда-либо встречала, чье изящество проступало постепенно, подобно звездной пыли, как неверное мерцание неона при нарушении контакта. Как же она раньше не разглядела? Директриса агентства «Блу Бук» — женщина решительная. После нескольких занятий, улучшения осанки, походки, подбора одежды девочка станет что надо, она даже сможет стать лакомым кусочком, как раз из-за этого мерцающего, помаргивающего блеска, который временами ее преображает. На фотографии это получится. Это будет бомба. Мисс Снайвли выплатила Норме Джин трехмесячный аванс в счет ее будущего заработка и предложила приступить к работе немедленно.

«Небольшой совет, — добавила она, когда девушка прощалась с ней вне себя от радости, со слезами счастья и улыбкой благодарности. — У вас будет безумный успех у фотографов, если вы перекрасите волосы. В блондинку. Я вам это гарантирую. Обесцветьте волосы, станьте блондинкой, и они все будут у ваших ног. Поверьте мне».

Нет, спасибо, пробормотала Норма Джин. Ей не хочется. У нее будет такой неестественный вид. Она сама себя не узнает.

Став блондинкой, она перестанет быть собой.

МОДЕЛЬ

Она пошла прямо на «Радиоплан» и уволилась. Потом объявила матери Джима, что она теперь поступила в крупное модельное агентство. И приступает к работе уже завтра. Этель Дагерти стала возражать, и она собрала чемоданы. Прошло то время, когда ее отправляли, точно посылку, из одного дома в другой. Теперь она больше никому не позволит помыкать собой. Отныне она будет решать сама. А следовательно, вернется к доброй Ане Лоуэр, нежной тете Ане, которая никогда ее не судила и всегда любила всем сердцем. Расклад теперь иной. Нервная сиротка стала взрослой. Попозировав, она возвращалась заботиться о старушке, ослабленной болезнью.

Она начала рассчитываться по долгам.

Месяцами Норма Джин работала без устали, принимая все предложения агентства: была регистраторшей, моделью, позировала в самых дурацких нарядах. Всегда пунктуальная, готовая к работе, она не пропустила ни одного курса усовершенствования — сосредоточенная, любознательная, настолько стремящаяся сделать хорошо, безупречно, что готова тридцать раз переделывать один и тот же кадр. Потом она бесконечно долго рассматривала каждый снимок, выискивая малейшие недостатки, безжалостная к самой себе. Очень скоро она стала любимицей фотографов. Настоящая профессионалка, говорили они. Ее сияющее лицо и пышные формы регулярно появлялись на обложках иллюстрированных журналов. Ее портфолио превратилось в толстый том, хотя она по-прежнему отказывалась перекраситься в блондинку. Осенью 1945 года Норма Джин вернула долг мисс Снайвли и заработала достаточно, чтобы оплатить жилье Ане Лоуэр. Она много тратила, в основном на туалеты и косметику, внимательная к своей внешности. Но не забывала и о другой цели, плотно засевшей в ее голове, о плане, который уже давно вызревал в ней и который она не упускала из виду: вытащить мать из сумасшедшего дома и поселить в хорошенькой квартирке с белой мебелью и пресловутым роялем из ее детства, который так ни разу и не пригодился. Тогда она уже ничего никому не будет должна.

В ноябре мисс Снайвли сообщила Норме Джин, что она говорила о ней с Андре де Динсом (Dienes), набирающим известность фотографом, который сотрудничает с журналом «Вог». Профессионал, хотя еще молодой, специализирующийся на моде, на женской красоте, находящийся в постоянном поиске

новых моделей.

«Я думаю, вы ему понравитесь. Вот его визитка. Не тяните».

Норма Джин помчалась на встречу с фотографом венгерского происхождения. Это очень красивый мужчина тридцати двух лет, мускулистый, с вьющимися русыми волосами и веселым взглядом прожигателя жизни. Кожа светлая, как у рыжих. Освобожденный от воинской повинности во время войны, в 1945 году Андре де Дине вел жизнь, о которой всегда мечтал. Величайшие европейские столицы, красивейшие женщины мира и деньги, в которых никогда не было недостатка. В первый раз Норма Джин предстала перед ним розовой девочкой со шляпной коробкой. Свежим и аппетитным пирожным, которое нужно попробовать, не теряя ни минуты. Вьющиеся, даже курчавые темно-русые волосы, заплетенные в две косички по обе стороны лица, как у девочки. Хорошенькие скулы, невероятная, огромная, щедрая, детская улыбка. Немного толстоватый и широковатый нос, но это неважно. С такими синими глазами, полными надежды, чистым лбом, сияющей кожей, как это сразу почувствовал фотограф, ее можно было принять за роскошную крестьянку из Центральной Европы — живую, естественную, одновременно лукавую и застенчивую, с которой любой разумный мужчина мечтал бы завалиться на сеновал. И этот розовый облегающий свитер, так близко к телу, как будто его связали прямо на коже, и под которым де Дине уже видит груди совершенной формы, налитые, круглые. Ее изящные и бледные ноги.

«Меня з… зо… вут Норма Джин. Б… Бейкер. Норма Джин Бейкер. Х… хотите взглянуть на меня в купальнике?»

Он уже знает, что она само совершенство. Он знает, что это она. Из своей шляпной коробки она достала отвратительное бикини и надела его в ванной. Оттуда она вышла похожей на пикового туза. Де Дине улыбнулся. Ноги выше колен плотные и гладкие, бедра пышные.

«Завтра начнем», — сказал он.

На заре фотограф отвез девушку на пустынный пляж и целый день щелкал затвором. Норма Джин сияет, у нее широкая улыбка в пол-лица. Она подставляет объективу всю свою жажду жизни, свои надежды на лучшее будущее. Она так счастлива быть здесь, существовать, так признательна этому мужчине, который выбрал ее и придает ей большое значение, что она нарисовала сердечко на песке. В тот же вечер, проявляя снимки, де Дине был потрясен результатом.

«Я хочу уехать с тобой в калифорнийскую пустыню, в Долину Смерти, и целыми днями, неделями тебя фотографировать», — сказал он девушке.

Де Дине подготовил свой «бьюик», обегал магазины Лос-Анджелеса, покупая одежду и аксессуары для Нормы Джин. Он готов. Она тоже. В декабре 1945 года они уехали, с благословения тети Аны. В машине Норма Джин много спала, свернувшись клубком, как котенок. Фотограф без устали смотрел на нее, уже представляя себе позы, углы. Ранимая чувственность Нормы Джин, ее плотская невинность, ее заикание, с которым она временами не могла справиться, волновали его. Очень быстро, словно перед камерой, она открылась ему, рассказала ему все: про свое детство, свою мать, свое замужество, свое желание преуспеть, свое намерение развестись. Бейкер — это фамилия ее матери, а не ее мужа. Очень быстро Андре де Дине почувствовал, что желает ее, как безумный. Очень быстро он понял, что без памяти в нее влюблен.

За несколько дней они вдвоем проехали тысячи километров, сняли целые горы фотографий. Каждый день де Дине вылавливал красоту Нормы Джин в окружении гор и скал. Они одни посреди пустыни. У него такое чувство, будто он похитил ее, чтобы она принадлежала ему одному. С каждым днем Норма Джин все краше, всегда рано встает, красится, причесывается — и готова к работе. Каждый день фотограф сгорает от желания попросить ее позировать обнаженной, и каждый день ему недостает для этого дерзости. Каждую ночь желание мешает ему спать и побуждает постучаться в дверь Нормы Джин, которая мягко отправляет его в его постель. У де Динса нет больше сил. Он просит молодую женщину выйти за него замуж. Он оплатит все расходы на развод, надо просто поехать в Лас-Вегас, чтобы не затягивать с этим делом. У них будет много детей, он всю жизнь будет ее фотографировать, потому что она станет суперзвездой, твердит он ей ежедневно. Пока она никому не известна, говорит он, но однажды… Однажды, предсказывает он, ты станешь самой фотографируемой женщиной в мире.

Норма Джин смеется, она так счастлива. Приятно слышать такие вещи, приятно встретить человека, разделяющего ее бредни. Андре такой милый, просто прелесть. Он купил ей ее первые джинсы. Ей в них хорошо, хотя раньше она носила и любила только платья. Он фотографирует ее в брюках, в пуловере, в юбке, в платье, с волосами, собранными на затылке и распущенными по плечам. В национальном венгерском костюме. Она не уверена, что хочет его. Для нее важно желание, которая она ощущает в нем. Чем оно сильнее, тем больше она значит. Сам по себе половой акт — завершение, а следовательно, в какой-то мере конец. Она к этому не стремится. Но она должна это Андре, который ведет себя с ней так по-рыцарски, даже согласился

отвезти ее в Портленд (в двух тысячах километрах отсюда), сутками сидя за рулем, чтобы навестить ее мать, которую только что выпустили из психиатрической лечебницы. Скоро Рождество — период года, который нагоняет тоску на Норму Джин. «Договорились, — сказал де Дине. — Съездим туда, а потом займемся твоим разводом».

Норма Джин ничего не сказала и в этот вечер пустила Андре в свою постель.

Приезд к Глэдис стал катастрофой. Несчастная женщина жила в небольшом гостиничном номере в Портленде. «Какого черта ее так быстро выпустили из больницы?» — спросил себя де Дине, как только ее увидел. Она едва узнала Норму Джин, которая с лихорадочной поспешностью распаковывала подарки, купленные для матери на первые сбережения. Глэдис на них даже не взглянула. Ни слова не сказала. Сославшись на важную встречу, фотограф оборвал эту пытку и поскорее увел оттуда Норму Джин, которая не раскрыла рта всю обратную дорогу.

Незаживающая детская рана. Яростное бессилие, чувство несправедливости, вины и необходимости реванша терзали ее сильнее обычного. Однажды у нас будет свой домик, мама, только для нас двоих, однажды, домик, обещаю тебе…

В Лос-Анджелесе ее ждало письмо от Джима Дагерти, сообщающего о своем приезде. Андре де Дине сказал Норме Джин, что может уехать на время, пока она не уладит дела с разводом. Он поедет в Нью-Йорк, там только что скончался один его друг. Да, сказала Норма Джин, хорошо. Но набирающая популярность модель из агентства мисс Снайвли не намерена выходить сейчас замуж за кого бы то ни было, пусть даже за известного фотографа, благодаря которому ее портфолио прибавило в цене. Она думает только о карьере, расплывчато отвечает на письма и беспрестанные телефонные звонки безумно влюбленного, умирающего от тревоги и снедаемого сомнениями — там, на Восточном побережье. С Джимом Дагерти обходятся не лучше. Выйдя из поезда в конце декабря 1945 года, он с ошеломлением увидел, что Норма Джин не ждет его на перроне Ван-Нейса. Она работает. Никакого случайного совпадения. За три недели пребывания в Лос-Анджелесе молодой моряк почти не видал своей жены, которую со всех сторон осаждали фотографы. Джим Дагерти не узнавал девушки, на которой женился. Норма Джин напустила на себя уверенный вид. Она иначе причесывается, иначе одевается. Теперь она на обложках журналов в купальном костюме. Она зарабатывает деньги. Она горда этим и хочет, чтобы Джим разделял ее радость. А его,

скорее, обуревает чувство стыда. Неизбежности. Фотография его полуодетой жены на стенах автозаправок или в шкафчиках его приятелей-военных — он бы прекрасно без этого обошелся. Между ними полнейшее взаимонепонимание. Оно выливается в окончательные, роковые слова Джима Дагерти, накрученного своей матерью, соседями, сплетнями, — твоя карьера или я.

Норма Джин не отвечает. Норма Джин действует втихаря, исподволь, стараясь никого не обидеть, неспособная встретить конфликт и других людей с открытым забралом. Норма Джин не любит ни правды, ни решений, разрывов, резких концов, внезапных перемен. Она предпочитает, чтобы все это тянулось, загнивало, умирало само собой, без шума и ярости, как нечто очевидное. Джим уехал, совершенно сбитый с толку. Несколько месяцев спустя, во время стоянки в Шанхае, он получил документы о разводе. Между тем Норма Джин, решившись как можно скорее отправиться на штурм кино, завела себе агента, который уверил ее, что положение замужней женщины повредит ее артистической карьере. Ни одна киностудия не подпишете ней контракт, опасаясь, что она забеременеет. Де Дине же весной вновь проехал через все Штаты из конца в коней, летя к своей любви, и нашел ее в обществе другого фотографа. Ее манеры показались ему немного нарочитыми. Она переигрывала. И все же такая притягательная, хрупкая. Такая красивая. Он не мог на нее сердиться. Партия проиграна. Перед Нормой Джин открывается другая судьба, де Дине это предчувствует, он молча проглотил досаду и в последнюю минуту отказался от попытки покончить с собой. Он навсегда останется ее другом. Она всегда сможет рассчитывать на него, чтобы фотографировать ее, когда она захочет. Хотя она и утратила немного своей невинности и девственной свежести. И отныне вся состоит из расчетов, карьеризма и честолюбия.

И даже ради рекламы какого-то шампуня, в конце концов, уступила и обесцветила волосы.

БЛОНДИНКА

Поначалу ей совсем не понравилось.

Если бы дело было только в цвете, даже и настолько фальшивом, она бы скорее к этому привыкла. Но блондинка (любых оттенков, от золотистого Бетти Грейбл до платинового Джин Харлоу) — это характер. И это был не ее характер. Не совсем. Теперь она становилась одной из хорошеньких голливудских блондинок, легкомысленных, искусственно слепленных «звездочек» с репутацией уступчивых женщин, прекрасно подходящих на роли сексуальной глуповатой секретарши, повинующейся начальнику, на которую облизывается все мужское население, идеальных любовниц женатых мужчин, замечательных и не слишком шумных украшений для края бассейна во время буйных вечеринок высшего света, с откровенными декольте или в тесных купальниках, состоящих только из тела, которые всему научились, все скопировали, от походки до улыбки, от осанки до молчания, и готовы выступить со своим коронным номером: жонглировать, бить чечетку, стоять на голове, танцевать с огнем — короче, все, что угодно. Дрессированные звери, эпилированные снизу доверху, которым переделали зубы, нос, вылепили новую фигуру, новую личность — личность блондинки, то есть сексуального объекта, добычи, они думают лишь о том, чтобы их заметили, выбрали. Любой ценой.

Она превратилась в штамп.

Теперь мужчины открыто свистят ей вслед, без обиняков делают ей неприличные предложения, ведут себя прямее, агрессивнее — с чего бы им миндальничать, ведь блондинка внушает желание, а не уважение, пробуждает порывы, снимает оковы с диких инстинктов. С блондинкой все сразу ясно.

Это недоразумение. Норма Джин знает, что ей вовсе не требуется это фальшивое сияние на голове, чтобы притягивать к себе взгляды, объективы фотографов (хотя ее и уверили в том, что светлый цвет волос лучше ловит свет, чем любой другой), или чтобы мужчины возбуждались при ее виде. Она уже убедилась в этом с де Динсом. Норма Джин хочет, чтобы ее любили и желали ради нее самой. Со светлыми волосами она совсем другая женщина. Она вдруг потеряла всякое целомудрие, всякую робость, в ней проявилась сокрушительная чувственность, как тогда, на танцах с Дагерти. Возможно, это и есть быть блондинкой. Это фонтанирование. До сих пор она об этом не знала. Приходило ли к ней осознание этого чуда или присутствия

внутри чудовища — неожиданного, непредсказуемого? Светлый цвет волос принадлежит тому сверхъестественному явлению, которое порой вырывается на волю и заставляет ее кожу сверкать тысячей огней. Норма Джин еще к этому не привыкла.

Ей нужно время. Поначалу она каждый раз вздрагивала, увидев свое отражение в зеркале — чужое, лживое, которому в ней какая-то часть еще противилась. Это как долгое и трудное выздоровление после сложной операции. Пересадки. Новоявленная блондинка мало-помалу привыкала к самым простым жестам. Она постоянно запускала пальцы в свои серебристые кудряшки, словно хотела проверить, хорошо ли они держатся. Потихоньку примеряла для себя позы, подходящие новому образу. Шли недели, и она перестала вздрагивать при виде своего отражения. Приспособилась к нему Другие тоже. Тетя Ана, тетя Грейс, которая снова жила в Лос-Анджелесе, да и все, в конце концов, увидели ее блондинкой, как будто она всю жизнь была такой.

Другое существо внутри нее расположилось вольготнее.

Журналы были от нее без ума, мужчины тоже — и фотографы, и журналисты. Но теперь Норма Джин хотела заключить контракт с «ХХ век Фокс», «Коламбией Пикчерз» или «РКО Пикчерз», потому что она будет актрисой, а не манекенщицей, ведь так хотела ее мать, когда она была маленькой. Поэтому она каждый день обивала пороги крупных киностудий, с портфолио и резюме под мышкой, неловкая, заикающаяся, торопящаяся получить подтверждение развода, едва сводящая концы с концами (так как Джим, рассвирепев, перестал выплачивать ей содержание), запыхавшаяся, трогательная, жалкая — и ее учтиво выпроваживали. Да-да, мы вам позвоним. По ночам она ходила на голливудские вечеринки в плотно облегающих невозможных платьях — так учатся ходить по битому стеклу. Она тренировалась.

И однажды утром она, наконец, признала себя блондинкой — в самом сердце.

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

Итак, отныне она блондинка. Разведенная — за этим дело не станет. Актриса — она уже на верном пути. Год 1946-й стал переломным для Нормы Джин, бывшей Дагерти. Переходным и определяющим во многих отношениях, важнейшим, учредительным и опустошительным, это был год, когда она триумфально прошла кинопробы и заключила свой первый контракт с крупной киностудией. Год, когда она, вероятно, начала коллекционировать любовников и из расчета подчиняться прихотям некоторых мужчин, обладающих мнимой или реальной властью. Год ее двадцатилетия. И год, когда ее попросили сменить имя. Так, мелочь. Просто Норма Джин Дагерти, Бейкер или Мортенсен, как она иногда подписывалась, — это не звучит. Слишком трудно запомнить. Во всяком случае, это теперь тоже не совсем она. Ей нужно имя для блондинки. «XX век Фокс» предложила имя: Мэрилин. А тетя Грейс подсказала идею взять фамилию деда по матери — Монро, она ж все-таки историческая, престижная, и потом, говорят, что двойные буквы приносят счастье. ММ. Мэрилин Монро. Приятное, ласковое созвучие. Легко запомнить. Мэрилин Монро, Мэрилин Монро — да-да, вот так, радуется Грейс Годдард, это то, что нужно, это имя звезды. Ты думаешь? — Норма Джин колеблется. Мысленно повторяет, бормочет шепотом новые слоги, которые теперь будут ею самой — Мэрилин Монро, Мэрилин Монро, как делает новоиспеченная жена, чтобы привыкнуть к своему статусу супруги, убедить себя в этом, как делала она сама четыре года тому назад, когда стала миссис Дагерти. Или как делала всегда, переходя из одной семьи в другую. Норма Джин с самого детства примеряла на себя все последовательно менявшиеся принадлежности. Но на сей раз — это другое. На сей раз все зашло гораздо дальше. Она словно начинает все с нуля, с нового расклада, получив новый шанс. Мэрилин Монро — псевдоним, родившийся от убийства Нормы Джин и всего, что к ней прилагалось («Я сирота, отца никогда не знала, мать умерла», — рассказывала она в первое время журналистам, завороженным этой мрачной историей, хотя Глэдис с недавних пор жила вместе с ней у тети Аны). И при этом он далеко, очень далеко отодвигает все прежние рамки. Все, что сковывало Норму Джин — благопристойность, приличия, лояльность и долги из громоздкого прошлого, — теперь уничтожено. Мэрилин Монро априори ничего не должна и никому не принадлежит. Она свободна. Чтобы обрести свободу, Норме Джин пришлось принести себя в жертву.

Несмотря на первый полугодовой контракт с правом возобновления, подписанный в августе 1946 года, жизнь проще не стала. Все двери не открылись разом. Слава не наступила на следующий же день. Наоборот. Она придет только через годы долгого и упорного труда, маленькими шажками. Долгие годы сомнений, уступок, лишений, уныния, унижений, ожидания, постоянно сокрушаемых иллюзий, ожесточения, любовных разочарований, одиночества, отчаяния, разрывов, которые приведут даже к попытке самоубийства — первой, в 1950 году. Но пока умерла Норма Джин. Кто такая Мэрилин Монро? Что есть Мэрилин Монро вне фигуры, изготовленной в голливудской лаборатории? Заводная кукла? Призрак? Одно имя из сотен в бесконечном списке очередников? Каким боком она выделится из всех? С какой стати выберут ее — ни красивее, ни умнее других?

Ее фигура дважды мелькнула в халтурных, быстро позабытых фильмах — вот и все, что она получила после первой и многообещающей кинопробы, снятой в присутствии ошарашенного и разъяренного Дэррила Ф. Занука, продюсера «XX век Фокс», который все же согласился взять эту «соломенную голову». Но на самом деле хозяин киностудии останется одним из редких людей, так и не разглядевших эротический потенциал юной Мэрилин.

«В этой девушке есть нечто, чего не видели со времен Джин Харлоу. Со времен немого кино. Это взорвет экран», — заикнулись было некоторые технические сотрудники.

Для Дэррила Френсиса Занука (1902–1979), мужчины в сапогах и с блудливыми руками, это было вовсе не очевидно. Он, скорее, был неравнодушен к «дурындам» (так он называл их при своей супруге Вирджинии), стремящимся к славе, которые сновали по коридорам киностудий и которыми он «пользовался» без ограничений. Надо думать, Мэрилин Монро была не в его вкусе. На его взгляд, это было фактически профнепригодностью.

Молодой разведенной женщине пришлось за это расплачиваться. Она теперь осталась без мужа, зато с матерью, ужиться с которой, как она быстро поняла, было невозможно. Настал час сведения счетов между Глэдис Бейкер и ее дочерью. Обе сыпали упреками, горькими замечаниями, осуждениями. Мэрилин никогда не добиться от матери ожидаемого восхищения и благодарности. Вернуться в прошлое невозможно. Мечта о том, чтобы вытащить мать из дурдома и жить с ней в хорошеньком домике, обставленном белой мебелью, рассыпалась в прах. Так и не отделавшись от чувства вины, точившего ее с самого детства, Мэрилин после нескольких недель жизни с матерью перебралась

в небольшую однокомнатную квартирку, передав на руки тете Ане еще более суровую, чем раньше, ледяную, погибшую Глэдис. Это было невыносимо. И вот она впервые в собственных четырех стенах, практически в пустой квартире, потому что материальные блага — вещи, даже украшения, всякий внешний признак богатства — вызывают у нее только отвращение. Норма Джин не любит то, что длится долго, потому что ничто не длится долго. Но она больше не Норма Джин, она должна вбить себе в голову, что она Мэрилин Монро, которая больше не оглядывается назад. Даже близкие теперь должны называть ее Мэрилин. Мэрилин довольно матраса на полу и лежащих там же книг, которые она читает или не читает, страстно желая выучиться и доказать всей Земле, что она не пустоголовая. Мэрилин внимательно следит за фигурой и потихоньку привыкает к ощущению защищенности и уверенности, которое, как она заметила, дает ей алкоголь. Молодая женщина, все более красивая и все более одинокая, а кругом белизна — от пола до потолка.

Шесть лет. Долгий период, в течение которого Мэрилин Монро поочередно смеялась и стонала в темноте, ожидая, когда же пробьет ее час, продлится шесть лет[3]. Смутное время со многими неизвестными, о которых мнения биографов расходятся. Некоторые утверждают, что, чтобы платить за квартиру и добиться своих целей, Мэрилин регулярно зарабатывала своим телом — была наемной танцовщицей в баре, девушкой по вызову, да просто проституткой. Говорят о закрытых вечеринках у Джо Шенка — семидесятилетнего заправилы студии «XX век Фокс», связанного с мафией, которому доставляли молодых женщин на лимузине. Говорят об оргиях, абортах. Как узнать? Кому верить? Выдумки? Правда? Мифоманский бред, распространяемый женщиной, которая уже не могла или не желала отделять реальность от вымысла? Возможно, не это главное. Главное не доказать, какими способами начинающая актриса пыталась заполучить роли, спала она с кем-то или нет, чтобы «преуспеть». Очень вероятно, что Мэрилин без зазрения совести старалась извлечь выгоду из своего тела — единственного своего богатства, которое, во всяком случае, не доставляло ей больше никакого удовольствия, поскольку к сексу как таковому она была равнодушна. Мужчины сменяли друг друга — это ее не волновало и не мешало. Она даже принимала это за честь, обретая чувство того, что существует, обладает властью над их безумным, молящим взглядом, их лихорадочными и неловкими жестами, когда они зачастую патетически обнажаются в момент истины. Ведь на самом деле в любви это они раскрывают себя, обнажают

свои изъяны. Она лишь обнажалась и предоставляла свои роскошные формы их прихотям. Общество очень пожилых мужчин ее не смущало. Она даже предпочитала его обществу молодых, вечно спешащих людей. Мужчины за шестьдесят — Джо Шенк, а потом Джонни Хайд — не унижали ее молодости. Они придавали ей уверенности. Были так предупредительны, нежны, трогательно неловки — стыд, бессилие и к тому же боязнь умереть. Мэрилин не чувствовала себя в опасности рядом с ними. Их объятия были острыми и искренними. Да и краткими, кстати. Это в большей степени было отчаянным бунтом, чем эгоистическим наслаждением. Именно так она и подходила к этому вопросу. Ну и пусть у них порой сомнительные знакомые. Чем ближе к власти, тем чаще пахнет жареным, образуется банда. Там, где деньги — всегда шампанское, красотки и мужчины в черном. В Голливуде все это в двойном размере. Мэрилин голодна. Ей нужны деньги и ласка. Ей нужен рядом отец или дедушка, который верит в ее талант, поощряет и защищает ее. Способен разглядеть за ней будущее, которого уже не увидит. Пусть даже придется с ним переспать.

Переспать со своим отцом — это была мечта, в которой Мэрилин призналась нескольким людям: со своим настоящим отцом, тем, кто обрюхатил однажды Глэдис и ничего не желал знать о ней самой… или просто ничего не знал. Подойти к нему в баре, как она умеет это делать, — полуодетой, с грудью наружу, с выпяченным задом, зовущими ласку ногами, завлекательными губами, красивая, как никогда, чтобы он заболел от желания, сошел с ума, стал ее рабом, заставить его заплатить дорогую цену и дать отведать того, чего он никогда не знал — незабываемую ночь пылкой любви, когда все позволено. Уйти от него на рассвете, набив карманы деньгами, с улыбкой на губах, но прежде открыть ему, что он только что несколько часов трахал свою собственную дочь. Бай-бай, папочка. Возможно, именно такую ночь она неустанно репетирует, предавая свое тело в руки своих любовников — подставных отцов, приемных дядюшек, слюнявых и порочных «мистеров Киммелов», на которых она распространяла свое проклятие.

В некоторые дни, предвкушая свою будущую победу, она сияла, меняя выражение лица перед объективами фотографов, нечто свежее, юношеское, детское, нечто от бывшей Нормы Джин пробивалось сквозь скорлупу блондинки. Она улыбалась жизни, чудесному будущему, когда ее будет превозносить целый мир и тысячи потенциальных отцов будут драться за то, чтобы удочерить ее. У нее нет возраста, она красива, невинна и девственна, как агнец. Это все та же девочка с косичками,

толстоватым носом и грушевидными грудями, которую щелкает Андре де Дине. Она верит в это, как в «Отче наш».

Но в другие дни, проходя мимо зеркала и едва замечая в нем себя, она испытывает такое чувство, будто стала прозрачной.

В феврале 1947 года Занук пожал плечами и согласился продлить еще на полгода контакт «глупой блондинки». Очевидно, вокруг него были люди, желавшие малышке добра. Он не понимал, по-прежнему не видел, почему. Никакого характера, никакой личности. Не ей сыпать насмешливыми репликами Джин Харлоу на его непристойные слова. Не ее он мог бы, походя, хлопнуть по заду, а потом от души смеяться в ее обществе. Времена изменились. Наконец. Да что ему за дело, он и не видит-то ее совсем. У Мэрилин, которая постоянно ошивается на киностудиях, стараясь «случайно» наткнуться на кого-нибудь влиятельного, иное расписание, чем у шефа. И все же, благодаря одному из своих покровителей, она получила весной 1947 года свою первую «роль» в пустом фильме «Скудда-у! Скудда-эй!» («Scudda Hoo! Scudda Hay!»), где она изображает прохожую и ее текст состоит из двух слов: «Привет, Рад» — самые первые слова в кинокарьере Мэрилин Монро. Фильм остался незамеченным, но начинающая актриса довольна. Это дебют, она уже не тень, а статистка. Неплохо для настолько плохой актрисы, думает она.

Потому что незаурядное стремление учиться, совершенствоваться сочетается в ней с сильно заниженной самооценкой. Как же она сможет стать кинозвездой? Кто даст ей роли, отличные от тех дежурных красоток, которых просят поменьше раскрывать рот? Она не умеет играть, у нее не поставлен голос. У нее вообще нет голоса, она никакая, не может пошевелиться от смущения. Более того, она ни разу не была в театре и не видела ни одной пьесы. Следовательно, собрав волю в кулак и вывернув карманы, Мэрилин записалась на театральные курсы — «Актерская лаборатория» — и какое-то время ходила туда, такая неприметная, робкая, что никто не заметил застенчивой блондиночки, самой прилежной ученицы, которая сидела на занятиях с пуделем на коленях, мечтая стать трагической героиней, мечтая о Нью-Йорке, о респектабельности Нью-Йорка, где вырастают настоящие великие актеры. Возможно, и она когда-нибудь… А пока, прежде чем сыграть Анну Каренину или леди Макбет, Мэрилин довольствуется ролью официантки в другом позабытом фильме — «Опасные годы».

А потом все остановилось. Ее контракт истек в августе 1947 года, и на сей раз его не продлили. Она считала, что безо всякой причины, и большинство биографов вопят о несправедливости и обычно перескакивают с этого таинственного увольнения актрисульки из «Фокс» на ее поступление в «Коламбия Пикчерз»,

как будто эти два события произошли одно за другим, в чем следуют по пути, проложенном самой Мэрилин Монро. Однако между двумя этими моментами прошло «всего» восемь месяцев. Предположение о неурочной беременности[4] наиболее вероятно (беременной начинающей актрисе сразу указывали на дверь) и почти идеально согласуется с некоторыми поздними «признаниями» Мэрилин некоторым людям[5].

Однако если она и родила, никаких зримых доказательств этому нет. Кстати, почему ни одно медицинское свидетельство, даже результаты вскрытия в августе 1962 года ни о чем подобном не сообщают? А ведь Мэрилин, как известно, часто посещала гинекологов. Мы ничего не знаем. А у тела есть своя память. Надо полагать, тело Мэрилин знало не только невзгоды.

Были у него и тайны[6].

В марте 1948 года, благодаря вмешательству Джо Шенка, Мэрилин Монро взяли в «Коламбия Пикчерз», в то время не слишком престижную киностудию. Но и на том спасибо. Снова зародились надежды и иллюзии, тем более что жалкое месячное жалованье давало ей призрачное чувство безопасности и возможность платить за комнату неподалеку от Голливудского бульвара. Хотя есть досыта не приходилось. Но не это главное. Мэрилин предпочитает тратить деньги на более важные вещи и, когда может, пропускает обед и ужин. Она все так же мало уверена в себе, прекрасно сознает, что приемом на работу обязана своим покровителям и своим пышным формам, что приносит ей презрение и насмешки со стороны людей, чьего уважения она хотела бы добиться. По счастью, для нескольких людей из своей «прежней» жизни она не просто «соломенная голова», осмеянная Зануком, или красотка на одну ночь, которую позабудут под утро. Если не считать матери (к всеобщему удивлению, Глэдис снова вышла замуж за коммивояжера и уехала с ним в Орегон), рядом с ней остаются тетя Грейс, вернувшаяся в Лос-Анджелес, и тетя Ана. Но в марте 1948 года, вскоре после поступления «племянницы» на киностудию «Коламбия», Ана Лоуэр умерла от долгой болезни, точившей ее многие годы.

Мэрилин этого не перенесла. Она и так была хрупкой, неуравновешенной, а потеря единственного существа, проявлявшего к ней нежность в ее долгом детстве, стала испытанием, впервые столкнувшим ее со смертью, окончательным разрывом. Кончина тети Аны вернула Мэрилин в ее юные годы, к уходящему времени, постоянному одиночеству, к ее собственной смерти. Впервые в своей жизни блондинка, воплощение плотских желаний, оказалась на кладбище[7]. Желание похоронить и себя тоже чередовалось с чувственным, пламенным побуждением жить

на всю катушку. Мэрилин родилась от союза двух противоположных сил, двух противоречивых порывов, заставлявших ее идти вперед и страдать.

Маниакально-депрессивный синдром.

Отныне она по-настоящему одна. Ана умерла, Глэдис сбежала, тетя Грейс, которая постоянно переезжает, часто находится в плену алкоголя или других проблем, Джимми Дагерти уже снова женился. Мэрилин надо срочно найти себе другую «семью».

Весной 1948 года дебютантка в плотно облегающем коротеньком платье и на высоченных каблуках явилась к преподавателю актерского мастерства со студии «Коламбия Пикчерз». Трудно представить себе большие противоположности, чем Наташа Лайтесс и Мэрилин Монро. С одной стороны — вдова-австриячка, аскетическая брюнетка, начитанная, изъеденная знанием и печалью, худая и бледная, с другой — пышная и свежая блондиночка, невежественная, манерная заика, глаза которой наполнились слезами признательности, отчаяния и любви. Первой сорок четыре года, за ее спиной большой опыт страданий, дом, набитый книгами, и пятилетняя дочка, которую она воспитывает одна. Она уже давно не играла, она некрасивая и строгая, у нее орлиный профиль и всегда темная одежда. Ее суровое присутствие на киностудиях, где полно легкомысленных и сексуальных девушек, где попираются нравственные устои и процветают подкуп и кумовство, похоже на присутствие дуэньи в клубе барабанщиц. Она здесь так же неуместна, как и необходима, окружена таинственностью и уважением. Наташа Лайтесс конечно же воспользовалась дружбой кого-то высокопоставленного, чтобы получить это место, о котором только что прибывшая из Европы эмигрантка не могла и мечтать и которое спасло ей жизнь. С тех пор она вершила закон в «Коламбии Пикчерз». Ее мнение было важно, начинающие актрисы стремились заручиться ее поддержкой. А Мэрилин в июне исполнится двадцать два. Совершенно не уверенная в себе, она держится до крайности нарочито («Ничто в ней не было естественным», — скажет потом Лайтесс), носит возмутительно облегающие или декольтированные платья, заикается, как только начинает дрожать, и дрожит, как только начинает заикаться, она ни разу не слышала о Шекспире, не знает ровным счетом ничего. И просит любви. Днем и ночью.

Но это встретились два одиночества, два зияния нежности — лучистая сирота, ищущая семью и уважение, податливая, покорная, восторженная, и угасшая вдова, подточенная

разочарованием, которая конечно же не могла оставаться равнодушной к солнечному свету, источаемому Мэрилин, обожанию, которым та прониклась к ней с первого взгляда, к этому неотразимому, обнаженному телу, от которого запылал весь ее дом. Наташе Лайтесс лестно, что она вызывает такой восторг, она смущена этим чужим сладострастием, обостренной чувственностью и в глубине души рада этому невспаханному полю, явившемуся перед ней, на котором она может взрастить все, что захочет.

Мэрилин наконец-то нашла учителя — учительницу, которую искала, которая научит ее быть лучше, самой лучшей, разглядит в ней нечто, кроме внешности, и в то же время подругу, наперсницу, даже «мать», чей дом заменит ей родной. Очень скоро она стала почти все свое время проводить у Наташи, осыпала ее дочь подарками и зачастую оставалась спать на диване.

Потому что все их разделяло и все сближало.

Наташа «воспитывала» Мэрилин, которая смотрела ей в рот, «исправляла» ее по своим собственным критериям, старалась снять слой за слоем неумелый макияж и жеманность, которые наводила на себя начинающая актриса, думая, что так лучше, пытаясь задушить под ними бывшую Норму Джин. Вместо того чтобы скрывать естество, Лайтесс заставляла Мэрилин искать свою игру внутри самой себя. Искать свою личность. Не прятаться под своей блондинистостью. Она ставила ей голос, дыхание. Требовательность, непримиримость Наташи понемногу придавали уверенности ненасытной ученице, которая доверила ей свою жизнь и любила прижиматься своим розовым одиночеством к ее костистому и поношенному телу. Обеих женщин быстро опутала тесная связь — было ли в ней что-то сексуальное? Возможно ли, что нежные жесты учительницы в отношении ученицы, ее выражения привязанности в какой-то момент вышли за рамки? Сначала поцелуй, потом у рук появляется потребность прикосновений, ласки. Иссохшее тело вдовы вновь воспламенилось от близости к этой сияющей эротизмом плоти? Чистый дух просто-напросто влюбился в глупенькую блондинку? Если и были отношения такого рода, то, несомненно, в подобном направлении. Наташе Лайтесс было нечего терять, женихи у ее ворот не толпились; зато Мэрилин, гораздо менее наивная и более расчетливая, чем считалось, многое выиграла. Безграничная поддержка Лайтесс в «Коламбии» могла пойти ей только на пользу. С другой стороны, секс оставлял ее равнодушной, ей было почти невозможно отделить дружбу от любви, свое тело от своей работы, как уже было с

разными фотографами и как будет повторяться еще не раз на протяжении ее жизни. Итак, сентиментальная и, возможно, физическая связь — идеальное объяснение резкому разрыву между женщинами несколько лет спустя, когда Лайтесс стала обузой для Мэрилин, превратившейся в звезду[8]. И все же учительница потеряла голову от Мэрилин. А Мэрилин явно играла на этой слабости своей учительницы, забирала потихоньку власть над ней. В несколько недель соотношение сил изменилось на противоположное. Доминировать стала другая.

Однажды утром Наташа примчалась к Гарри Кону, повелителю «Коламбии Пикчерз», и стала убеждать его, что в новом фильме, который собираются снимать на киностудии, есть роль для ее ученицы. Еще чего, ответил тот. Это фильм про мюзик-холл. Умеет она петь? А танцевать? Она научится, уверяла Лайтесс, и с тех пор все свои силы и все свое время отдавала на подготовку Мэрилин к роли сексуальной певицы-стриптизерши из «Хористок». Конечно, это значило загонять себя в рамки клише, в трафарет «соломенной головы» с красивыми формами, но надо признать очевидное: на тот момент шансов, что Мэрилин предложат интеллектуальную роль, было мало. Прежде чем суметь проявить что-то другое, она должна смириться со своим статусом сексуальной красотки, а потом доказать, что способна выйти за его рамки. У Мэрилин не было выбора. Нужно хвататься за все, принимать что угодно. Положение у нее самое что ни на есть непрочное, она живет впроголодь, в жутких условиях, кочует по чужим квартирам, пока не вернется в свою комнату, унылую и грязную, позабыть о своем одиночестве. И продолжать скитаться, вернуться к кочевой жизни своего детства, своей непринадлежности к кому бы то ни было, от которой ей было так больно, не иметь своего угла.

Это факт: оседлая жизнь пугает молодую женщину. Всегда найдется, от чего бежать. Ее преследует депрессия, усугубленная смертью тети Аны. Она бросается в объятия мужчин, но все чаще окунается в мнимо успокаивающие пары алкоголя. Сирота чувствует себя нелюбимой. Она никогда не ощутит себя достаточно любимой. Слишком много лет надо наверстать. Сближаясь с людьми, она ищет не только любви, но чего-то большего, похожего на родственные чувства. Свое же сердце она уже давно замкнула на замок.

Скоро оно резко раскроется снова. Или распахнется в первый раз.

Главная стриптизерша из «Хористок» должна исполнять несколько песен, в том числе одну, как будто специально

написанную для Мэрилин Монро: «Каждой малышке нужен па-па-папа». Наташа Лайтесс отправила свою протеже к человеку, исполнявшему в «Коламбии» обязанности учителя музыки, композитора, репетитора, аранжировщика и пианиста. Фред Карджер. В мужском пейзаже, окружавшем Мэрилин, Фред Карджер резко выделялся: он молод (тридцать два года, всего на десять лет старше ее), разведен, имеет сына, красив, талантлив, перспективен и с потрясающе ласковыми родителями. Начинающая актриса с тоненьким голоском и болезненной застенчивостью, заикающаяся в самый неподходящий момент, слушает обворожительного учителя, смотрит на его слегка выступающую челюсть, на его волевую внешность, и влюбляется в него. Безумно. В него самого, но еще в его сына, в то, что он есть, в то, что он представляет собой, и в особенности в его мать, Нану Карджер, к которой она сразу же прильнула, как кошка.

Мэрилин мурлычет, учится петь и заниматься любовью с любовью, раскрывает свое тело для будущего. Она принимается мечтать.

Она дитя, девушка, влюбившаяся впервые в жизни, рычащая и неловкая, осыпающая Карджеров подарками, которые ей не по средствам, и поверяющая свое счастье, свои фантазии и страхи Наташе — а кому же еще. Седеющей Наташе, у которой в животе что-то сжалось с тех пор, как ей приходится делить белокурые пряди Мэрилин с седыми волосами Наны Карджер и укладкой Фреда. Но она готова принять и это, лишь бы не потерять эту особенную ученицу — патологически непостоянную, как она, наверное, уже поняла. Мэрилин хочет нравиться любой ценой. Она упорно посещает дом Карджеров, готовит, моет посуду, делает уборку, играет с сыном Фреда, подстерегая момент, когда ей предложат поселиться здесь окончательно. Подберут ее. Она не замечает, не хочет замечать презрительного отношения к ней Фреда, дистанции, на которой он старается держаться от нее вне постели. Мэрилин не понимает, что сердце ее любовника не бьется в едином ритме с ее собственным. Она думает о новом браке, на сей раз по любви, который дал бы ей, помимо обожаемого супруга, то, в чем жизнь до сих пор ей всегда отказывала, — родителей, ребенка.

Предостерегала ли ее Наташа? Разумеется, она не любит Карджера и слишком хорошо понимает, что ему нужно от Мэрилин. Но что делать? Как сказать? Предмет слишком тонкий, чувства Мэрилин — всепоглощающие. Связь осложняется день ото дня. Влюбленная женщина ничего не слышит, унижается до ожидания и живет по воле Фреда. Это Золушка, которую принц выбрал среди всех. Бедная девушка с улицы, которую полюбил

вельможа. Меньше чем ничего, тогда как Фред — это все, он такой умный, одаренный. Ей не дотянуться до него, она боится этого и тешит себя иллюзиями. Мэрилин верит в любовные истории. Она из кожи вон лезет, старается быть хорошей актрисой во время съемок «Хористок», петь так, как научил ее Фред. И когда приходится слишком тяжело, когда одно холодное слово, обидное поведение Фреда подрубают ее под корень, когда она вдруг начинает дрожать при мысли о том, что и он тоже, в конце концов, бросит ее, она подолгу плачет на груди у Наташи, а потом снова принимается ждать, бежит подарить Фреду безумно дорогие часы с гравировкой, из-за которых ей, возможно, не придется обедать несколько месяцев.

Фильм — полная глупость, однако несколько критиков отметили игру перспективной блондинки, красивой девушки с занятным голосом, выделяющейся посреди этой кучи посредственностей. Властелин «Коламбии Пикчерз» тоже ее заметил. К великой досаде Наташи, которая знает, что стоит за его интересом, и с самого начала пыталась «спрятать» Мэрилин от его похотливых глазок, он позвал восходящую звезду к себе в кабинет и пригласил совершить круиз вдвоем на его яхте. Девушка отказалась. Ее тотчас уволили. В конце 1948 года Мэрилин Монро во второй раз выкинули с киностудии.

В тот же момент Фред Карджер надолго разбил ее сердце (возможно, навсегда, потому что указал ей, где ее место — место Мэрилин Монро): он вовсе не намерен на ней жениться, сказал он ей. Пусть посмотрит правде в глаза! Он не может сделать приемной матерью своего сына такую девушку, как она. *Такую девушку, как она.* Которая спит со всеми подряд, которую хотят, но не уважают, секс-бомбу. Любовницу. Или фантазию. На фантазиях не женятся.

Сломленная, униженная, несостоявшаяся звезда спросила себя, уж не является ли девушка-мечта по имени Мэрилин Монро, которую она лепит день за днем, стараясь изо всех сил, чтобы выпростаться из грязи, на самом деле самым худшим ее врагом.

В начале 1949 года единственным проблеском света для молодой женщины стало ее приглашение на кинопробы для нового фильма братьев Маркс. Оставшись без месячного жалованья, она жила единственно на гонорары от фотосессий, которые ей иногда предлагали, соглашалась на что угодно — рекламу, позирование в купальнике или на лыжах (или все вместе), во время турниров по гольфу, бейсбольных матчей, позировала рядом с Генри Фондой или другими знаменитостями, со своими длинными и светлыми, завитыми волосами и вечной

улыбкой в пол-лица, с этим почти плотоядным выражением абсолютного счастья, тогда как все в ней рыдало и молило. Ее увольнение с «Коламбии», даже по причинам, с профессией никак не связанным, подорвало ее уверенность в себе, которая и так-то была непрочной. Удачные пробы на фильм «Счастливая любовь» подняли ей настроение лишь на время (эта история хорошо известна: Граучо Маркс попросил трех актрис-претенденток пройти перед ним: та, которая сумеет одной своей походкой пробудить его стареющее либидо, получит роль. Мэрилин сделала несколько шагов. Когда она обернулась, из ушей Граучо валил дым!). Положение «самой красивой попки в Голливуде» (по выражению старшего из братьев Маркс) не позволяло ей регулярно питаться, а тем более строить планы на будущее.

Несколько месяцев она делила квартиру и постель с журналистом Робертом (Бобом) Слетцером, таким же безденежным, как она сама, и по уши влюбившимся с 1946 года в великолепную наяду, которая предоставляла ему, когда он того пожелает, свое изумительное тело, играя с его фантазиями. В мае ей предложили сфотографировать это изумительное тело обнаженным для какого-то календаря, за скромную сумму в 50 долларов. Да или нет. Подумала ли Мэрилин о последствиях такого поступка для своей карьеры? Или предпочла отмахнуться от этой мысли, не загадывая дальше, чем на завтра? Или желание возобладало над разумом? Она согласилась. Это было вечным обетом. Правом. Долгом. С другой стороны, она действительно была приперта к стенке. В каком-то смысле это был удачный предлог. Так что она полностью разделась и уложила свое золотистое тело, свои завитые рыжеватые волосы в складки огромной красной драпировки.

В ней есть что-то кошачье, она странным образом никогда не бесстыдна. Эти фотографии, в которых больше намека, чем откровенности, в сегодняшнем обществе показались бы «целомудренными». На них видны гораздо более изящные, чем можно подумать, изгибы девушки со скромной грудью, в профиль, потягивающейся на полу, точно кошка. Никаких нескромных волосков. Никаких агрессивно выставленных сосков. Но кожа роскошная, сияющая, лучистая, в изгибе спины, поясницы заключен мощный эротизм, ноги красивые и изящные.

Фотографии были распроданы за несколько дней и принесли целое состояние заказавшей их компании. Мэрилин же получила лишь жалкую сумму, оговоренную с самого начала и тотчас потраченную. Возвращение на исходную точку. Кастинги в агентствах, портфолио под мышкой и колотящееся сердце — начинающая актриса, запыхавшись, стремится к славе, которая

отдаляется все дальше и дальше.

Возможно, этим бы все и ограничилось. Возможно, она годами бы хваталась за любое предложение, позировала в самых нелепых нарядах с полураскрытыми губами, полуподружка-полушлюшка, чтобы расплатиться за эту чертову квартиру в конце месяца, в отдельные удачные месяцы жила бы на содержании, спала бы со всеми продюсерами, режиссерами, сценаристами, чтобы однажды, может быть, получить более интересную роль, чем другие, а потом окончательно погрузиться в забвение. Ее тело бы обрюзгло, не в силах бороться со старением. И она ускорила бы свое падение. Она не стала бы первой. Это обычная судьба для большинства начинающих актрис. Это могло бы стать судьбой Мэрилин Монро. Если бы ее дорога не пересеклась в середине 1949 года с путем лучшего голливудского агента Джонни Хайда.

МИСС МОНРО И ДОКТОР ХАЙД

Самое последнее, решающее преображение — это все он.

Нос утончили, а форму подбородка подправили аккуратной пластической операцией. Продумали туалеты, сделав их сексуальными, но не такими вульгарными, более изысканными, добавив к ним дорогие украшения. Волосы пригладили, подстригли покороче и довели до нужной белизны, они выгодно преподносили лицо и посадку головы. Джонни Хайд все взял под свой контроль. Мэрилин будет роковой женщиной или ее не будет вовсе. Возможно, что и знаменитая родинка внизу на левой щеке — это тоже он. Шикарные рестораны Лос-Анджелеса, роскошные вечера, турниры — все места, где нужно побывать и показаться, небольшая однокомнатная квартира в отеле «Беверли Карлтон», за которую негласно платили в конце месяца — это тоже он. Две первые настоящие роли в фильмах двух великих режиссеров (Джона Хьюстона и Джозефа Манкевича), которые заставят Занука рвать на себе волосы и принесут Мэрилин новый контракт, теперь уже на семь лет, с «ХХ век Фокс», это тоже он — Джонни Хайд.

Когда он встретил несчастную актрисульку, которой шел двадцать третий год, Джонни Хайду, который годился ей в дедушки, оставалось прожить полтора года. Он этого и не знал, но предчувствовал, и у него были на то основания после бурно прожитой жизни, трех браков, трех разводов, различных связей и сердечного приступа. Это был человек крошечного роста, чрезвычайно могущественный и влиятельный, ворочавший миллионами, заказавший для своего кабинета специальное кресло, в котором он казался выше. Он творил знаменитостей.

Но каждый день его был на счету. Ему дали отсрочку. Поэтому, когда он наткнулся на Мэрилин, до сих пор снявшуюся только в четырех провальных фильмах и выгнанную с двух киностудий, бродившую по кастингам с бурчащим от голода животом, Джонни Хайд немедленно сделал ее своей любовницей, выделил ей роскошное содержание, стал показываться с ней на людях в ботинках на толстой подошве, упал к ее ногам и предсказал ей, что она станет величайшей звездой всех времен. На многолюдный прием, устроенный в середине года в отеле «Беверли-Хиллз» в честь Лоуренса Оливье и Вивьен Ли перед началом съемок «Трамвая „Желание“», маленький Хайд явился на глазах у всего профессионального сообщества под руку с молодой женщиной, красивым неподвижным растением, «стоп-кадром», по выражению Элии Казана. Красивый неодушевленный предмет.

Иначе говоря, старикашка влюбился в молодку — конечно, с красивой попкой, но совершенно бесталанной. По мнению возмущенных родственников, наивный гусь позволял красиво себя ощипать.

На самом деле все ошибались. Потому что Хайд увидел, почувствовал в Мэрилин Монро дремлющее существо ужасающей мощи и помог ей раз и навсегда вылупиться из кокона, используя одно средство за другим в драматическом споре со временем, сознавая, что ему недолго осталось ходить по земле, чтобы насладиться своим произведением; и он без памяти влюбился в свое создание, в заикающуюся девочку, которая плакала в его объятиях, уверяя, что никто и никогда не был с ней так ласков, и в ее новый образ — воплощение всех любовных фантазий, сочащееся чувственной уверенностью.

Все заблуждались, потому что Мэрилин, хоть и была многим обязана Джонни Хайду[9], все же отказалась выйти за него замуж. К большой досаде его детей, карлик и в самом деле настолько влюбился, что предложил руку и сердце пышнотелой нимфе, которую хотел сделать перед смертью своей наследницей.

Миссис Мэрилин Хайд, сияющая вдова с миллионами в кармане, с усадьбами, слугами, титулами, советниками, адвокатами узнала бы совсем другую жизнь. Весьма примечательную. Заманчивый социальный реванш для сироты № 3463, которая могла бы подарить своей матери целый дом, даже замок, с белыми роялями во всех комнатах, выплачивать пожизненную ежемесячную ренту Грейс Годдард, осыпать подарками сестру Бернис Миракл, а также Нану Карджер, мать Фреда, или Наташу Лайтесс. Наверное, она в это не верила. Не хотела этого. Думала, что не в этом судьба Мэрилин Монро.

И тем не менее решение, наверное, далось ей нелегко. Хайд настаивал, он был при смерти. Мэрилин знала, что как только Джонни умрет, а их связь неофициальна, она вновь окажется в том же положении, что и прежде — будет перебиваться с хлеба на квас и позировать нагишом для календарей. И все же она отказалась выйти за него. Категорически. Она сама себя сделает. И выйдет замуж по любви, сказала она. К своему благодетелю она испытывает нежность, привязанность и бесконечную признательность. Но она не любит его. Благородная и похвальная щепетильность, делающая ей честь, но при этом удивительная, если знать, в каком тупике оказалась эта женщина, которая раньше не славилась такой сдержанностью и целомудрием. Самоубийственный или эгоистический поступок, глупый шаг или редкостное прозрение (возможно, и то, и другое вместе). Отказ Джонни Хайду вновь отбросил Мэрилин на обочину и в

одиночество, которые и составляли ее суть. Верила ли она еще в любовь — в великую любовь, несмотря на свое уже тяжелое прошлое и полную неудачу с Фредом Карджером? Почему бы нет? Остатки детских иллюзий, светящие, подобно ночнику, отгоняя страх? Зато у нее была твердая уверенность, что она не хочет и не будет больше финансово зависеть от мужчины или кого бы то ни было, и этого принципа она неизменно придерживалась до конца жизни. Уступать она будет в другом, психологически или физиологически. Но Мэрилин никогда не будет содержанкой. И никогда не будет больше девочкой, ищущей приемной семьи.

Для прослушивания у Джона Хьюстона Хайд посоветовал Мэрилин как следует проработать текст с Наташей и быть как можно привлекательнее, в соответствии с вожделенной ролью. Начинающую актрису била дрожь. Она репетировала с Лайтесс днем и ночью. Ставка была высока. Каждый фильм — еще один камешек на дороге, ведущей к славе. Изнервничавшись, неуверенная в себе, она явилась, жеманничая, перед мэтром, затянутая в очень откровенное платье, набив в лифчик носовых платков. Режиссер не вчера родился. Он тотчас подошел к ней и без лишних разговоров лично извлек лишние предметы. «А теперь перейдем к тексту, мисс», — предложил он.

Смутившись, Мэрилин спросила, можно ли ей прилечь и так прочитать свой монолог. В первый раз. Во второй. Срывающимся голоском. Она просит позволить ей начать сначала. Ей так хочется сделать все хорошо, показать, что она нечто большее, чем соблазнительная девушка, внешностью которой она пользуется, чтобы выделиться из толпы и придать себе храбрости. Хьюстон пожимает плечами. Если хотите. Его наметанный глаз профессионала оскорблен уловками, наигранностью и перебарщиванием молодой актрисы. Он видит сияние кожи, ауру, исходящую от тела, от лица, подавляющее воздействие на съемочную группу: как только Мэрилин вошла, техперсонал не мог из себя слова выдавить. Над площадкой нависла тяжелая тишина, нарушаемая только прерывающимся голоском актриски, которая, того и гляди, сейчас задохнется.

«Хорошо, — в конце концов прервал ее Хьюстон. — Достаточно. Роль и так уже ваша».

Фильм «Асфальтовые джунгли» кинокомпании «Метро Голдвин Майер» стал классикой детективного жанра. В этом мрачном и реалистическом кино, вышедшем на экраны в 1950 году, единственный лучик света — «племянница» Луиса Калхерна, появляющаяся на несколько минут, — Мэрилин Монро

в черном платье и с элегантной прической. Фильм имел большой успех, как в прессе, так и у публики. На каждом сеансе зрители аплодировали или шумно свистели златокудрой красотке с соблазнительными формами, имя которой позабыли вставить в титры. Компания «Метро Голдвин Майер» получила сотни писем с одним и тем же вопросом: кто эта блондинка, играющая с Калхерном? Джонни Хайд ликовал. Он был уверен, что Мэрилин входит в высший круг, где ей и место. Наконец-то ее оценят по достоинству. Но ничего не произошло, никто не отреагировал так, как он рассчитывал. Из блондинок у «Метро Голдвин Майер» уже была Лана Тёрнер, а у «XX век Фокс» — Бетти Грейбл. Мэрилин не отчаивалась. Она продолжала брать у Наташи уроки актерского мастерства и соглашалась на все подворачивавшиеся фотосессии. Когда ей по-настоящему дадут шанс? Она терпеливо ждет, соглашаясь играть множество мелких ролей, которые добывает ей добряк Джонни, одну за другой. Элегантная и пресыщенная дама в «Правом кресте», зрительница на гонках на роликах в «Огненном шаре», пышная и наивная секретарша в фильме «Из жизни родного города» — и все это только за полтора года.

Наконец дошла очередь до «Всё о Еве» Манкевича — великолепного фильма с потрясающим сценарием, получившего шесть «Оскаров». В день съемок Мэрилин парализовало от страха. Она явилась на площадку с опозданием на целый час и так путала реплики, что пришлось снять множество дублей, прежде чем хоть один вышел удачно. И все это ради нескольких минут. Ибо у Мэрилин, стоящей за спинами великих звезд из роскошного актерского состава — Клаудии Касвелл, начинающей актрисы, которая появляется под руку с Джорджем Сандерсом на роскошном приеме, устроенном Марго Чаннинг (Бетт Дэвис), — в очередной раз всего лишь маленькая роль. С обнаженными плечами, в длинном светлом платье без бретелек, с накидкой из белой норки, она играет восходящую звезду, в глазах которой светится восхищение великой заходящей звездой — Бетт Дэвис. Она воплощает собой смену, еще неловкую и напуганную, полную соблазна, которого сама как будто не сознает, который сильнее ее, в том мире, где, к ее великому удивлению, все — продюсеры, режиссеры, театральные и киноактеры — похожи на «несчастных кроликов». «Потому что они такие и есть», — отвечает ей циничный кинокритик, которого играет Сандерс. «Иди к ним, будь мила и сделай их счастливыми», — советует он, обнажая ее золотистые плечи. И Мэрилин выходит вперед, томная и роковая.

Занук, продюсировавший фильм, должен был признать очевидное. Как только «соломенная голова» появлялась на экране,

все остальные отступали на задний план, включая Бетт Дэвис и Энн Бакстер. Он не мог не знать о письмах, которые мешками приносили на «Фокс» с момента выхода «Всё о Еве», с требованием выслать фото Мэрилин Монро.

— Кто-то цифры подделывает?

— Нет, босс. Это действительно ежедневная почта, поступающая на имя мисс Монро.

— Ну хорошо, возьмите ее на работу, — смирился Занук.

— Мы ее уже брали, босс, и уволили, — возразил ему кто-то.

— Возьмите снова! — завопил босс. — И вставьте в первый же фильм, где будет нужна блондинка.

Мэрилин вернулась на «XX век Фокс», теперь уже на семь лет, получив лучшее жалованье (50 долларов в неделю с прибавкой каждые полгода) и Наташу Лайтесс в придачу — актриса без обсуждений включила ее в свой контракт. Это был последний подарок Джонни Хайда восходящей звезде по имени Мэрилин Монро.

Он умер 18 декабря 1950 года.

СЕМЬ ЛЕТ РАЗОЧАРОВАНИЯ *(начало)*

Априори Мэрилин Монро стоит на пороге славы.

Она обратила на себя внимание, и журналисты поджидают ее на повороте, желая знать, что будет дальше, пойдет ли это явление в рост или, наоборот, погрязнет в забвении. С каждым днем все более многочисленные поклонники коллекционируют ее фотографии. А главное, перемена отношения к ней на «XX век Фокс» отныне обеспечила приличный доход и наконец-то сулила настоящие роли, с ее именем над названием фильма, роли под стать ей самой, выходящие за рамки образа сексуальной ветреницы, который создал ей известность. За ней понемногу начинают признавать талант актрисы, думает она. Короче говоря, имя Мэрилин Монро начинают все чаще упоминать в определенных кругах. Она все чаще появляется на обложках иллюстрированных журналов. Ее везде приглашают. Она должна быть счастлива.

Но Джонни Хайд только что умер. Его семья категорически запретила вызывающей актрисуле присутствовать на похоронах. И все-таки в тот день некая молодая особа с выдающимися формами и светлыми прядями, спрятанными под черной мантильей, опирающаяся на руку женщины средних лет, странным образом похожей на Наташу Лайтесс, явилась на церемонию, стараясь не выделяться (но безуспешно). В отчаянии от утраты друга, который так в нее верил, драгоценной опоры, «отца», она с рыданиями бросилась на его гроб — впоследствии она сама рассказывала об этом, и этот эпизод приводится во всех биографиях. Можно себе представить, какой вышел скандал. И вот она снова одна, в очередной раз покинутая, со своими сомнениями и призраками, и многообещающее будущее не может удержать ее среди живых, помочь устоять перед зовом небытия, отчаянием, которое накатывает на нее волнами после периодов безумного возбуждения, напоминает, откуда она пришла, что выстрадала, и о белокурой ловушке, в которую она сама себя поймала и где может задохнуться со дня на день.

Утро 24 декабря 1950 года.

После непродолжительного периода ремиссии ее мать в итоге вернулась в сумасшедший дом. Отцу она вообще никогда не была нужна. Она одна, отчаянно одна. Посредственная актриса, погибшая девушка. Отражение в зеркале вызывает у нее отвращение. Как нужно было извратить себя, чтобы дойти до этого? Пришел почтальон, принес большую посылку, отправленную Джонни Хайдом перед смертью. Чувствительное

создание не ожидало получить подарок в такой день, да еще и с того света. Это норковая пелерина. Меха для принцессы, для его звезды. Маленькой принцессы, которую настигло небытие, и она проглотила все таблетки из аптечки, оставив на двери записку для Наташи. Первый ложный выход в направлении вечных кулис. На сей раз ее чудом спасло появление Наташи Лайтесс, она отделалась промыванием желудка и непродолжительным пребыванием в больнице. От пытки Рождеством спасаются, как могут. Значит, смерти придется подождать. Пока ей снова нужно надеть костюм блондинки и, сморгнув слезы, предстать перед камерой с лучезарной улыбкой. 1951 год должен стать решающим в профессиональном плане: либо Мэрилин Монро будет королевой, либо окончательно погрузится в небытие, откуда она пришла.

Уже в январе «XX век Фокс» дала своей новой блондинке небольшую роль в незначительной комедии, снятой Хармоном Джоунсом, — «Моложе себя и не почувствуешь»: роль Гарриет, сексуальной и наивной секретарши, которая виляет бедрами в платьях, не дающих воли воображению. Обвал писем, которые стали слать на студию после выхода фильма, в принципе, должен был убедить Занука, что Мэрилин Монро слишком красива и чувственна, чтобы играть вечных секретарш, что голос у нее особенный, прическа, откровенные изгибы, интонации, походка и выражение лица, которые теперь доведены до совершенства, начинают проникать в бессознательное зрителей. Ничего подобного. Занук так ничего и не предпринял, зациклившись на пошлой игре средненькой актрисы. «Секретарша», подвластная и услужливая, — мужская мечта наряду с медсестрой или стюардессой[10]. Дэррил Френсис Занук не видит, что у Мэрилин Монро другое место. Она мечта, и должна ею остаться.

На этом этапе следовало попытаться продемонстрировать то, что открыл Джонни Хайд и чего все еще не различал Занук, то самое, благодаря чему Мэрилин Монро выбьется из ряда смазливых голливудских актрис, выделится из толпы и станет величайшим секс-символом в мире. Почему она? Почему эта «деревянная», бесталанная девушка, «совершенно тусклая» (как сказал один из ее партнеров), неестественная и во многих смыслах жалкая? Как объяснить магнетизм, безумную силу влечения, зависимости, которую она порождает в других? Какой необходимости, реальной или вымышленной, она ответит? Ибо в начале 1951 года это творение уже приобрело почти законченный вид. Волосы обесцвечены до нужной степени, макияж полностью продуман, фигура идеально вылеплена, позы и производимый

эффект отлажены. Но достаточно ли этого, чтобы произвести фурор? Конечно нет. Что, Мэрилин сочнее, пышнее других актрис своего времени? Не совсем. Но с того самого дня, когда она совершила свое великое открытие в школе, она осознала власть тесной одежды, поняла, как извлечь выгоду из всех частей своего тела, как выглядеть завлекательной, красноречивой, провоцирующей. Уловки и нарочитость, подогревающие интерес прессы, гоняющейся за сенсациями. И в то же время ощутимая хрупкость, видимое отчаяние.

В самом деле, зритель ослеплен светлым, полным изгибов, сверкающим, свежим и чистым образом юной Мэрилин Монро на экране еще и потому, что смутно угадывает: между дублями техническим сотрудникам приходится выискивать ее по углам, куда она забивается, чтобы выплакаться и побыть собой — жалким покинутым существом, совершенно не верящим в себя, и даже присутствие Наташи Лайтесс не способно ее успокоить. Вот почему Мэрилин будет пробуждать в мужчинах и женщинах целую бурю различных чувств, от желания до сочувствия, но никогда — враждебность. Все очень быстро поняли, что роковая блондинка по имени Джойс, появляющаяся в другой комедии «XX век Фокс», снятой в апреле, — «Давай поженимся» — привлекательная манекенщица, которая хочет выйти замуж за миллионера (еще одна повторяющаяся тема), с сочными губами и теперь уже хорошо видной родинкой, равно как и пышная Роберта, в том же году нарушившая покой симпатичной нью-йоркской пары из «Любовного гнездышка», — всего лишь иллюзия, киношный спецэффект, который исчезает, стоит только выключить проектор. Это не очевидно, не выставлено напоказ, но скрыто присутствует уже в первых ролях Мэрилин. Если она роковая женщина, то никогда не женщина-вамп, самоуверенная, спесивая или неприступная, какой была Джин Харлоу. Простая и нежная, она хочет только быть любимой, всегда полна человечности, доброты, простодушия, даже когда появляется в купальнике на краю бассейна (в «Давай поженимся») со своими крутыми бедрами, чрезмерным макияжем и украшениями, с явным намерением любой ценой соблазнить богатого мужчину, о котором все только и говорят. Виден изъян. Можно разглядеть несчастную сироту, которую неотступно преследуют безумие и смерть, восстановленную справедливость, реванш за плохое начало жизни. Седьмая муза существует для того, чтобы порождать желание. И стремление его утолить. В Мэрилин нашла свое идеальное воплощение американская мечта. Лишь бы не разбить ее. СМИ и сама Мэрилин взялись ее оберегать.

Тем временем потенциальной звезде так же тесно в одежде, как и в амплуа, которыми ее по-прежнему снабжает «XX век Фокс». Если Мэрилин-Джойс, настоящая секс-бомба, не смогла взять верх над Клодетт Кольбер — все еще пикантной, но все-таки стареющей, то лишь по вине многочисленных слабых мест малоправдоподобного сценария и упорствовавшего в своем заблуждении Занука, который задвигал Мэрилин на второй план, тогда как все смотрели только на нее. В дурацких фильмах, выходивших один за другим, где слабость сценария компенсировали только сцены, где появляется Монро (такое впечатление, что их присочиняли нарочно, лишь бы показать блондинку, которая у всех на устах, в самых сумасшедших нарядах), запоминалась она одна. И не потому, что она красивая, сексуальная, манящая. Прежде всего потому, что она всегда одинока, без семьи и привязанностей, без прошлого, появляется ниоткуда посреди чужой истории, шурша своими нарядами, со своим тоненьким голоском, невинным видом, удивленным и доверчивым, своей потребностью в любви. Она всегда играет на двух досках. На экране и перед журналистами, которым она сразу рассказала про свое трудное и несчастное детство, детский дом, умерших родителей, что не было ни ложью, ни карьеристским расчетом. Просто одна из граней правды в мире химер, где она укрылась. И она все еще оплакивает Джонни Хайда. Мэрилин легко плачет, это ее манера отвечать на вопросы интервьюеров — жалобным взглядом больших печальных глаз, только что сверкавших лукавством и бесстыдством. И в довершение всего в ней начинает утверждаться нечто новое, и это уже фирменный знак актрисы: юмор, умение подать реплику, повернуть дело в свою пользу. Нерешительная, колеблющаяся, неуверенная Монро часто будет проявлять при журналистах острый и язвительный ум, ловко ломая свой имидж. Она уже начинает так себя вести, сознавая, что лучше казаться сильнее, чем ты есть. Неуловимая Мэрилин, которая продолжает позировать для глупейшей рекламы в шортах и на высоких каблуках, играть дежурную блондинку для любого спортивного или иного события и постоянно расхаживает с книгами Пруста и Фрейда под мышкой, утверждая, что записалась на вечерние курсы по литературе при Калифорнийском университете.

Мэрилин Монро волнует и возбуждает. Почти всех, и в те дни, когда снимают ее, на площадке каждый раз становится все больше технических сотрудников, так что очень скоро пришлось ввести пропускную систему. Вот почему она постепенно набирает вес, под носом у Занука.

Осенью 1951 года «XX век Фокс» повысила ей жалованье. С начинающей актрисой обходятся как со звездой, за исключением ролей. Пророчество Джонни Хайда постепенно сбывается. И все же у нее странный статус, небывалое положение женщины, которую объявили звездой, прежде чем назвать актрисой. На появившиеся у нее деньги Мэрилин окружает себя обществом. Она нанимает финансовую советницу (женщину на все руки, которой поручено, помимо прочего, заботиться о ее матери и перевести ее в лечебницу получше) и пользуется услугами Наташи Лайтесс на постоянной основе, что обходится весьма дорого. Отныне у нее есть деньги. Она может все себе позволить, все купить. Осуществить некоторые детские мечты. Поэтому она нанимает детектива, чтобы найти своего предполагаемого отца, с фотографией которого она не расстается. Детектив добросовестно выполнил свою работу и предоставил Мэрилин его телефон и адрес. Наташа настояла, чтобы Мэрилин все же позвонила Стэну Гиффорду, прежде чем явиться к нему как снег на голову, согласно ее первому плану. Его новая жена передала ей его слова: Гиффорд отказывается с ней разговаривать. Если у нее какие-то претензии, пусть обратится к его адвокату в Лос-Анджелесе.

Девочка разразилась слезами. «Каждой малышке нужен папа-папа». Неужели на всей Земле не найдется Папочки, которому была бы нужна она?

ВСЕ ОНИ БЫЛИ ЕЙ ОТЦАМИ *(первая интермедия)*

Артуру Миллеру тридцать шесть лет: высокий лоб, черные курчавые, но прилизанные волосы на затылке лысеющего черепа, толстые круглые очки, сигарета или трубка, нервно закушенная в углу рта. Он высокий и сухой, почти тощий, с маленькой головой на длинном теле. Лицо изможденное, величественно строгое, черные глаза, волевой подбородок, слегка оттопыренные уши. Темные костюмы и галстуки, никакой фантазии. Суровая внешность, карикатура на интеллигента, «косящего» под Авраама Линкольна. Артур Миллер — второй отпрыск состоятельной еврейской семьи из Нью-Йорка (его отец был владельцем завода, где трудились восемьсот человек). Его разбитое детство прошло в обстановке великолепных апартаментов, выходивших на Центральный парк. Детство кончилось в 1929 году финансовым крахом и отчаянием родителей. С этого краха началось его участие в политике. Артур Миллер женился на девушке-католичке, Мэри, разделявшей его левые убеждения, с которой он познакомился в университете в 1936 году. У них двое детей, оба неверующие. Три его последние пьесы — «Все мои сыновья» 1947 года, «Смерть коммивояжера» 1949-го и «Враг народа» (по драме Ибсена), написанная в сентябре 1950 года, принесли Артуру Миллеру славу величайшего американского драматурга своего времени. Он приобрел уверенность в себе и даже стал выказывать определенное высокомерие. Заподозренный в коммунизме, он был взят на заметку Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

В начале 1951 года он в Лос-Анджелесе, работает над сценарием. Его (тогда еще) друг Элиа Казан, блестяще поставивший «Смерть коммивояжера» в театре и только что с потрясающим успехом экранизировавший «Трамвай „Желание“», убежден, что Миллеру тесно в семье, что его душат общепринятая мораль, порядочность и представления о чести, а на самом деле все нутро его пылает и ему надо слегка испачкать свои «белые одежды». Казан мечтает сделать Миллера своим товарищем по разврату (хоть он и женат, но не так щепетилен, как Миллер) и сводит его с киношным миром, таскает на горячие вечеринки на виллах в Беверли-Хиллз, по киностудиям, по закулисью, на площадки, в гримерки.

Вот там-то, между двумя ударами хлопушки он впервые повстречал «самое печальное существо, какое он только

видел», — крашеную блондинку двадцати четырех с половиной лет, под густым слоем пудры, актрису второго плана, зажатую в ролях дурочки, вокруг которой все увиваются в вульгарном возбуждении, а Казан открыто домогается ее с самой смерти Джонни Хайда. Цыпочка. Красотка и серый кардинал. В принципе, два противоположных мира, которые никогда не должны были встретиться, настолько один недоступен другому. А следовательно, один для другого — чистой воды фантазия. Мэрилин мечтает общаться с интеллигенцией, ищет уважения и почтения, которых ей не добиться в Голливуде, где, как она прекрасно знает, ее принимают за дурочку или шлюху. Мэрилин Монро стремится к признанию не только своего тела, она жаждет учиться, стать образованной, начитанной, заполнить пробелы своего приблизительного образования. Получить законный статус. Что до Миллера, он просто-напросто оказался перед самой красивой женщиной, какую не смел себе представить даже в самом разнузданном бреду. Слишком красивая, чересчур красивая для него. Сексуальная блондинка очарована мужчиной в черном, его блестящим умом, респектабельностью, возрастом. Она заикается и умоляет взглядом. Драматург видит ее вибрирующее тело и одновременно ее покрасневшие, опухшие глаза с синяками от бессонницы. Он слышит призыв о помощи. Резко ощущает это несоответствие: душа потерявшегося ребенка в теле богини. Он уже испытывает желание и чувство вины. Смотрит, как Казан кладет свои толстые руки на белую кожу воздушной нимфы. И яростно бичует себя, чтобы наказать за нечистые мысли.

Во время большого приема в свою честь у одного продюсера Артур Миллер танцует с искушением и с согласия Казана, который готов поделиться. Покоренный, ослепленный, сведенный к примитивному состоянию единственного побуждения, интеллигент поддается манящей плоти. Очевидцы рассказывали, что Миллер с пылающими щеками ласкал ступню Мэрилин[11]. Одни считали, что они стали любовниками уже тогда и соединялись во время каждого пребывания Мэрилин в Нью-Йорке. Это маловероятно. Зато совершенно точно, что они оба испытали взаимное смущение и между ними возникла незримая связь, желание, подпитываемое разлукой и запретом. Разрываясь между долгом и желанием, попавшись в свою очередь в сети дилеммы, старой, как само человечество, Миллер откладывает свое возвращение на ферму в Коннектикуте, где его ждут Мэри и дети. Казан, Мэрилин и он образуют странное трио: первые два любовники, третий держит им свечку, говорит о литературе с ним и безумно хочет ее. Актриса отдается режиссеру в надежде

получить роль (чего так и не случится). Это все неважно: с тех пор как мистер Киммел нарушил границу ее тела, оно принадлежит всем. При этом она молит взглядом драматурга, сознавая, что он сходит по ней с ума, но он решается бежать, и как можно быстрее. На карту поставлены его брак и душевное здоровье.

Казану приходит в голову опасная мысль привезти в аэропорт попрощаться обворожительную Мэрилин «в бежевой юбке, в белой атласной блузке, с пробором справа» — последний образ, который нетвердо стоящий на ногах Миллер увозит с собой. Обменявшись с грешницей адресами, он уезжает на Восточное побережье к жене, потомству и пишущей машинке, пообещав актрисе черкнуть пару строк.

Мэрилин Монро возвращается к своей белокурой лжи, откровенным декольте и все более смелым платьям. Где-то в ее голове засела совершенно нелепая мысль: выйти когда-нибудь замуж за Артура Миллера. Она поставила его фотографию на ночной столик. А пока она спит с Элиа Казаном.

СЕМЬ ЛЕТ РАЗОЧАРОВАНИЯ *(продолжение)*

В конце 1951 года не проходит и недели, чтобы Мэрилин Монро не появилась на обложке какого-нибудь журнала, она любимая «девушка с обложки» военных и адресованной им газеты «Старз энд страйпс» («Звезды и полосы»). «XX век Фокс» «одолжила» ее «РКО Пикчерз» для съемок в фильме «Стычка в ночи» режиссера Фрица Лэнга, с Барбарой Стэнвик. Она любовница одного из величайших американских режиссеров и переписывается с выдающимся драматургом. Она получает по три тысячи писем в неделю от поклонников. Она, Мэрилин Монро, бывшая Норма Джин Мортенсен, которую отовсюду гнали, без образования, без семьи, задушенная, покинутая, поруганная.

Но этого мало. Слишком многое нужно стереть, за многое отомстить. Ей двадцать пять лет — предельный возраст в Голливуде. Нельзя терять времени. В ней по-прежнему живут хроническая неудовлетворенность, бесцельный поиск, комплекс неполноценности, которые мешают ей, как ей кажется, идти вперед. Отныне Мэрилин берет уроки актерского мастерства у другого преподавателя и досконально прорабатывает свои роли с Наташей Лайтесс. На площадке ей плохо от страха, от стыда плохо сыграть и ее рвет перед каждым дублем. Ей нужна Наташа, кто бы что ни говорил, даже Фриц Лэнг, воспротивившийся присутствию нежелательной дамы в черном. Но маленькую актрису пугает импозантный режиссер. Она забывает свои реплики, ее бросает в жар, у нее кружится голова. Проявив упорство, она таки добилась, чтобы Наташа неотступно была при ней, даже держала ее за руку во время съемок крупным планом. Вся съемочная группа поддерживает ее и смотрит только на нее.

— Черт побери, эта белобрысая шлюшка здесь не одна! — в сердцах воскликнул Пол Дуглас, партнер Барбары Стэнвик и исполнитель главной роли.

— Что ты хочешь, Пол, она молода и гораздо красивее нас, — вздохнула та.

Продолжать притворяться, будто ты счастлива, весела, жива. Мэрилин сияет перед камерами и разражается слезами позади них. Она хочет, чтобы ее любили ради нее самой, а не ради белокурой бестии, которая постепенно ее поглощает. Но в том-то и трагедия: она сама ее подкармливает и пользуется ею, когда нужно!

В конце года, когда Казан, устав от нее, порвал с ней и взял себе другую, Мэрилин решила сделать ход конем: в вечер

официального ужина, устроенного «XX век Фокс», на который собрались все величайшие звезды (от Грегори Пека до Лорин Бэколл), не говоря уже о руководстве, рекламных агентах и сотнях киношников, она явилась на час позже всех, когда все уже сидели за столом и начали есть. Оглушительный шум в комнате вдруг сменился красноречивой тишиной. Потрясающая фигура сияющей блондинки, ангелоподобной в черном платье без рукавов, с прозрачной и роскошной кожей появилась в дверном проеме. Она не спешила, просчитала эффект, придала себе уверенную улыбку. Целый день до этого она набиралась храбрости. Затолкала поглубже ненависть к себе самой, наглоталась антидепрессантов, выпила чуть-чуть шампанского. Перемерила тысячу платьев, казалась самой себе некрасивой и толстой, вульгарной, простоватой. Несколько часов красилась, причесывалась, маскировалась. Вживалась в образ.

И когда почувствовала, что готова, вышла на сцену.

Присутствующие женщины были сражены. В голове у агентов уже теснились цифры. Мужчины изнемогали. Президент «XX век Фокс» приказал усадить эту молодую особу рядом с собой, за стол почетных гостей. На следующий день Занук получил приказ платить мисс Монро жалованье кинозвезды и делать ставку на нее для рекламных кампаний (фотографии, пресса, раскрутка всякого рода). Но Мэрилин, без сомнения, лучше любого другого умела организовать шумиху в прессе. Она теперь знала, как это делается. Давно миновали те дни, когда она была всего лишь рабочей девушкой в комбинезоне, с завитыми волосами и простодушной улыбкой, которая упаковывала парашюты и начинала заикаться, едва раскрыв рот. Теперь она цепляется за любой случай, чтобы выделиться, заставить говорить о себе. Приковать к себе взгляды? Манипулировать журналистами, обводить их вокруг пальца? Легко. Она мастерски взялась за дело, не стесняясь теперь выходить за всякие рамки. На церемонию вручения премии Генриетты в начале 1952 года Мэрилин явилась в таком узком и декольтированном платье без бретелек, что ее грудь была видна наполовину. Впервые в жизни ее упрекнули в том, что она зашла слишком далеко. Пресса (то есть более четырехсот газет) раскритиковала непристойность ее наряда, при этом не скупясь на фотографии «с места преступления», а осторожная «Фокс» вырезала их, чтобы избежать проблем с полицией нравов. Мэрилин разыграла простушку, удивлялась засилью лицемерия и своим тоненьким голоском задала вопрос: «Вместо того чтобы гадать, имеет ли женщина право показывать, откуда у нее груди растут, может быть, лучше порадоваться, что у нее вообще есть грудь. Разве не так?»

Она решительно настроена воспользоваться поднятой шумихой и довести свой план до конца. Выходки Мэрилин Монро ее не касаются, думала она. Это ее персонаж, ее «Чарли». Ее двойник. Вернувшись домой, она вешает ее на вешалку. Вот только, в отличие от Чаплина, знает об этом лишь она сама. Мало кто проводит различие между женщиной в гриме и той, другой. Другая как раз прекрасно сознает, что понемногу приобретает известность благодаря белокурой кукле, а не своим актерским качествам. Это недоразумение повергает ее в глубочайшую депрессию. Но 1952 год еще только-только начинается, она еще не потеряла надежду однажды избавиться от этой обузы. И встретить мужчину, который будет любить ее дольше, чем одну ночь, захочет жениться на ней и иметь с ней детей. Однажды, очень скоро. Артур Миллер? Выйти за него — это был бы невероятный реванш, она утерла бы нос всем, кто принимает ее за дурочку. Однажды, может быть…

Поймав попутный ветер, Мэрилин Монро снялась в новой комедии «XX век Фокс» «Мы не женаты» — подборке коротких историй о реакции разных супружеских пар на известие о том, что они сочетались браком незаконно. Блондинка играет Аннабел, молодую королеву красоты, «мисс Миссисипи», которая стремится стать «самой знаменитой женщиной в Соединенных Штатах» и дефилирует по подиумам в купальнике, в то время как ее супруг сидит дома и занимается их малышом. Для актрисы, «девушки с обложки» с крутыми бедрами, чьи груди увеличиваются на глазах от фильма к фильму, в этой картине со слабым сценарием, не отличающимся оригинальностью, где она играет наивную и сексуальную девушку, нет ничего нового. И все же руководство «Фокс», отсмотревшее смонтированные материалы «Стычки в ночи», уверено в том, что Мэрилин прогрессирует. Было решено отдать ей роль психованной няни-детоубийцы в драме Роя Бейкера «Можно входить без стука». Наконец-то первая роль, и совершенно в другом амплуа. Странный выбор. Мэрилин в восторге, она получила шанс проявить себя и тотчас принялась за работу с Наташей (та ведет себя более сдержанно, она не уверена, что Мэрилин готова к такой непростой задаче). Вот во время трудных съемок этого фильма, когда Монро действительно стояла на пороге абсолютной славы, и разразился знаменитый скандал с календарем.

Она о нем почти забыла. Ведь уже пять лет прошло. С тех пор много воды утекло. Но прошлое никогда не отпускает ее, с этим ничего не поделать. Всегда кто-нибудь да копается в ее жизни.

Срока давности для нее не существует.

Бомба. Животрепещущая новость разом заслоняет собой всё остальное и повергает в шок всю страну: та, кого журнал «Лайф» только что назвал «любимицей Голливуда», сиротка из Ван-Нейса позировала для календаря в чем мать родила!

Мэрилин оставили силы. Какое несчастье, какое невезение! В тот самый момент, когда ей доверили «серьезную» роль, — такой удар, полная дискредитация. Ошарашенное руководство киностудии тщетно пытается замять дело, потом просит актрису выступить с опровержением. Она не соглашается. Это она. Великолепная блондинка с золотистой кожей и рдяными сосками, свернувшаяся обнаженной на бархате, — это она. Еще немного, и она станет опровергать обратное. Несмотря на дружеское давление со стороны «XX век Фокс», Мэрилин на свой страх и риск предпочла сказать правду, дрожа перед журналистами: она сидела без гроша, не знала, как расплатиться за квартиру и выкупить машину со штрафстоянки. Ей предложили 500 долларов, у нее не было выбора. 13 марта 1952 пресса напечатала трогательные признания «сиротки», и в то время как «XX век Фокс» считала, что ее карьере пришел конец, получилось все наоборот. Публика потрясена. Эмоции одержали верх над нравственным осуждением. Бедной девочке и правда туго пришлось, жизнь была с ней неласкова. Кстати, в фотографиях — очень красивых, нежных — нет ничего непристойного (теперь их будут с руками отрывать за бешеные деньги). Искренность сработала. Вместо того чтобы быть погребенной под пуританским лицемерием, Мэрилин Монро завоевала людские сердца. И место в центре афиши.

Когда вышла «Стычка в ночи», ее имя стояло рядом с именем Барбары Стэнвик и было напечатано буквами такого же размера. Доставшаяся ей роль была тяжелой, с двойным дном и, как предчувствовала Наташа Лайтесс, Мэрилин в ней не по себе. Однако фильм сделал большую кассу. Потому что это она. Зрители в восторге от блондинки с гитарообразным силуэтом и испуганным голоском. Руководители киностудий это понимают и потирают руки, отныне они будут пользоваться ею как рекламной приманкой. Дайте какую угодно роль мисс Монро, пусть даже из пары реплик, раз ее имя и маятниковая походка обеспечат успех любой халтуре. Отныне Мэрилин Монро уже не может появиться на улице, в ресторане, да где угодно, чтобы ее не узнали и не начали преследовать.

МЕДВЕДЬ И КУКЛА
(вторая интермедия)

Джозеф Пол Ди Маджио — высокий, квадратный, загорелый, с прилизанными черными волосами. Настоящий шкаф. Просто гора. Черные сухие глазки, хищная улыбка в тридцать два зуба, суровое лицо закоснелого мачо. Джо Ди Маджио явно не светится умом, тем более нежностью. Он в большей степени воплощает собой мощь и непримиримость. С тех пор как он в прошлом году ушел на пенсию из клуба «Янки» после девятнадцати лет честной и беспорочной службы, он сменил бейсбольную форму на более элегантные костюмы — последний писк моды, блестящие туфли и шелковые галстуки. Его атлетичная фигура отныне так же импозантно смотрится в смокинге в принадлежащих ему ресторанах, где едят спагетти и всю ночь говорят о спорте, как раньше на стадионе. Джо Ди Маджио родился 24 ноября 1914 года в Мартинесе, близ залива Сан-Франциско, и там же вырос. Сын итальянских эмигрантов, он с восемнадцати лет начал играть в бейсбол в местной команде. Его исключительный талант заметили сразу, с ним заключила контракт знаменитая команда «Нью-йоркские янки», и он до 1951 года был ее легендарным и несравненным лидером, побившим все рекорды, обладавшим всеми возможными титулами. Уже став суперзвездой, в 1943 году он записался в добровольцы и сменил свою колоссальную зарплату на скромное жалованье в 50 долларов в месяц. Не позабыв о своих корнях и о том времени, когда он был всего-навсего бедным пареньком из семьи эмигрантов из Сан-Франциско, Ди Маджио основал фонд, который помогал неимущим детям, обеспечивая их бесплатной медицинской помощью. В тридцать восемь лет Джо Ди Маджио — национальный герой. Он тоже символ успеха, воплощение пресловутой американской мечты, им восхищаются миллионы людей. Разведен, имеет сына. Великий спортсмен чувствует себя свободнее за длинным столом с мужчинами, чем рядом с хорошенькими девушками, с которыми он не связывается надолго. Неразговорчивый, грубоватый, он, во всяком случае, имеет вполне определенное мнение о том, где место женщины — в постели, на кухне, дома. С тех пор как он развелся с женой, его чаще видят с друзьями-итальянцами, среди которых Фрэнк Синатра, чем в женском обществе. Он любит выпить, поесть и посмотреть телевизор (в особенности спортивные матчи).

Некоторое время назад внимание Джо Ди Маджио ненадолго

привлекла малоспортивная фотография, помещенная в журнале о бейсболе. На ней один очень известный игрок обнимал очаровательную юную особу в черных туфлях на высоких каблуках, в белых мини-шортах, очень облегающей бежевой водолазке и темной бейсболке, а спортсмен якобы показывал ей, как держать биту. «Подающий Джо Добсон из „Чикаго Уайт Соке“ следит за формой актрисы Мэрилин Монро, а игрок Гас Зерниал ловит мяч. Мэрилин, страстно увлекающаяся бейсболом, выучилась нескольким приемам у профессионалов, побывав на тренировке чикагской команды» — значилось под фотографией. Джо Ди Маджио пожал плечами перед таким нагромождением глупостей, но подумал, что не возражал бы оказаться на месте Джо Добсона. И прежде чем забыть об этом, все же спросил у одного друга: «А что это за блондинка?»

Весной 1952 года Джо Ди Маджио уже не мог не знать, кто такая Мэрилин Монро. Зато она, хотя уже и слышала о Ди Маджио и знает, что он очень знаменит, не слишком четко представляет себе, чем он занимается. Разумеется, она совершенно ничего не смыслит в бейсболе, и вообще ей на него плевать.

Но другие решили, что у этих двоих есть что сказать друг другу, вернее, есть что сделать вдвоем. Один общий друг «любимицы Голливуда» и самого знаменитого пенсионера Соединенных Штатов устроил их встречу в ресторане на бульваре Сансет.

Мэрилин (впоследствии она часто об этом рассказывала) не слишком улыбалась мысль об ужине в обществе грубого спортсмена (как ей его описали), которого она представляла себе болтуном и зазнайкой, одетым, как на турнир. Она не понимала, зачем ей это нужно. Еще один любовник? В этом нет нужды: когда она боится спать одна, одолеваемая ночными страхами, ее старый друг Роберт Слетцер всегда рядом. Она делит свои ночи и с молодым греческим актером, с которым познакомилась на «XX век Фокс». Что же касается будущего, у нее припрятана мысль о некоем Артуре Миллере. Так что она вполне бы обошлась без этого вечера с итальянцем и до последней минуты пыталась от него отказаться под предлогом большой усталости. Но тот настаивал. Ди Маджио скоро уедет обратно на Восточное побережье (и этот тоже), он всего лишь проездом в Лос-Анджелесе. Сейчас или никогда. Мэрилин уступила и явилась в ресторан «Вилла Нова» с опозданием, нога за ногу. Сияющая красотой, словно в ауре света. За столом ее ждал первый сюрприз:

Джо Ди Маджио совсем не соответствовал ее представлениям. На нем был простой костюм, ел он мало и не сводил с нее глаз. В нем была болезненная застенчивость, так хорошо ей знакомая, но она не знала, приписать ли ее его собственной природе или смущению, в которое она его привела. Он почти не раскрыл рта за весь вечер и вел себя с Мэрилин с обезоруживающей учтивостью. Второе потрясение: она почувствовала, что ее неудержимо влечет к нему. В первый раз она физически сильно желала мужское тело.

В ту ночь Джо Ди Маджио не вернулся в свой отель. Он даже отложил свой отъезд в Нью-Йорк. Мэрилин Монро начала звать его «папа» и приютила в своей квартирке на углу Догени-драйв и Синтия-стрит, где прямо на полу, на какое-то время, разложила свои извечные коробки для переезда.

СЕМЬ ЛЕТ РАЗОЧАРОВАНИЯ *(продолжение далее)*

Надо ковать железо, пока горячо, и «XX век Фокс» без промедления дает Мэрилин роль проститутки еще в одном второсортном фильме — «Вождь краснокожих и другие…» по рассказам О'Генри: простая приманка для зрителя, поскольку на самом деле она появляется на экране только на несколько минут, утянутая в чересчур узкое платье, с огромными грудями. Затем сразу же последовали «Обезьяньи шалости», где она опять, как всегда, изображает секретаршу, у которой все при ней, невинную, как агнец, смесь свежести и сладострастия, с колышущейся грудью, в облегающем платье, а затем, по необоснованному и ничем не оправданному повороту сценария, вдруг появляется в купальнике на краю бассейна. Но на сей раз фильм не полная ерунда. Вот только роль, отведенная Мэрилин, как обычно, невыигрышная. Главных героев играют звезды того времени — Кэри Грант и Джинджер Роджерс, режиссер — Говард Хоукс. Великий мастер комедии, верно, одним из первых разглядел в пышнотелой актрисе, которой никак не выбиться из амплуа красивой дурочки, бурлескный потенциал. Мэрилин Монро не просто сексуальна, она может быть еще и смешной. Она даже наделена потрясающим чувством юмора, заразительным насмешничаньем, и этот дар может раскрыться на экране. Не разрабатывать эту золотую жилу — значит все пустить коту под хвост. В «Обезьяньих шалостях» ее прирожденный комический дар гораздо тоньше, чем у Кэри Гранта или Джинджер Роджерс — утех он ограничивается натужной мимикой и всякого рода паясничаньем. Вот только Мэрилин иначе подходит к делу и горит желанием сыграть великую трагическую героиню. Ей кажется, что драма или трагедия — единственная область, где актер может проявить свой талант и добиться признания коллег. Возможно, это твердит ей (и совершенно зря) Наташа Лайтесс. Поэтому она вдвойне счастлива, узнав, что ее выбрали на главную роль в новом фильме Генри Хэтэуэя «Ниагара», где она должна будет сыграть аморальную, неверную, роковую и преступную жену Джозефа Коттена. Съемки должны начаться летом в Баффало.

А пока, в то время как она виляет бедрами в образе Лоис, аппетитной секретарши начальника Кэри Гранта, Мэрилин снова осаждают тени и ложь из прошлого. Один из многочисленных скелетов, запрятанных в ее шкафах. В прессу просочилось

сообщение: «сиротка» из кино на самом деле дочь бывшего монтажера с «РКО Пикчерз», ее мать вовсе не умерла и даже живет в Голливуде. Новая бомба. Новая тревога на «ХХ век Фокс», опасающейся, что карьера ее курицы, несущей золотые яйца, лопнет как мыльный пузырь. И новый пируэт Мэрилин перед журналистами, которым она открывает всю правду — *свою* правду, своим спотыкающимся, заикающимся голоском: ее мать действительно жива, но в психушке, все ее предки были один сумасшедшее другого, она не покинула Глэдис и всегда помогала ей, как только могла.

И в очередной раз чаша весов склонилась в ее пользу, публика умилилась, все ей сочувствуют. Тем более что — неожиданная удача! — всего через несколько дней после того, как она заявила о существовании своей матери, Мэрилин сразил острый приступ аппендицита (случайность?), широко освещавшийся в прессе, и она была вынуждена прервать съемки в «Обезьяньих шалостях». Ее срочно прооперировали, она получала тысячи писем с пожеланиями скорейшего выздоровления[12]. Выписываясь из больницы, она знала, что ее ожидают десятки фотографов. Малейший ее шаг отныне сразу попадал на страницы газет. Следы усталости или признак слабости сразу оказывались у всех на виду. Мэрилин была обязана постоянно выглядеть как само совершенство. Она это понимала и проявляла бдительность, зная, какой должна произвести эффект. Лежа в больнице, она вызвала к себе своего титулованного гримера Аллана Уайти Снайдера, с которым познакомилась на «ХХ век Фокс» еще в 1946 году, чтобы тот вернул ей внешность неотразимой роковой блондинки, которая была ей защитой и которой требовала публика.

— Уайти, обещай мне одну вещь, — сказала она после долгого сеанса преображения, снова превратившего ее в Монро.

— Всё, что захочешь, дорогая.

— Пообещай, что, когда я умру, ты загримируешь меня в последний раз.

— Слушай, ну зачем ты об этом…

— Обещай, — настаивал ее голосок.

Уайти Снайдер пообещал, и Мэрилин вскоре подарила ему держатель для денег от «Тиффани» с таким посвящением: «Пока я еще теплая».

Навязчивая идея у молодой женщины во цвете лет, на заре невероятного успеха? Наверное, не это удивило ее гримера, который лучше, чем кто-либо другой, знал обратную сторону медали, печаль и потерянность, спрятанные под гримом, неверие в себя, презрение к себе, серьезность под накладными ресницами

и помадой. Зато он, возможно, был больше удивлен самой просьбой (хотя, возможно, это была всего лишь очередная мрачная мизансцена?), этим последним плутовством (поскольку о кокетстве речь не идет), последней ложью: предстать на смертном одре в сценическом образе. Как будто эту ту, *другую* должны похоронить, это она исчезнет навсегда. На мгновение Уайти Снайдер подумал, уж не является ли мрачное обещание, вырванное у него Мэрилин, просто выражением непосредственного желания.

Несколько минут спустя цветущая мисс Монро позировала для фотографов, скучившихся у дверей больницы, рассыпая воздушные поцелуи, подмигивания, улыбки — широкие, как ее скрытая тоска, шутки, создавая у каждого из них впечатление, что он сможет обладать ею, когда пожелает. Потом на несколько дней заперлась у себя дома, чтобы прийти в себя, а на каждом углу дежурили репортеры, зорким взглядом примечая появление различных посетителей, сменявших друг друга у ее постели.

Среди них — вот так сюрприз! Просто подарок судьбы! — оказался Джо Ди Маджио. Легендарный капитан «Янки» влюбился в любимицу Голливуда. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Походило на рекламный трюк. Впрочем, когда прошел такой слушок, руководство «Фокс» без предупреждения повысило жалованье Мэрилин, которое достигло 750 долларов в неделю и все же оставалось гораздо ниже вознаграждения других звезд: либо киностудия по-прежнему не считала Монро звездой, либо эксплуатировала ее напропалую, либо и то и другое вместе. Слух опровергли оба заинтересованные лица, поэтому он упрочился, вызвав столпотворение у дома Мэрилин и гнев Ди Маджио, которому не улыбалось вновь очутиться под вспышками фотокамер, но на сей раз в роли воздыхателя со следами губной помады на воротнике рубашки и букетом цветов в руках. Тем более что он не один: Мэрилин так же часто встречается со своим давним любовником Бобом Слетцером.

Находясь в центре всеобщего внимания, Мэрилин вернулась на киностудию, чтобы завершить съемки в «Обезьяньих шалостях». Затем ей надо было подготовиться с Наташей к роли Роуз Лумис в «Ниагаре». Наташе Лайтесс не нравился Джо Ди Маджио. Она считала его (вполне справедливо) буйным, грубым, ограниченным, ревнивым. Медведь неотесанный, за всю свою жизнь не раскрывший ни одной книги и интересующийся только спортом. Она не понимала, что за радость нежной Мэрилин с ним якшаться, каким образом она надеется расцвести в его обществе. А Мэрилин как будто это знала. Это чисто физическое. С Джо она

по-настоящему открыла для себя сексуальную жизнь. А еще господство и покорность. Впервые она сама должна склониться перед кем-то, кто не вполне покорен и уничтожен чудом — тем, что держит в своих объятиях *мечту*. Кем-то скромного происхождения, как и она, без серьезного образования, как и она, кто выстрадал свое место в обществе. Как и она. Когда Джо Ди Маджио ложится на нее, он обращается с ней как с женщиной, а не как с мечтой. Слегка презрительно и грубовато. Наташа не может этого понять.

— Но я-то люблю тебя по-настоящему, Мэрилин, — говорит она, — я люблю тебя.

— Я не прошу тебя меня любить. Просто поправляй меня, — ответила та.

«За это я тебе и плачу», — могла бы она добавить.

Ее настигла звездная болезнь. 1 июня 1952 года, когда ей исполнилось двадцать шесть лет, Мэрилин узнала, что ее назначили на главную роль в пару с Джейн Рассел в новой музыкальной комедии Говарда Хоукса «Джентльмены предпочитают блондинок». На сей раз ее карьера действительно пошла в гору. Она кассовая суперзвезда.

Ей оставалось жить десять лет.

МУЖ ЗА МУЖЕМ *(третья интермедия)*

Пока у Мэрилин Монро был медийно-страстный роман с Джо Ди Маджио, один человек утверждал, что женился на ней, по крайней мере на 48 часов, с 4 по 6 октября 1952 года. Как известно, Боб Слетцер познакомился с Мэрилин шестью годами раньше, когда она бегала по агентствам, стремясь попасть на кастинги, с портфолио в руках, заикаясь, со свежеобесцвеченными волосами, и звалась еще Нормой Джин. Это было в 1946 году. Им обоим было по двадцать лет. Он, начинающий журналист, надеялся получить интервью у Джин Тирни. Вместо нее ему подвернулась робкая блондинка. Она споткнулась, и все фотографии, которые она прижимала к груди, рассыпались, вынудив молодого человека помочь их собрать. Сотни Норм Джин во всевозможных костюмах и позах рассыпались по полу. В бикини, в подвенечном платье, на лыжах. Забавное начало. Девушка устремила умоляющий взгляд своих больших синих глаз на доброго мальчика, который собирал ее фото одно за другим, словно цветы. И одарила его улыбкой благодарности. Он и думать забыл о Джин Тирни.

Боб Слетцер обнаружил, что предпочитает блондинок.

Везунчик. Чернявый, пухлый, среднего роста, с зачесанными назад и напомаженными волосами. Лицо крупное, красноватое, нос слегка толстоват, черные глазки стиснуты толстыми щеками. Не красавец. И когда восхитительная начинающая актриса, такая красивая, что и в мечтах не привидится, раскрыла ему свои объятия, друг Боб не заставил себя упрашивать и вдоволь насладился белой и пухлой плотью нежданного сокровища. Девушка рассказала ему о своих амбициях, планах, желаниях. Ему пришлись по душе ее отчаяние изгнанницы, ее непримиримая решимость, не допускающая никаких препятствий. Он делил с ней ее бедность, несколько месяцев — квартиру, а еще мечты, видел, как она исподволь превращается в секс-символ, понемногу обретая нужную степень белизны, верную походку, прерывающийся детский голос. Боб Слетцер выслушал страшную историю Нормы Джин в ее версии, а потом она на его глазах примерила на себя великоватый пока еще для нее костюм Мэрилин Монро. Он видел, как она бледнеет, розовеет, растет. Становится неузнаваемой. Она принадлежит всему миру, он это знает. Но он — ее друг, навсегда. Ему еще удается увидеть ее настоящей. Она рассказывает ему обо всем — о своих любовниках, фильмах, разочарованиях, иллюзиях. Они вместе

выпивают. Когда дела не ладятся, она зовет на помощь Боба — среди ночи, в любое время. Разумеется, они спят друг с другом. Потому что нормальный мужчина, оказавшийся в одной комнате, на одной кровати, пьющим шампанское с Мэрилин Монро (да еще и обнаженной), пусть даже и ненакрашенной, пусть даже пьяной, пусть даже в девять часов утра, переспит с ней. Чтобы раздавить ее отчаяние всем своим весом. Чтобы ответить на ее призыв о помощи.

Боб Слетцер ждет, всегда готовый откликнуться, сделать что-то полезное. О связи с Ди Маджио он узнал первым. Едва оставшись одна, актриса хватается за телефон и рассказывает всё и всем. Но главные откровения достаются ему, потому что, с одной стороны, Мэрилин от него ничего не скрывает, а с другой — потому что эти откровения делаются на одной подушке. Например, он знает, что Мэрилин нашла в Ди Маджио повелителя своего тела, что он вовсе не поклоняется ей, даже проявляет к ней презрение и подвергает опасности — в достаточной мере, чтобы ее оттолкнуть. Он также знает, что Ди Маджио закатывает ей безумные сцены ревности, не вынося, чтобы другой мужчина даже смотрел на нее. Это наверняка создаст проблемы, и очень скоро. Вот почему Боб Слетцер в глубине души и на секунду не мог себе представить, что роман Монро и Ди Маджио так затянется. Слишком много противоречий, нарциссизма. Он боится, что на его подругу посыплются удары — в прямом и переносном смысле слова. Но, во всяком случае, он здесь, подберет ее даже из канавы, если понадобится.

В июле 1952 года он приехал к ней на съемки «Ниагары», она забронировала ему номер в отеле. В августе он шутливо ответил на нескромные вопросы одной журналистки из светской хроники о «претендентах на сердце Мэрилин». В сентябре журнал «Конфиденшиал» протрубил о связи Боба Слетцера и Мэрилин Монро. И в октябре, оказавшись на мексиканской границе, после ночи непрерывной пьянки звездная блондинка якобы предложила щекастому репортеру на ней жениться. Тихуана была в двух шагах. С формальностями покончат быстро, она наконец-то будет спокойна. Не надо будет выходить за Джо Ди Маджио, который отправит ее на кухню, как служанку, будет всячески унижать. Она будет замужем за другом, союзником и наперсником, который будет тихо ее обожать, радоваться ее счастью, поделится с ней своим классическим образованием, будет бороться с ее призраками, ее страхами. Сладкое представление о надежном счастье без всяких требований (а значит, и столкновений), соблазн для маленькой Нормы Джин, притаившейся в Мэрилин.

В субботу 4 октября 1952 года Мэрилин Монро и Роберт Слетцер подписали свидетельство о браке в маленьком мексиканском городке и отметили, как полагается, свое бракосочетание двумя днями пьянки[13]. В понедельник наступило чудовищное похмелье. И самый знаменитый секс-символ Америки столкнулся с сомнениями, угрызениями совести, реальностью. Своим планом карьеры. Мэрилин Монро замужем за пузатым рядовым журналистом? Какая бессмыслица. Публика будет разочарована. Она тоже. Не о такой жизни она мечтала. Это не соответствует образу, который она себе создала. Чтобы отомстить за сироту и вседозволенность мистера Киммела, ей нужен некто выдающийся, принц, идол, знаменитость, могущественный человек, президент!

И 6 октября Мэрилин и добряк Боб снова примчались в Тихуану и перехватили документы, которые еще не успели отослать. В десять часов утра их брак перестал существовать.

Мэрилин Монро вновь устремилась к Джо Ди Маджио.

СЕМЬ ЛЕТ РАЗОЧАРОВАНИЯ *(окончание)*

Постройневшая, сдобная, но не пышная, не такая плотная, но еще более плотская, Мэрилин сияла красотой в «Ниагаре», мрачном гимне ее скандальной и роковой прелести. Машинистка, состоящая лишь из ягодиц и грудей, глуповатая и покорная, наконец-то задвинута на задний план. А на переднем — сумрачная блондинка, вызывающая и изощренная, сознающая силу своей притягательности, орудие и жертва судьбы в хичкоковском стиле. Розовая Роуз в розовом платье с разрезом и декольте, золотистой кожей, изогнутыми бровями и влажными губами напевает: «Поцелуй, поцелуй меня», — а потом заставляет своего любовника убить своего мужа под Ниагарским водопадом. Мужа, доведенного до безумия покорностью телу своего белокурого божества, который тоже собирался ее уничтожить. Ведь богини — не самые лучшие супруги. В конце концов, первый удар кинжала достанется любовнику, а изменницу задушит ее благоверный, вернувшийся с того света. Мэрилин до смерти красива. Она подавляет всех своих партнеров, видно лишь ее одну, и нужна лишь она — бледно-розовая, в ореоле тайны и трагедии. Несмотря на нее, фильм вышел неудачный: сценарий слабый, ритм замедленный, женская роль — ограниченная и однотонная. Такое впечатление, что указание «будь сексуальной и глупой» попросту заменили на «будь сексуальной и роковой». Конечно, это шаг вперед, но Мэрилин этого мало. Она разочарована. Трагедия ей не подходит. Разве Мэрилин Монро уже сама по себе не фарс, лакировка, клоунада? Публике вряд ли захочется смотреть, как она гибнет на экране, и это не укрылось от внимания руководства «Фокс». Но поскольку это она, фильм все же имел огромный успех, поставив актрису выше всех голливудских звезд.

Феномен Монро вездесущ. Пресса бьется за репортажи и интервью. Она кочует с обложки одного журнала на другой. Всех интересует «горизонтальная» походка секс-символа: это что, последствие увечья, вывиха сустава, перелома? Никто и не подумал о часах тренировок перед зеркалом с одиннадцатилетнего возраста. Распространяют поддельные фотографии обнаженной Монро, что заставляет ее подавать в суд. Один дирижер сочинил музыкальное посвящение ей. На конкурсе «Мисс Америка» ее просят позировать рядом с претенденткими. В тот день она надела белое платье в горошек с таким глубоким вырезом, что один армейский офицер потребовал у газетчиков убрать эти фотографии. Мэрилин оттачивает свое оружие, бичует

напускное целомудрие и переходит в контратаку, пуская в дело гремучую смесь из простодушия и юмора:

— Вас упрекали за более чем откровенный вырез вашего платья…

— А, вот почему на меня смотрели. А я-то думала, что все любуются моим значком сержанта-вербовщика…

— В чем вы ложитесь спать?

— В «Шанель № 5».

А еще «я никогда не ношу нижнего белья, потому что терпеть не могу то, что мнется». И так далее. Легенда, которую она сама выстраивает, набирает размах.

Новый фильм Говарда Хоукса внес в нее новый вклад. В картине «Джентльмены предпочитают блондинок» Мэрилин Монро играет женщину ошеломляющей красоты, с «животным магнетизмом», в платьях, сшитых точно по ней, с соблазнительными формами, но полную дуру, продажную и бессовестную. Комедия с многочисленными вставками музыкальных номеров построена на контрасте между брюнеткой Джейн Рассел — умной, преданной, совершенно лишенной алчности — и ее белокурой подругой, которую интересуют только деньги и бриллианты (кстати, блондинка дает своему жениху-миллиардеру милое прозвище Папик). Мэрилин поет, танцует, являет на экране всю свою сексуальность, но в гримерке ей — потерянной, опаздывающей, запутавшейся — все больше и больше нужна помощь. Ей каждый раз требуется сделать все больше дублей, чтобы снять сцену. В конце 1952 года «XX век Фокс» решается в очередной раз немного повысить ей жалованье. Неоспоримый козырь киностудии, Монро теперь получает больше пяти тысяч писем от поклонников в неделю.

Но в ночь на Рождество все ее любовники сбежали. Ее поклонники сделали перерыв ради индейки в семейном кругу. Покинутая девочка одна под своей белокурой броней, ее отчаяние растет. Джо Ди Маджио, которого она упорно представляет прессе своим «другом», сказал ей, что проведет праздники в Сан-Франциско, с родными. Джо не дурак, он даже может вовремя проявить деликатность. На самом деле он ждет Мэрилин к себе домой, под елочку — первую в ее жизни, ведь для нее конец года — каждый раз мука. От такого участия к себе девочка начинает плакать горячими слезами и зарывается в объятия неотесанного медведя. Истина пробилась сквозь стразы и блестки.

Но это лишь краткая передышка. Все понеслось по новой. Улыбающаяся рядом с Джейн Рассел Монро погружает руки и туфли в цемент на тротуаре перед Китайским театром Граумана на Голливудском бульваре под бешеными вспышками сотен

фотоаппаратов. Непостижимая блондинка невинно предлагает оставить и отпечатки своих грудей. «А почему бы и им, в конце концов, не получить своей толики бессмертия?» — мурлычет она. Тем более что из-за них регулярно случается скандал: в 1953 году платье, в котором Мэрилин появилась на вручении одного из многочисленных незначительных призов, ей присужденных, вызвало бурю возмущения и едких реплик в ее адрес. Легендарная актриса Джоан Кроуфорд, ее кумир, публично осудила непристойность и вульгарность молодой подруги по цеху, сведя ее до положения «стриптизерши». Мнения разделились. С одной стороны, Джерри Льюис, Дин Мартин и иже с ними рукоплескали, отбивая себе ладоши. Многочисленные журналисты встали на сторону травимой сиротки. С другой стороны, Джо Ди Маджио, блистающий своим отсутствием при каждом появлении Мэрилин на публике, примкнул к возмущенным дамам, заявив, что достоинство и добродетель — главные ценности. Ди Маджио не скрывается, не старается оберегать близкие отношения, связывающие его с самой знаменитой блондинкой Соединенных Штатов, — это секрет Полишинеля. Он упорно отказывается сопровождать Мэрилин на премьеры, вручения наград и любые другие мероприятия, где чествуют ее, — прежде всего, чтобы показать свое резкое неодобрение этого маскарада. Не пряча своего разочарования, бывший спортсмен выказывает глубочайшее презрение к шоу-бизнесу, кино, Голливуду. То есть на самом деле он не испытывает никакого уважения к Мэрилин Монро. Он-то любит Норму Джин (правда, со светлыми волосами, грудью и бедрами Мэрилин Монро), не понимая того, что она, хотя еще и не совсем умерла, но уже не опасна. Джо согласен только на исключительное положение, он не намерен быть фоном, «мистером Монро». Он вопит, бушует, мечет громы и молнии, придает своей тоскливой ревности облик надменности и оскорбления. Мэрилин в слезах звонит Наташе Лайтесс. Удары ранят ее, еще больше снижают самооценку. Она не бесчувственна к критике. Каждый пустяк причиняет ей боль. Но, возможно, она сама нарывается на пощечины. Возможно, она сама ищет их. Ей так нужно наказать себя. Фильм «Джентльмены предпочитают блондинок» имел феноменальный успех.

Когда «XX век Фокс» назначила Монро на роль Полы в фильме «Как выйти замуж за миллионера», новой комедии Джина Негулеско, уязвленная молодая женщина слегка заупрямилась, хотя и не имела никаких прав в плане выбора. Снова комедия, в которой она — не единственная звезда, но теперь ей предстоит

играть с двумя крупными величинами — Бетти Грейбл, идеальной блондинкой, годами возглавляющей список самых кассовых актрис, но постепенно вытесняемой Мэрилин, и восхитительной Лорин Бэколл, которой на бумаге отведена главная роль, хотя в рекламных афишах позирует Монро в бикини. Кроме того, более чем поверхностный сюжет (три подружки живут в одной большой квартире в Нью-Йорке и сговариваются о том, чтобы каждая вышла замуж за миллионера) вызывает у нее впечатление избитости, опять загоняет в прокрустово ложе сексуальной блондинки, наивной и алчной, тогда как Грейбл показывает свою романтичную душу, а Бэколл, выставляющая на первый план интеллект, в конце концов, по-настоящему влюбляется. В довершение всего было решено, что светловолосая Пола будет близорукой, как крот — предлог для многочисленных комических сцен. Мэрилин предлагают следующее: на нее нацепят толстые очки, которые она будет постоянно снимать из кокетства, уверенная в том, что мужчины не смотрят на женщин в очках, и неизменно утыкаться носом в стену. Белокурая Мэрилин Монро, в очередной раз набитая дура (Бэколл называет их с Грейбл «недоучками»), с небольшой сценой, в которой она появляется в ярко-красном купальнике, и с намеком на бриллианты, лучшие друзья девушек, — коронную песню из ее предыдущего фильма.

И что, просто «дубль два»? Не совсем. В финале Мэрилин с честью выходит из ситуации. Из всех троих именно она привлекает симпатии зрителей (настоящей дурой оказывается Грейбл, а Бэколл слишком холодна), она самая трогательная и удивительная и под конец втюривается в такого же подслеповатого мужчину, как она сама. На экране она лучится. Но по ту сторону экрана все иначе. Съемки превратились в настоящее испытание — и для нее самой, и для других. Мэрилин требует, чтобы на площадке постоянно находилась Наташа Лайтесс, и заставляет съемочную группу по десять-двадцать раз переснимать одну и ту же сцену, в зависимости от мнения своей учительницы. Она подчиняется только указаниям Наташи, а не режиссера, который тихо бесится в углу. Лишенная всякой уверенности в себе, она появляется на площадке с все большим опозданием и ничуть не пытается подыгрывать партнерам. Лорин Бэколл выносит ее с трудом, зато Бетти Грейбл проявляет к ней искреннюю нежность: «Давай, дорогая, мое время прошло, теперь ты — главная блондинка».

Все такое хрупкое, сбивчивое, рыхлое, что при слове «снято!» никто не может с уверенностью сказать, получилось или нет. Но каждый вечер, когда просматривают отснятый материал,

повторяется все то же маленькое чудо, приходится смиряться с очевидным: Мэрилин — исключительна, уникальна, ошеломляюща. Причем она впервые развернула во всю мощь свой комический талант. Зрителя не обманешь. В этом первом широкоэкранном цветном фильме Мэрилин такая смешная, обезоруживающая, неуверенная в своих чарах, что, несмотря на поверхностный сценарий, она привлекает симпатии зрителей. Менее роковая, но более человечная Мэрилин одержала победу на всех фронтах. «XX век Фокс» следовало учесть это и тщательнее отбирать сценарии, которые ей предлагают. Но киностудия этого не сделала и старалась извлечь максимум выгоды из своей курицы, несущей золотые яйца, по-прежнему презираемой Зануком и получающей меньше других звезд.

Разумеется, хотя их просчитанный роман не меньше тридцати раз мелькал на первых страницах иллюстрированных журналов на протяжении 1953 года, Джо Ди Маджио отказался сопровождать свою неофициальную невесту на премьеру этого фильма. Его это не интересует, пусть зарубит себе на носу. Так что сверкающая Мэрилин, обтянутая белым платьем с блестками, появилась перед беснующейся толпой, выкрикивавшей ее имя, и позировала фотографам под руку со сценаристом и продюсером Нухалли Джонсоном, тогда как Лорин Бэколл прижималась к крепкому боку Хамфри Богарта.

В октябре того же 1953 года Грейс Годдард, заменившая актрисе мать, спилась окончательно и умерла от передозировки снотворного. Очередной обвал. Затерты последние следы Нормы Джин. За спиной Мэрилин Монро, ставшей величайшей кинозвездой всего мира, не осталось ничего от ее детства, от прежнего мира, и белокурый двойник, маску которого она уже не может с себя сорвать, захлопнул свою ловушку.

Не задумываясь ни о чем подобном, киностудия назначила ее на роль в новом фильме. Уставшая, держа при себе необходимую Наташу, Мэрилин сразу после похорон Грейс на Вествудском кладбище приступила к сложным съемкам «Реки, не текущей вспять». Режиссер Отто Премингер снимал этот фильм на порогах в Канаде; ее партнером был Роберт Митчэм. Ничего не ладилось. Мэрилин возненавидела пустую роль, которую ей дали, нелепые костюмы, навязанную ей прическу (большой желтоватый парик). Сценарий «жалкого вестерна» настолько бессодержателен, что она каждый день проклинала «Фокс», пославшую ее на этот несчастный плот, где происходит основное действие картины. Она постоянно опаздывала, капризничала, симулировала вывих ноги, вынуждая прерывать съемки, и утрировала свою

зависимость от Наташи, так что озверевший Премингер очень скоро стал вести себя как тиран по отношению к ней и тощей черной фигуре, не отходившей от нее ни на шаг. Митчэм сдерживался, налегая на выпивку, он тоже страдал от поведения своей партнерши, столь мало профессиональной на первый взгляд, но на самом деле непокорной и усталой. Мэрилин осточертело быть дежурной блондинкой, которую используют для приманки зрителей, с небольшими вариациями. В «Реке, не текущей вспять» она играет певичку кабаре с большим сердцем, сексуальную и погибшую девушку, сироту, вовлеченную помимо воли в неудержимое бегство, чтобы спастись вместе с Робертом Митчэмом и маленьким Джорджем Уинслоу от грозящих им индейцев. Ничего достойного внимания, кроме двух очень красивых грустных песен[14], одна из которых стала темой фильма, — она поет их, аккомпанируя себе на гитаре, в очередной раз выказывая свои многочисленные дарования и эмоциональность, готовую выплеснуться в любой момент.

На этот посредственный фильм ват ил и целые толпы, загипнотизированные Мэрилин Монро, во что бы ее ни рядили и в какие бы декорации ни помещали. Но для нее это было слишком. Когда «Фокс» приказала ей сниматься в «Девушке в розовых колготках» с Фрэнком Синатрой, не позволив даже прочитать сценарий, о котором говорили, что он до крайности бездарен, она отказалась и потребовала прибавки к жалованью, как ей положено. Это незаконно, возразил Занук, это противоречит семилетнему контракту, ее финансовые претензии «неразумны». Мэрилин не уступала.

4 января 1954 года ее во второй раз выгнали с «XX век Фокс».

МИССИС ДИ МАДЖИО *(начало)*

Десять дней спустя, во дворце правосудия Сан-Франциско, Мэрилин Монро и Джо Ди Маджио, наконец, положили конец слухам, уже неоднократно женившим их за последние несколько месяцев, и по-настоящему сказали друг другу «да» — в принципе, на всю жизнь. Это было неизбежно. Америка хотела, чтобы они были вместе. Невозможно остаться в стороне от такой истории любви, на которую обращены все взгляды, обмануть надежды целого народа. Когда Джо помчался к одру Мэрилин, «пострадавшей» в Канаде во время съемок «Реки, не текущей вспять», вся пресса взревела. Когда белокурая актриса потом приютила его в своей квартире в Догени, перед которой постоянно дежурили десятки журналистов, и научилась варить макароны, как он любил, вся страна затаила дыхание. Когда под градом вопросов она, в конце концов, призналась, что еще никогда не была так влюблена, умиление достигло высшей точки. Когда, наконец, жених и невеста навестили семью Ди Маджио в Сан-Франциско, а потом уехали на рыбалку, нежно обнявшись, в джинсах и кожаных куртках, это был апофеоз. Слишком красиво. Действительно, слишком красиво.

И 14 января 1954 года Мэрилин Монро уступила давлению со стороны народа и официально стала миссис Ди Маджио. Она вышла замуж за Америку в его лице. «XX век Фокс» поняла, что совершила ошибку, уволив за профнепригодность «первую леди» США. Замужняя Мэрилин в норковой шубке, подаренной супругом, более респектабельна, особенно в огнях рампы. Они с Джо не сходят со страниц газет. Занук вынужден пойти на попятный. «Соломенную голову» снова взяли на киностудию — на ее условиях.

Чтобы сбежать от журналистов, преследовавших их днем и ночью, Мэрилин и Джо провели брачную ночь в мотеле в Пасо-Роблес, а потом на две недели спрятались в укромном домике в горах. Об этой передышке вдали от шума и фурора, когда «молодые» остались вдвоем, известно лишь то, что позже рассказывала Мэрилин: в первый вечер в мотеле бывший «Янки» спросил, есть ли в номере телевизор, а потом часами переключал каналы; в последующие пятнадцать, уже без телевизора, быстро исчерпав все общие темы для разговора, они испытали такую скуку, что даже покупали в соседнем поселке комиксы, чтобы убить время. Короче, полный провал, чудовищная ошибка. Но публика еще не насытилась, народ не поймет, нельзя обманывать его ожидания, и перед прессой всего мира нужно

демонстрировать ложную гармонию. Сохранять лицо.

«Мы научились лучше понимать друг друга», — сообщила улыбающаяся Мэрилин по возвращении в мир людей.

На самом деле, их брак уже отжил свое. Мэрилин это знает, в глубине души она никогда не заблуждалась по поводу того, что это всего лишь рекламный трюк. Где-то глубоко в голове у нее накрепко засела мысль о том, что для нее было бы гораздо благотворнее когда-нибудь выйти замуж за Артура Миллера[15] и послать Калифорнию к черту. Возможно, тогда ее перестанут принимать за глупую гусыню. Сколько времени еще нужно продержаться, чтобы не упасть на дно белокурой пропасти? Вот в чем вопрос. Только физическое насилие Ди Маджио еще может задержать падение и добавить остроты засасывающей их пустоте. Удары, которые наносит ей Джо, убеждают Мэрилин в ее собственном существовании, придают ей содержание и некоторое значение. И вот, как ребенок, делающий глупости, чтобы привлечь внимание отца, рискуя нарваться на подзатыльник, Мэрилин, выпорхнув из их «любовного гнездышка», вновь облачилась в свои доспехи секс-символа и щеголяла грудью вперед, вызывая столпотворение, к великой ярости Джо. С ней невозможно жить, думал, наверное, бейсболист. Лучше уехать, пока не утихнут все эти страсти (вызванные их союзом, как ему казалось). Подвернулся удачный случай: его пригласили в Японию на показательные выступления. Мэрилин оставалось только поехать с ним. С одной стороны, она сможет оценить, какой популярностью он пользуется даже на краю света, с другой — их оставят в покое.

Все расчеты Джо пошли коту под хвост. В токийском аэропорту на летное поле высыпали тысячи фанатов, и две сотни полицейских, которые не могли их сдержать, были вынуждены вывести чету Ди Маджио через багажный отсек. Никаких сомнений по поводу того, кто их кумир: это она, а не он. Джо Ди Маджио с трудом скрывал свою ярость. Напрасно Мэрилин всячески пыталась укрыться в его тени, выставляя на передний план своего великого мужа; во время интервью и пресс-конференций журналисты интересовались только ею, а его не видели в упор. Ужасное оскорбление для итальянца, который осознал чудовищную известность своей жены и заметил, что белокурое создание, которое она включает и выключает, точно электрическую лампочку, неуправляемо. Поэтому, когда командование армии предложило ей во время пребывания в Азии завернуть в Корею, чтобы поддержать боевой дух американских солдат, Ди Маджио отказался поехать с ней. Он все понял. Пусть

отправляется туда одна, красуется перед тысячами беснующихся джи-ай: в номере есть телевизор, он предпочитает остаться в отеле в Токио, бушуя от ревности. Ему совсем не хочется смотреть стриптиз. Но все четыре дня по телевизору крутили только изображение его белокурой супруги в легком платьице в жуткий холод, на подмостках перед тринадцатью тысячами солдат 45-й дивизии, раскаленными добела и смакующими детали ее телосложения под всеми углами зрения, его жены, которую привезли с аэродрома на грузовике и беспардонно вытолкнули на сцену, чтобы сдержать угрожающее нетерпение солдатни, его благоверной, которая холодно, без расчета, кокетничала, роняла пару похотливых слов, лукаво подмигивая, исполнила прерывающимся голоском три своих песенки с вполне однозначным текстом, чем довела солдат до высшего возбуждения, воспламенив их мужское начало, его супруги, Мэрилин Монро, бледного божества, свалившегося с нахмурившегося неба в партер цвета хаки, который в жизни своей не забудет ангельского и волнующего явления, напомнившего ему о том, что где-то за разбомбленными городами существует трепещущая и сладострастная плоть.

В токийском отеле Джо Ди Маджио стискивал кулаки, сидя в кресле перед телевизором.

— Чудесно, — сказала наивная девушка, вернувшись назад, — это было чудесно! Ты можешь себе представить тринадцать тысяч человек, которые выкрикивают твое имя?

— На стадионах мне устраивали овацию пятьдесят тысяч человек, — ответил Джо, белый от бешенства.

Несколько дней спустя, в самолете, переправлявшем их обратно в Лос-Анджелес, Мэрилин не удалось скрыть сломанного большого пальца на правой руке. «Я ударилась», — объяснила она журналистам в ответ на их вопрос.

Перед камерами пара американской мечты продолжала вести свою игру. Мэрилин, заболевшая пневмонией после концерта под открытым небом, нежно прижималась к надежному плечу Джо. Но наедине итальянец дал ей понять, что не потерпит положения супруга публичной женщины, которую щелкают фотоаппаратами во всех ракурсах с утра до вечера. Пусть выбирает: Голливуд или он. Иначе…

Через месяц после свадьбы они уже заговорили о разводе.

Закрыв глаза на ее продолжительное отсутствие, «XX век Фокс» приняла свою суперзвезду с почестями и предложила ей роль в музыкальной комедии «Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес» Уолтера Лэнга, в паре с Дональдом О'Коннором, незабвенным актером из «Поющих под дождем». Веревка или

кинжал. Сидеть дома с Джо Ди Маджио, целыми днями валяющимся перед телевизором, которому нечего ей сказать, который не хочет, чтобы у нее были друзья, чтобы она разговаривала по телефону, который не интересуется ею, ее работой, никому не доверяет, — или сняться в фильме, все равно в каком, чтобы любой ценой сбежать из супружеского ада? Мэрилин, не колеблясь, выбрала кинжал.

В фильме она играла Вики — молодую бедную девушку, нежную и наивную, но твердо решившую стать певицей. Она встречает на своем пути семью бродячих артистов, и младший сын (О'Коннор) в нее влюбляется. Бесцветный сценарий, безвкусный фильм. Угораздило же Мэрилин угодить в эту длинную и нудную комедию с нескончаемыми музыкальными номерами, где она появляется только через полчаса в кричащем макияже и с ужасной прической, в невероятно вульгарных нарядах. Во время первого номера («После») на ней полупрозрачное платье в блестках с разрезом до самых трусиков. Во время второго («Горячая волна») — она в черном бикини и гротескном сомбреро трясет грудью и виляет задом перед возбужденным партером. Да, далеко тут до Актерской студии.

Вероятно, возвращаясь по вечерам в свой дом, который они теперь снимали в Беверли-Хиллз, Мэрилин не сообщала своему мужу, которому, в любом случае, было на это плевать с высокой горы, всех подробностей съемок. Но ее затаенная злоба на «Фокс» увеличивалась с каждым днем. Фильм плохой, она это знала еще до того, как увидела смонтированный материал. В очередной раз ее именем воспользовались как банальной приманкой, ей дали неинтересную роль с тремя незапоминающимися песенками (ничего похожего на красивые мелодии под гитару в стиле «фолк» из «Реки, не текущей вспять»). Но вот в чем дело: Мэрилин Монро достаточно появиться на афише полуголой, и в сундуки киностудии посыплется звонкая монета… Вот и всё. Сможет ли она когда-нибудь избавиться от этого недалекого образа, которому обязана своей популярностью, и раскрыть всю свою глубину? — спрашивала она себя перед зеркалом. Как это сделать, разве изуродовать себя навсегда? Она измучена, нервы не выдерживают, а мрачное лицо Джо Ди Маджио вместо ободрения доставляет ей ежедневные муки. Она уже не может запомнить своих реплик, заикается сильнее, чем раньше, некрасиво ведет себя с окружающими, жалуется всем подряд — от Наташи, которой доставляет все больше труда репетировать с ней, до Милтона Грина, фотографа из журнала «Лук» («Look»), который пришелся ей по душе, включая верного Боба Слетцера, с которым она видится тайком, и Чарлза Фельдмана, своего агента.

Последний, живший прямо напротив, как-то вечером пригласил их с Джо поужинать на своей вилле, чтобы ее успокоить.

На этом приеме оказался молодой блестящий сенатор от демократов со своей женой Джекки. Джон Фицджералд Кеннеди.

JFK

Это была встреча двух хищников. Двух зверей, жаждущих власти, реванша, выросших в джунглях разочарования и недостатка любви, зубами и когтями превративших свое, данное от природы хрупкое существо в неумолимую боевую машину, убийственную ловушку. Два эгоистичных и неуловимых, но послушных зверя, ибо обоим был дан более или менее ясный приказ утолить материнские или отцовские амбиции. Два одиноких зверя, неспособных любить. Джон Кеннеди на девять лет старше Мэрилин. Его враг — это его спина, которая может подвести в любой момент, регулярно отправляет его в больницу и вынуждает заниматься любовью всегда в одинаковой позе. Что не помешало ему ни поступить во флот в 1941 году, ни соблазнять все, что движется, в особенности в Голливуде, где плоть щедра и покорна. Джон Кеннеди поступает, как папа, и любит легкую добычу, чтобы быстро ее употребить и тут же выбросить. ФБР годами прослушивало его квартиру, и записи любовных утех показали, что как любовник Кеннеди не тянул ни по длительности, ни по разнообразию. Репутация неотразимого соблазнителя, которую он создал себе за годы вечеринок «у бассейна», организованных кинопродюсерами, основана не столько на его подвигах в постели, сколько на его имидже.

Как и у Мэрилин.

После избрания в сенат Джон Кеннеди тоже женился в том же 1953 году — необходимое условие для продвижения политической карьеры. Отныне, когда он отправлялся на охоту, ему надо было вести себя скромнее, по меньшей мере, на публике. Или почетче ее организовывать.

Некоторые утверждают, что они с Мэрилин познакомились еще в 1946 году, когда красотка в бикини, звавшаяся Нормой Джин, наведывалась на знаменитые ночные вечеринки в Голливуде, а он, молодой член палаты представителей из Бостона, любовник Джин Тирни и многих других, являлся туда утолить свою потребность в юных телах, которые можно заполучить безо всяких усилий. Она была ничем. Он был уже знаменит. Возможно, они действительно встретились и даже переспали. Разве могла Мэрилин запомнить всех мужчин, которые овладевали ею на несколько минут, восхитительно пьяной, в предоставленной на время спальне, а потом исчезали навсегда? Но Монро не такая блондинка, как другие, а Кеннеди тоже не абы кто: раненный в бою во время войны, национальный герой, лицо ангела с плотоядной челюстью, белые зубы и улыбка

победителя. Она-то его видела. С 1950 года он регулярно бывал на приемах, устраиваемых Фельдманом, агентом Мэрилин. Свидетели утверждают, что видели уже тогда, как Мэрилин и Джон прогуливались, рука в руке, по побережью Малибу. Неважно. Годом раньше, годом позже — эти двое не могли не встретиться. Осиянные тем же светом, сверкающие похожим блеском, они притягивали один другого, взаимно заполняя пробелы. Чем больше росла их популярность, тем больше оба превращались в национальную мечту. И могли приблизить друг друга к триумфу.

В 1954 году Мэрилин Монро уже не была безвестной начинающей актрисой из донжуанского списка Кеннеди, о которой можно было быстро забыть. Она стала столь же знаменита, как и он сам, если не больше. На другом уровне и подругам причинам. Она — всемирный секс-символ, мечта всех мужчин. Кеннеди-отец, чья связь с Глорией Свенсон была всем известна, не возражал бы, чтобы сын подарил себе такой лакомый кусочек. Он обязан быть на высоте. Тем летним вечером у Фельдмана, когда они с Джекки ужинали в обществе супругов Ди Маджио, молодой муж и 37-летний сенатор открыто пожирал глазами чувственную блондинку с детским голоском. Настолько открыто, что всем стало неловко, а великий «Янки», который охотно разрисовал бы хорошенькую мордашку этого фата своей бейсбольной битой, предпочел вернуться домой, пока не наделал бед. Один. В тот вечер Мэрилин с ним не пошла и осталась позировать взгляду Кеннеди.

Один неизбежно должен был поглотить другого.

МИССИС ДИ МАДЖИО *(окончание)*

В августе 1954 года Мэрилин прямо со съемок «Шоу-бизнеса» перешла на площадку «Семи лет желания»[16]. Кинокомпании «XX век Фокс» не терпелось выжать максимум прибыли из этого феномена, и ей не дали ни малейшей передышки. Запуганная Ди Маджио, державшим ее в плену своей грубой силы, Мэрилин торопливо согласилась сниматься в этой легкой комедии — экранизации успешной театральной пьесы с Бродвея. Она должна была играть там «соседку снизу», пышногрудую и простодушную секс-бомбу, перевернувшую с ног на голову спокойную жизнь Тома Эвелла, праздного мечтателя, отправившего жену с детьми в деревню на лето, подальше от нью-йоркской жары. Все сначала — и вперед. Вот только режиссерское кресло на сей раз занял Билли Уайлдер. Не выглядя нелепой, Мэрилин сможет в полной мере проявить свое чувственное трагикомическое дарование, изобразив карикатуру на саму себя под музыку Рахманинова или расхваливая достоинства зубной пасты. На ее красивое лицо легла тень печали, сделав ее непохожей на прежнюю Монро, секс-символ во всеоружии, уверенный в силе своих чар. Сомнение и горе начали свое разрушительное действие. В незаладившемся браке с Джо Ди Маджио Мэрилин разглядела провал всей своей жизни, осуждение на страдания и скитания. В то время как ее сердце исходило слезами и она с каждым днем теряла присутствие духа, ей нужно было двигаться перед камерами, быть сияющей, легкой, восхитительной, прелестной, как никогда. В ее улыбке и больших синих глазах застыла печаль, которую уже не удавалось полностью приглушить на экране. Превосходный фильм, смешной и вдохновенный, ловко лавирующий между дозорами цензуры (сцены, где слишком недвусмысленно говорилось о сексе и супружеской измене, были запрещены). «Семь лет желания» открыл новую Мэрилин, хотя она к этому и не стремилась, разрывающуюся между своей настоящей сущностью и образом мировой секс-бомбы. Показательна сцена в конце фильма:

«— …блондинка на кухне.

— Какая блондинка на кухне?

— Хочешь узнать, да? Может быть, это Мэрилин Монро!»

И действительно, это была она.

Чтобы явить на экране всю эту свежесть, непосредственность, уникальную красоту, заразительное веселье, Мэрилин приходилось бороться со своими демонами. Порой на это уходили часы, отсюда все более длительные опоздания, все более

многочисленные дубли, все более разбухающий бюджет. Билли Уайлдер не сдавался: образ Мэрилин Монро, когда он наконец-то проявится, бесценен, он божественен, чудесен.

Девятого сентября звезда отбыла в Нью-Йорк, где должны были снимать натурные сцены. Джо приехал к ней пять дней спустя в отель «Сент Регис», решив повидаться с друзьями с Восточного побережья, пока его супруга будет вилять бедрами под лучами юпитеров. В ночь его приезда, с 14 на 15 сентября 1954 года, было намечено снимать в самом центре Манхэттена короткую сцену, в которой белокурое создание невинно уступает на один миг соблазну прохлады, позволяя своей юбке взвиться вверх над вентиляционным люком станции метро. Чтобы не создавать проблем с движением транспорта и избежать скопления зевак, съемки этой крошечной сцены назначили на время после полуночи. Неподалеку Джо Ди Маджио проводил вечер в ресторане своих друзей, предпочитая презрительно не знать о том, что происходит в нескольких сотнях метров от него. Но время шло, и возбуждение нарастало. По улице бежали десятки, сотни людей; любопытные, поклонники, полицейские, репортеры, фотографы; слышались крики, звуки сирен; необычное волнение охватило даже ресторан; клиенты поспешно уходили, чтобы посмотреть, как идет съемка. В два часа ночи, смирившись, Ди Маджио уступил всеобщему нажиму и тоже направился к тому месту, куда стекались людские потоки. Всё было забито. Тысячи простых людей давились за барьерами под охраной. Вся нью-йоркская полиция была поднята по тревоге. Несмотря на поздний час, на прилегающих улицах образовались чудовищные пробки. Сотни людей высовывались в окна. Все взгляды были обращены на маленькую белую светловолосую фигурку, на которой взвивалось платье из-за огромного электровентилятора, помещенного под решеткой люка. Возможно, все сознавали, что переживают великий момент в истории — кинематографа и Америки. Все смотрели под юбку Мэрилин, шумно восхищаясь расставленными ногами Мэрилин, бедрами Мэрилин, трусиками Мэрилин.

«Что это еще за бардак?!» — проревел Ди Маджио и стал проталкиваться обратно, работая локтями.

«Никогда мне не забыть его убийственного взгляда», — рассказывал потом Билли Уайлдер. Той ночью соседи четы Ди Маджио в отеле «Сент Регис» проснулись от громких криков, грохота разбивающихся предметов, женских рыданий.

Съемки «Семи лет желания» кое-как продолжались. Джо уехал. Гримеры замазали синяки и кровоподтеки на лице и руках

Мэрилин. Недоверчивым журналистам, осаждавшим ее ежедневно, она неустанно отвечала, что у них с мужем все хорошо. Однако по возвращении в Лос-Анджелес 5 октября Мэрилин, в полном смысле слова убитая горем, в слезах, с синяками на лбу, без макияжа и под фотовспышками со всех сторон, в присутствии своего адвоката объявила, заикаясь, о разводе с Джо. «Мне так жаль, мне так жаль», — повторяла она, плача. Их брак продлился девять месяцев. Америка, обожавшая Мэрилин и прощавшая ей все, не сердилась на нее за разбитую легенду. Она заменила ее другой: несколько месяцев спустя фотография белого платья, вздувшегося над вентиляционным люком, была развешана везде, покрывая стены домов, стала национальной эмблемой и облетела весь мир. В оправдание Джо будет сказано, что хотя при окончательном монтаже фильма эта сцена, урезанная цензурой, стала очень короткой и целомудренной (Мэрилин показывают по пояс, ее ноги появляются на краткий миг до середины бедра), во время съемок (которые, кстати, оказались бесполезны, поскольку потом все пришлось переснимать в павильоне) нижние конечности актрисы были у всех на виду несколько часов. И пока тысячи фанатов упивались этим зрелищем, браку Мэрилин был подписан смертный приговор.

«Семь лет желания», фильм, которому предстояло побить все кассовые рекорды, был 5 ноября 1954 года закончен. На большой прием, устроенный в честь белокурой исполнительницы главной роли, собрался весь Голливуд. Пред взглядами Гари Купера, Джеймса Стюарта, Лорин Бэколл, Хамфри Богарта и многих других сияющая красотой Мэрилин в черном платье появилась с часовым опозданием. Во время этого гламурного вечера она осуществила свою детскую мечту и познакомилась с Кларком Гейблом, своим воображаемым папочкой из мечты. Девочка, которая хотела, чтобы на нее смотрели, кое-чего добилась. Она думала, что стряхнула с себя цепи.

Когда Занук дал ей прочитать сценарий «Как быть очень-очень популярной», где она должна была играть бурлескную танцовщицу, дуру-блондинку, она отказалась. Тем более что на экраны только что вышел «Шоу-бизнес», освистанный критикой за вульгарность. Несколько дней спустя, в черном парике и под псевдонимом Зелды Зонк, Мэрилин Монро растворилась в толпе.

«ВОЗРОДИТЬСЯ!» — СКАЗАЛА ОНА

В Голливуде смятение: Мэрилин Монро исчезла. «Куда девалась Мэрилин?» — вопрошают заголовки газет. Кроме Наташи Лайтесс, которую она посвятила в свои планы, этого никто не знал. Руководство «Фокс» в бешенстве грозило лишить звезду обещанной прибавки в 100 тысяч долларов. Мэрилин Монро — это их собственность. Она не имеет права исчезать подобным образом. До сих пор, с большим или меньшим успехом, им удавалось подчинять ее своей воле. Она не может так с ними поступать. Она за это дорого заплатит.

Сколько бы они ни кричали и ни грозили, на самом деле, в конце 1954 года Мэрилин Монро больше не было. Она не спряталась — она перестала существовать.

Она уже некоторое время вынашивала свой план, взвешивая все «за» и «против», при поддержке фотографа Милтона Грина, который и подбросил ей эту идею, и двух нью-йоркских адвокатов: порвать с «XX век Фокс» и голливудской системой, которая эксплуатировала ее и недоплачивала, избавиться от «Мэрилин Монро», зависеть только от себя, сниматься в настоящих фильмах с настоящими сценариями, в настоящих ролях. Организовать свое собственное похищение. Она долго колебалась, но, в конце концов, решилась и снялась с якоря — одинокая брюнетка, отправившаяся в Нью-Йорк, где ее ждали Милтон Грин и его жена Эми. Для нее началась новая жизнь. Годами она без отдыха переходила от картины к картине, находясь в плену своего образа. Очутившись на хорошенькой ферме Гринов в Коннектикуте, вдалеке от всего, от вилл и бассейнов Беверли-Хиллз, без грима, в простой одежде, бывшая Мэрилин Монро, по словам своих хозяев, вернула себе простоту и естественность, радость от прогулки в лесу, простых кушаний, пения птиц и детского смеха. У Эми и Милтона было двое маленьких детей. Мэрилин спала днем и читала ночью, проглатывая книги из богатой библиотеки Гринов, помогала кухарке, рассказывая ей о своей жизни, о неудачном браке с Джо, о матери, запертой в психбольнице. Ей также нравилось ходить по улицам Нью-Йорка — безвестной, невидимой, мнимой Зелдой Зонк, делать покупки, посещать музеи или сидеть молча, забившись в уголок гостиной, словно она действительно хотела раствориться и стать прозрачной. Когда к Гринам приходили друзья, она выглядела застенчивой, испуганной, удивительно неуверенной в себе, совершенно непохожей на свой образ. Снова проявилось заикание. Уязвленная женщина, нелюбимая девочка

пыталась восстановиться, выстроить себя по-настоящему, хотела понять, кто же она такая, и, как никогда, стремилась снискать уважение. В настоящей семье она нашла дом, которого ей недоставало. Снова став инкогнито, она приблизилась к своей истинной сути.

Но хотя это представление о возвращении новой Мэрилин «к истокам», о ее деревенском счастье за чисткой картошки не является ложным, оно все же неполное. Милтон Грин, автор одних из самых красивых и чувственных фотографий Мэрилин, явно не мог устоять перед белокурым соблазном, как он впоследствии признается в своих воспоминаниях, и был для нее не только профессиональным партнером; подсев на лекарства — успокоительные, снотворные, возбуждающие, — он стал ее титулованным поставщиком; что касается Эми, его экспансивной супруги, то ей доставляло изощренное удовольствие пускать в ход свою пресловутую образованность, чтобы несколько раз публично унизить свою знаменитую гостью, обращаясь с ней, как с ничтожеством. Один факт ярко высвечивает неловкость и противоречивые желания, которые испытывала Мэрилин в этот период «покоя»: едва прибыв на Восточное побережье, она сразу позвала на помощь своего мужа, только что перешедшего в разряд «бывших», — Джо Ди Маджио, и тот немедленно примчался. После развода, наделавшего шуму в прессе (Мэрилин в черном платье и вуалетке преследовали репортеры на входе и выходе из суда), бывшие супруги, казалось, безумно нуждались друг в друге. Возможно, бывшей миссис Ди Маджио вдруг стало совершенно ясно, что, когда Джо ее бил, он на самом деле хотел ударить белокурого двойника. Именно ту блондинку он терпеть не мог. И Мэрилин тоже хотела от нее избавиться.

На Манхэттене, где она вскоре поселилась с помощью Джо, в отеле «Глэдстон» на 52-й улице, а потом в апартаментах в «Уолдорфе» актриса жила роскошно. Общалась с интеллигенцией (во главе с Труменом Капоте), возможно, виделась и с неким Джоном Кеннеди, когда тот оказывался в «Карлайле» (во время своего последнего пребывания в больнице он повесил над кроватью постер с Мэрилин в шортах, головой вниз), и крутила короткие романы (например, с Марлоном Брандо). Так что нью-йоркское «исчезновение» Монро было относительным.

Не так-то просто начать жизнь с чистого листа. Одиночество — абсолютный враг, сыворотка правды. Только рассеяние, один из видов опьянения, позволяет вступить с ним в схватку. Как видно, карты были крапленые.

Но 7 января 1955 года, во время пресс-конференции, которую

она дала вместе с Милтоном Грином нью-йоркским журналистам, — полуучтиво полунасмешливо Мэрилин Монро объявила о создании собственной продюсерской компании.

— Мне надоела моя неизбывная роль секс-символа. Я хочу играть драматические роли.

— Какие, например?

— Грушеньку в «Братьях Карамазовых».

— Как это пишется?

Мэрилин выстояла под насмешками репортеров и гневом Занука, который напомнил ей через адвокатов, что она должна отработать на «XX век Фокс» еще четыре года. Мисс Монро устояла, твердо решив больше не играть счастливых дурочек, и одновременно вела себя парадоксально, как никогда. В самом деле, в марте она познакомилась с Ли Страсбергом и поступила в престижную Актерскую студию, но в это же время она, нацепив чулки в сеточку и соблазнительный лиф, взобралась на розового слона во время многолюдной вечеринки на Медисон-сквер-гарден (правда, цель была святая — собрать деньги для больных полиартритом) и согласилась выступить в роли билетерши на премьере «К востоку от рая» Элии Казана, представ по такому случаю блондинкой во всеоружии.

Не так-то просто избавиться от своего образа. И нелегко угнаться сразу за всеми зайцами. С этого времени Монро (вернее, ее комнату) прослушивает ФБР, за ней шпионит Ди Маджио, которому явно больше нечего делать, кроме как следить из подворотни за тем, кто ходит к его бывшей жене. Продолжая путать следы, она появилась с ним под руку на премьере «Семи лет желания» 1 июня, в день своего 29-летия. При этом она по-прежнему отрицает примирение между ними. Увидев несколькими днями раньше плакат высотой 15 метров, на котором она изображена в белом платье, взвивающемся над вентиляционным люком на Таймс-сквер, она разыграла свою роль перед прессой, но печально шепнула своему другу Илаю Уоллаку: «Вот что они со мной сделали…»

Светская Мэрилин увлекла счастливых Гринов в водоворот нью-йоркских вечеринок. Она много пила, пьянела от шампанского, тратила без счета. Материальные блага никогда ее не интересовали. Ее новые друзья, желавшие ей добра, явно относились к делу иначе. Ли и Пола Страсберг, быстро ее «удочерившие» и сделавшие талисманом Актерской студии, радовались этой нежданной манне с неба. Хотя они и заявляли, что их интересует лишь «мистическое пламя» Монро, они все же набили с ее помощью сундуки и переехали из небольшой двухкомнатной квартиры в просторные апартаменты, выходившие

на Центральный парк. Мэрилин, сомневавшаяся в себе и больше всего желавшая доказать, что она существует под этой белокурой рухлядью, сделалась ярой приверженкой пресловутого «метода», который Страсберг проповедовал в Актерской студии, соглашалась возрождать в себе впечатления детства, как побуждал к тому Ли, смиренно прорабатывала сложные сцены перед другими учениками и полностью подпала под влияние Страсбергов, поскольку лишь они, как ей казалось, воспринимали ее как настоящую актрису. Те же сразу разглядели ее неуверенность в себе, потребность в любви и в семье. Поэтому они часто приглашали ее в гости, осыпали комплиментами и советами. Очарованная их образованностью, стыдясь собственного невежества, Мэрилин поставила себя по отношению к ним в крайне зависимое положение.

Разумеется, вице-президент компании «Мэрилин Монро Продакшнз» не одобрял этой связи. Между Страсбергами и Гринами разразилась тайная война за исключительные права на Монро. Мэрилин не вмешивалась. Она никогда не вмешивалась в соперничество за нее. Похоже, ее девизом было «разделяй и властвуй». Во всяком случае, она не способна быть верной. С самого раннего детства ее приучили делить себя между несколькими семьями.

Критика пела ей дифирамбы за роль в фильме «Семь лет желания». Публика валом валила в кинотеатры. Летом 1955 года компании «XX век Фокс» пришлось признать, что глупая блондинка принесла ей целое состояние. Возможно, разумнее будет вступить с ней в переговоры. Осенью Голливуд начал переговоры с Милтоном Грином. К ноябрю они завершились полной капитуляцией киностудии. Мэрилин Монро снимется в четырех фильмах «XX век Фокс», с режиссерами и сценаристами по своему выбору, за общий гонорар в восемь миллионов долларов и сто тысяч долларов компенсации. Занук подал в отставку, его сменил Бадди Адлер.

В Нью-Йорке Мэрилин упивалась победой.

1955 год стал для нее истинным возрождением. Она не снялась ни в одном фильме, но ее жизнь изменилась. Под влиянием Ли Страсберга она занялась психоанализом. Недовольная завоеванным уважением, она решила обогатиться внутренне. Окружила себя «настоящими» друзьями. Ее ждут прекрасные фильмы и много денег. Ей кажется, что она повергла в прах свою белокурую соперницу. Кстати, в последнее время ее волосы приобрели более естественный оттенок, не столь пергидрольный. После энной бурной сцены Джо Ди Маджио

вернулся в Сан-Франциско. Во всяком случае, главное место в жизни Мэрилин отныне занимает другой мужчина, который одержит верх надо всеми остальными. Мужчина, о котором она уже давно мечтает. Его зовут Артур Миллер.

ПЕРЕД ГРЕХОПАДЕНИЕМ

Разум не выдержал. Мораль, здравый смысл, проницательность, семейный долг, общественный имидж, артистическая аскеза, служение литературе — все пало перед белокурой катапультой. Потребовалось четыре года, но, в конце концов, крепость Миллера сдалась.

Ангажированный интеллигент, противоречивый и уважаемый, почтенный сын, отец и муж, Артур Миллер априори должен был потерять всё, показавшись рядом с Мэрилин Монро. Сорокалетний еврей-драматург, совершенно не способный веселиться, скованный до невозможности, — и в обнимку с самой знаменитой красоткой в мире? Провальный сценарий, прямой путь в пропасть — и нежданная удача для прессы, не верящей своим глазам и хлопающей во все ладоши невероятному союзу «тела» и «духа». Но прежде чем самая невероятная история любви XX века вышла на божий свет, заполонив светскую хронику всех газет на свете, пришлось пройти через постыдное возбуждение от запретного, ложь, чувство вины, угрызения совести и опасности тайных встреч. Между началом 1951 года, когда начинающая актриса по имени Мэрилин разогрела уснувшее либидо драматурга, бывшего проездом в Лос-Анджелесе, и 1955 годом, когда они оба встретились в Нью-Йорке, положение дел изменилось. Отныне Монро — невыразимая сексуальная фантазия не только Артура Миллера, но и миллионов мужчин. А он, успешный драматург, вновь привлек к себе всеобщее внимание двумя годами раньше поджигательской пьесой «Салемские ведьмы». В 1955 году, когда все стены в Нью-Йорке были увешаны афишами с Мэрилин с задравшейся юбкой, Артур Миллер вносил последние исправления в свое очередное произведение — «Вид с моста», премьера которого состоится 29 сентября. Виделись ли Миллер и Мэрилин до того? Уже с 1952 года Мэрилин не может остаться незамеченной и ее поездки в Нью-Йорк не часты. Если связь и была, то, наверное, через письма. Мэрилин мечтала о браке с Миллером как о высшей степени признания, а он наверняка цеплялся за Мэрилин как за утешительную иллюзию, невозможную награду.

В 1955 году Нью-Йорк соединил их силой. Миллер был на премьере «К востоку от рая» и, как и весь зал, смотрел только на изящно вылепленную билетершу. Вернувшись домой, он попытался отогнать это видение холодным душем. Будь она голливудской куклой в бикини, драматург, наверное, устоял бы. А если бы уступил, то быстро взял бы себя в руки. Но, побывав на

некоторых нью-йоркских вечерах для интеллектуалов, Миллер с ошеломлением обнаружил, что это совсем другая женщина. Женшина, которую присутствующие не узнают, не видят. Она сумела сделаться прозрачной — это дарило ей покой, но, возможно, и давало понять, что ее не существует. Она призрак. Миллер же видел только ее — маленькую и хрупкую, без макияжа, сбросившую оболочку своего персонажа, заблудившуюся в своей истории и своей легенде, жаждущую быть понятой и любимой, учиться и знать, иметь немного уважения к себе самой. Взывающую о помощи.

«О! Папа!» — воскликнула она, бросаясь к нему в объятия.

Он уже не мог, не хотел больше представлять свою жизнь без нее.

Мэрилин Монро заполонила жизнь Артура Миллера — по-прежнему женатого, разрывающегося между миром, который он создал, и неизвестным, ненадежным и скандальным миром, который перед ним открывался. Остаться совершенным мужем и отцом, простить себе грешок неопасного буржуазного адюльтера — или рискнуть всем и отдаться на волю миража, новой отправной точки, новой жизни? Возродиться рядом с красивой и сексуальной женщиной, немыслимой для его круга, не подчиниться установившемуся семейному порядку, еще пожить — наконец-то пожить? Вот с чем столкнулся Артур Миллер в 1955 году. Некоторые называют это кризисом сорокалетия. У большинства мужчин он постепенно сходит на нет; у других он взрывает всё и вся. Миллер принадлежал к последним, еще противясь этому, чувствуя себя преступником во время кратких и наверняка разочаровывающих интимных встреч с предметом всех своих мыслей, своим болезненным наваждением, ослепленный, безумный, одержимый, освобожденный, убежденный в том, что все может уладиться, что все уладится. Это лишь временное помутнение рассудка. Поруганное дитя, девочка, вышедшая замуж в шестнадцать лет, девушка с обложки журнала для военных, без колебаний позировавшая нагишом (держал ли Миллер экземпляр того знаменитого календаря в глубине потайного ящика?), появлявшаяся на страницах всех иллюстрированных журналов в самых непристойных нарядах, хлещущая шампанское и засыпающая, лишь накачавшись барбитуратами. Чистое безумие.

Кстати, мог ли Миллер тогда не знать, что не он один наведывается в апартаменты номер 2728 в отеле «Уолдорф»? Как он выдерживал взгляды гостиничной прислуги, портье, сколько чаевых заплатил, чтобы купить молчание сообщников своего

несчастья? А публичные появления Мэрилин под руку с бывшим мужем? Но почему бы суровому Артуру Миллеру не испытывать определенного чувства гордости, зная, что он котируется наравне, даже соперничает с Марлоном Брандо, что ему покорилась самая красивая женщина в мире? Почему бы ему не возгордиться от того, что он — тайный любовник, тот, кого тщательнее всего скрывают, потому что он самый дорогой, самый ценный? Тот, кто надеется затмить всех прочих и удержать Травиату, не допустив ее рокового падения? С течением времени Миллер вышел на первый план. Об этом стало известно благодаря нескромности светской хроники: «Самая знаменитая белокурая актриса Америки стала подружкой человека, известного своими симпатиями клевым…» Кто-то проговорился. Со своей стороны, ФБР не пропустило ни звука из любовных встреч между Монро и Миллером.

Вскоре Мэрилин поселилась в небольшой квартирке в доме 2 по Саттон-плейс, куда Артур приходил регулярно, стараясь не привлекать к себе внимания. Она здесь больше не проездом. Такое впечатление, что она решила побыть здесь какое-то время. Она преобразила его, уверяют их общие друзья — поэты и писатели. Миллер потрясен. Никогда он не казался таким счастливым, таким влюбленным, таким молодым. Никогда она не выглядела такой трогательной, такой умиротворенной. Оба сияют, лучатся счастьем. Их тела беспрестанно ищут друг друга, их взгляды пересекаются и ласкают один другого. Они безумно любят. Поговаривают о браке. Артур Миллер принял решение. Вообще-то оно оказалось принято само собой. Жизнь после Мэрилин невообразима. Повернуть назад невозможно.

Она выиграла свое безумное пари. Самая хорошо оплачиваемая актриса в мире готовится вернуться в Голливуд с парадного входа. «XX век Фокс» покаянно встретила ее цветами и оркестром, поручив ей трагическую роль Шери в «Автобусной остановке» — фильме, который должен снять Джошуа Логан по пьесе, имевшей шумный успех на Бродвее. Перед тем Мэрилин с блеском выступила на сцене Актерской студии: после ее трогательного исполнения роли Анны Кристи в одноименной пьесе Стриндберга публика, состоящая из надменных актеров-любителей, аплодировала стоя, утирая слезы.

А 9 февраля 1956 года журналисты скопом устремились на очередную пресс-конференцию, созванную божественной блондинкой и именитым гостем — Лоуренсом Оливье. Милтон Грин пригласил великого английского актера экранизировать пьесу, которую тот с большим успехом исполнял вместе с Вивьен

Ли — «Принц и танцовщица», заменив в кино свою супругу на Мэрилин. Британская изысканность против американского секс-символа. Шекспир против Барби. Невозможный дуэт, неизбежный поединок. Выставив несколько требований, в частности, чтобы его имя красовалось на афише выше всех, сэр Лоуренс ввязался в авантюру. Сгорая от любопытства и нетерпения, он лично явился в Нью-Йорк, чтобы встретиться с Мэрилин и объявить во всеуслышание, что он сам поставит «Принца и танцовщицу» — первый совместный фильм компаний Мэрилин Монро и братьев Уорнер. В сиянии своей сценической славы сэр Лоуренс не ожидал приема, который окажет ему нью-йоркская пресса. Никто не обращал на него внимания. Все набросились на его партнершу, щелкая фотообъективами и засыпая ее острыми, насмешливыми вопросами. Желание Мэрилин, чтобы ее воспринимали всерьез, не могло пробиться сквозь скепсис критиков. Стрелы летели со всех сторон. Звезда не сдавалась и отвечала ударом на удар. Когда, наконец, выказали какой-то интерес и к Лоуренсу Оливье, уязвленному ролью фона, у его томной соседки очень вовремя лопнула бретелька на платье, вызвав всеобщий переполох. Пришлось очистить зал.

Сэр Лоуренс вскоре уехал обратно в Лондон — на ватных ногах, с помутившимся сознанием, вибрируя всем телом от волн, излучаемых Мэрилин, уверенный в том, что он влюбится в нее без памяти и в определенный момент упадет в ее объятия, не в силах противиться ее звериному магнетизму, стыдясь чувства к подобному существу, терзаясь при мысли о том, что совершил худшую ошибку в своей жизни, ввязавшись в съемки, которые не сулят ничего хорошего. Мэрилин тоже уехала из Нью-Йорка и приземлилась в Лос-Анджелесе, сдержанная и уверенная в производимом эффекте, светловолосая, в шикарном черном платье, застегнутом до подбородка, и в перчатках, под треск сотен фотоаппаратов и вопли тысяч поклонников, прождавших добрых два часа, прежде чем она удосужилась выйти из самолета.

«Это новая Мэрилин Монро?» — спрашивали репортеры.

«Изменилось только мое платье. А я все та же» (сюсюкающий голос и лукавая улыбка).

Несмотря на ее чувство юмора и умение обольщать журналистов, на запад вернулась все-таки новая Мэрилин. Более жесткая, холодная, неуправляемая, как никогда. По-прежнему кочующая с места на место, не имея постоянного дома. Милтон и Эми Грин сняли дом на бульваре Беверли-Глен, где она приткнулась на какое-то время перед отъездом в Аризону, там должны были снимать некоторые сцены из «Автобусной

остановки». Для этого фильма Монро потребовала у «XX век Фокс» нанять за большие деньги Ли Страсберга в качестве ее личного репетитора. Но Ли не мог оставить Актерскую студию на такое продолжительное время и отправил вместо себя свою жену Полу — небольшую пухленькую фигурку в черном платье, черном шарфике, черных очках, что-то вроде старинной дуэньи с суровым лицом, которая отныне следовала за Мэрилин по пятам, словно совесть, вызывая к себе ярую ненависть со стороны всех режиссеров и технических сотрудников. Дело в том, что по возвращении из Нью-Йорка, после годичного отсутствия, Мэрилин без всяких объяснений дала отставку Наташе Лайтесс.

Недостойно. Отказалась ее видеть и разговаривать с ней по телефону. Как можно понять такой жестокий, априори бессмысленный поступок, к тому же неожиданный со стороны актрисы по отношению к очень близкому и много сделавшему для нее человеку? Неужели она до такой степени подпала под влияние Страсбергов? Хотела перечеркнуть свое прошлое и начать с нуля и свою карьеру, и свою жизнь, для чего приходилось принести в жертву Наташу? Возможно, та действительно собиралась написать книгу о Мэрилин, что привело актрису в страшное бешенство? Во всяком случае, она больше не нужна Монро. Та не переменит своего решения, не ответит ни на одно из отчаянных писем, которые Наташа будет ей посылать до самого 1962 года. Они больше никогда не увидятся.

Теперь уже Пола Страсберг, недобро прозванная киношниками «черной баронессой», неотступно находилась при Мэрилин, лелеяла ее, льстила ей, гладила по шерстке, нашептывала нежные слова. Грин и, разумеется, Миллер ненавидели Полу от всего сердца[17]. В центре этого глухого соперничества новая Мэрилин, решившаяся уничтожить старую, пошла напролом: она все поставила на карту, взявшись за роль Шери — бедной бесталанной девушки, надломленной недостатком любви и потерянными иллюзиями, которую, в конце концов, соблазнит необузданный и наивный ковбой. Всполошив «XX век Фокс», актриса решила, что в «Автобусной остановке» будет сниматься в костюмах, которые сварганит себе сама, а не сшитых по заказу. Ее кожу покроет белесая косметика, волосы будут тусклыми, с оранжевым отливом. В довершение всего она говорит крикливым голосом с жутким выговором и фальшиво поет песню в сцене, происходящей в салуне. Ошарашенные руководители киностудии пытались воспротивиться этой опасной прихоти в фильме, знаменующем собой возвращение на экран Мэрилин Монро. Им нужен секс-символ. Но актриса, при поддержке Милтона Грина и Джошуа Логана, стояла на своем.

Узнав, что Шери будет играть Мэрилин, режиссер сначала вопил и рвал на себе волосы, особенно когда ему сообщили о навязанном присутствии вездесущей Полы Страсберг. Репутация Мэрилин — неуправляемой, чудовищно опаздывающей, способной переигрывать одну и ту же сцену бессчетное количество раз и выходить за рамки любого бюджета, уже облетела весь свет. Логан боялся сойти с ума. С другой стороны, он не верил в ее талант актрисы и принимал за девушку из календаря. В качестве утешения он добился от «Фокс», чтобы Пола оставалась за кулисами и не появлялась на съемочной площадке.

Джошуа Логан быстро изменил свое мнение (в лучшую сторону). Члены съемочной группы — тоже (в худшую). Бывшая застенчивая и робкая актрисуля, у которой всегда находилось ласковое слово для каждого, теперь стала безразличной, холодной, сосредоточенной женщиной, которая говорила только с Полой, слушала только Полу, заставляла снимать дубль за дублем, пока Пола не оставалась довольной. И при этом по-прежнему вела борьбу с тоской и заниженной самооценкой, войну с самой собой, из-за чего ей порой требовалось несколько часов, чтобы, наконец, выйти из гримерки и подставить себя чужим взглядам и суждениям. Но в финале результат был потрясающим, в Мэрилин кричала трагическая правда, эмоции, она была пленницей, угодившей в ловушку, старающейся сбежать, вырваться из лассо мужчины, который хочет обладать ею. Утомленная жизнью и настигнутая любовью, Мэрилин, не колеблясь, обезобразила себя, чтобы создать новую личность, изуродовалась, чтобы возродиться. Логан был вынужден признать, что он впечатлен игрой Монро, даже объявил ее гениальной, сравнивал с Гарбо и Брандо. Отчаяние, которое он порой испытывал, когда актриса впадала в ступор, и уйма времени, которую она тратила на поиски своего персонажа, с лихвой оправдались. Настоящая профессионалка, безжалостная к себе, уникальная на экране, оправдывающая все затраты и расшатанные нервы.

Вскоре съемочная группа отправилась в Аризону снимать сцены родео. Артур Миллер на полтора месяца поселился неподалеку оттуда, в Неваде, чтобы ускорить процедуру развода со своей женой Мэри. Любовники тайком встречались по выходным в Лос-Анджелесе, в замке Мармон, где Мэрилин сняла апартаменты — из стремления быть независимой от Гринов и из-за неспособности долго жить в одном и том же месте. Хотя слух об их связи теперь уже был у всех на устах, Миллеру и Мэрилин

требовалось держать ее в строжайшей тайне. С одной стороны, потому что писатель, хотя и расстался с женой, официально все еще состоял в браке и отношения с будущей бывшей супругой складывались не лучшим образом[18]. С другой стороны, потому что его взял на заметку Комитет по антиамериканской деятельности. Так что кинозвезда и драматург неосмотрительно рисковали, встречаясь в конце недели в роскошных апартаментах, откуда они не выходили три ночи. Если Миллер принимал свой личный выбор и его последствия (конец шестнадцати лет брака, болезненный гнев Мэри, смятение их двоих детей) относительно безмятежно (за шесть недель, проведенных в Рено, он даже начал писать новую пьесу), Мэрилин выводило из равновесия это более-менее тайное, неофициальное положение, когда она пока оставалась любовницей женатого мужчины, разрушившей его брак. Девочке, желавшей, чтобы на нее смотрели, нужен свет. Пусть правда выйдет на всеобщее обозрение, пусть все знают. что Артур Миллер, великий интеллектуал из Нью-Йорка, и Мэрилин Монро любят друг друга, пусть вся Земля получит доказательство, что она не только тело, «соломенная голова»! Она больше не в силах терпеть.

В понедельник, когда съемки возобновились, она не может сосредоточиться и снова стать Шери. Тем более что работа проходит в напряженной обстановке. Актрису рвет между дублями. Она плачет и звонит Миллеру по телефону. Съемочная группа ее ненавидит, она в этом уверена; Логан ее тиранит, хотя он, как она считает, — величайший режиссер, с каким ей до сих пор приходилось иметь дело. Что же до героя-любовника, приглашенного ей в партнеры, Дона Мюррея, он ведет себя с ней ужасно — невыносимый, тщеславный, презрительный, так что во время съемок одной бурной сцены она ударила его по-настоящему и после отказалась извиниться. Никто ее не уважает, ей это надоело. Хорошо еще, что Пола здесь — заставляет ее махать руками, чтобы успокоиться, и осыпает похвалами.

О, папа, как ты мне нужен.

Миллер слушает ее в телефонной кабинке, покрывается потом, шатается. Каждый вечер он ждет звонка Мэрилин под условным именем; от ее запинающегося и нежного, как шелк, голоска его словно бьет током. Однажды он даже потерял сознание.

В июне 1956 года только что разведенный[19] Артур Миллер вернулся в Нью-Йорк, куда раньше его приехала Мэрилин, развязавшись с «Автобусной остановкой». Теперь им трудно, просто невозможно не явить свою любовь в открытую, на радость

репортерам. Журналисты дежурят перед домом Мэрилин двадцать четыре часа в сутки, отслеживают любые ее перемещения, знают все служебные входы и запасные выходы, вычисляют ее под париком, распознают без косметики. Захлебываясь в волнах, которые сама же и подняла, напуганная молодая женщина прячется среди белой мебели и шампанского, реальный мир раз за разом отступает все дальше, пропуская вперед мир стерилизованный, замкнутый и придуманный. В своей башне из слоновой кости Мэрилин, изгнанница своего образа, старается отдохнуть от битв, неизбежно разгорающихся в ее окружении, как будто люди, которые ее любят, могут лишь ненавидеть друг друга и рвать ее на части. Одержимая паранойей, она никому не доверяет, считает, что ее осаждают враги, поджидает предательство, плохо отличает «истинных» друзей от тех, кто ее использует, не видит настоящих врагов, увлекается кем-то, потом внезапно резко его отталкивает. Как только закончились съемки, в Мэрилин Монро восторжествовали одиночество и пораженчество. Ее жизнь невообразимо печальна. Она проводит дни среди белых стен, а часть ночей — вися на телефоне, оглоушенная успокоительными или возбуждающими средствами, совершенно распустившись, спит неважно как, ест неважно что, стараясь не приближаться к окнам, в которые ее могут увидеть и в которые ей может сильно захотеться выпрыгнуть.

Постоянно находясь рядом с ней, ее нью-йоркская прислуга Лена Пепитоне регулярно присутствует при невероятном преображении своей хозяйки, когда ей по каким-то причинам вновь нужно превратиться в Мэрилин Монро — мировой секс-символ. Ее парикмахер, гример, костюмер, маникюрша, массажист — все эти ловкие руки, лепящие белокурую куклу, не подозревая в себе кукольников, никак не могут привыкнуть и неизменно испытывают потрясение, когда после восьми-девяти часов такой лепки из маленького, хрупкого, угасшего, некрасивого и порой вонючего существа появляется самая красивая женщина в мире, непобедимая и грозная.

Маленькая девочка старается удержаться на ногах между ними двумя, лавирует между этими крайностями, рискуя утонуть, задумывается, зачем все это нужно, любит принимать гостей голой и ненакрашенной, чтобы сломать легенду и проверить, точно ребенок, любят ли ее ради нее самой. Но только дома. На публике (она это знает) она за Мэрилин Монро как за каменной стеной. Невозможно выйти в люди без нее. Ее на куски разорвут.

За малейшую неосторожность придется расплачиваться.

Но 21 июня 1956 года, на заре, Мэрилин допустила ошибку. Она думала, что еще слишком рано, что никто ее не сторожит и не увидит, как она, без косметики и парика, в простых черных очках, тайком выскользнет из дома. Она хочет бежать. От чего? От кого? Но не может. Когда она поняла, что ошиблась, было уже слишком поздно. Журналисты повыскакивали отовсюду, взяли ее в кольцо, не давая идти вперед и вернуться домой. Она оказалась в ловушке, зажатая у дверей своего дома, со всех сторон засверкали вспышки фотокамер — безжалостные, бесчувственные к мольбам затравленной жертвы, пытавшейся заслонить свое лицо, взывавшей к сочувствию, умолявшей, плачущей, ослабшей.

«Оставьте меня, ребята, я ужасно выгляжу, сжальтесь надо мной, ребята, оставьте меня!»

Все тщетно. Они хотят все знать, все забрать, все продать. Чтобы остановить их, Мэрилин вынуждена признаться в своей связи с Артуром Миллером. Под пыткой сознаются в преступлениях, которых не совершали.

Фотографии Монро без косметики облетели весь мир.

В тот же день Артур Миллер явился по вызову в Комитет по антиамериканской деятельности. Чтобы сопровождать Мэрилин в Лондон, где летом должны были начаться съемки «Принца и танцовщицы», он подал заявление на получение загранпаспорта. Дать разрешение мог только комитет. Страшилась ли Мэрилин этого вызова, боясь, что Миллера могут «прикончить»? Или же именно она, напротив, из мстительности побуждала его не уступать и не называть никаких имен. Сражение между «миллеристами» и «монроистами» не имело большого значения. Мэрилин совсем не разбиралась в политике. Ее сочувствие к слабым, в том числе животным или растениям, было лишь инстинктивным проявлением высшего эгоцентризма, когда малейшее несчастье (растоптанный цветок) напоминало ей о собственном провале или вызывало манию преследования. Ясно одно: Монро был нужен герой. Чтобы любить мужчину, она должна безгранично им восхищаться. У Миллера не оставалось выбора: если он не хочет утратить уважения своей возлюбленной, он должен проявить мужество, рискуя поломать свою карьеру, как многие художники того времени, которым запрещали заниматься своим ремеслом — и это в лучшем случае. Он утверждал, что председатель комитета якобы предложил ему тайком «договориться по-хорошему»: пусть даст свою фотографию с Мэрилин Монро — и все уладится.

Миллер поостерегся рассказать об этом своей красавице.

И 21 июня 1956 года, когда Мэрилин после нападения журналистской своры вновь забаррикадировалась у себя дома, находясь на грани нервного срыва, и горстями глотала транквилизаторы, чтобы прийти в себя, Артур Миллер в Вашингтоне признался комитету в том, что несколькими годами раньше присутствовал на собраниях коммунистов, но отказался назвать других участников этих собраний. На вопрос «зачем вам нужен паспорт?» он ответил: «Чтобы поехать в Англию с женщиной, на которой я собираюсь жениться». Эта информация сразу перевесила все остальные новости и в один миг облетела все газеты. Ошеломленная, даже разъяренная Мэрилин узнала по радио, что она скоро станет миссис Артур Миллер, хотя последний еще официально не испрашивал ее согласия. Как будто это само собой разумеется. Ее застали врасплох. Кроме того, после утренней переделки ей нужно было отыграться перед прессой. Она спешно призвала на помощь своих обычных помощников и после полудня собрала журналистов на небольшой

брифинг на пороге своего дома. Приведя себя в порядок и подготовившись вести игру, Мэрилин Монро — широко улыбающаяся, полная уверенности и лукавства — подтвердила скучившимся репортерам, что скоро выйдет замуж за Артура Миллера. Тем временем комитет объявил драматургу десятидневный ультиматум.

Официальное сообщение о союзе между секс-бомбой и ангажированным писателем попало на первые полосы газет всего мира. Отовсюду съезжались спецкоры. Чтобы получить хоть немного покоя, Миллер быстро усвоил правила игры: соглашаться, время от времени давать интервью и несколько фотографий. 29 июня шесть десятков журналистов «пригласили» к Миллеру в Коннектикут. Пока пара тайно обедала неподалеку, в семейные владения явилось более четырехсот репортеров. В разгар дня корреспондентка «Пари матч», устроившая слежку за актрисой и писателем, разбилась на машине. Ее кровь забрызгала желтый пуловер Мэрилин, которой несколько минут спустя, приняв лошадиную дозу успокоительных, пришлось выйти к прессе. Дурное предзнаменование, шепнула Пола Страсберг. В тот же вечер судья объявил их с Миллером мужем и женой. Срок ультиматума, объявленного комитетом, истекал на следующий день. Писатель не поддался. Мировая аура, окружавшая его благодаря браку с Мэрилин Монро, неоспоримо сыграла в его пользу. Осужденный за оскорбление правосудия, Миллер тем не менее получил свой паспорт (абсурдное решение; поговаривали, что на него повлияло тайное вмешательство сенатора Кеннеди).

Первого июля 1956 года Мэрилин в бело-фиолетовом платье, только что обратившаяся в иудаизм после двухчасового сеанса с раввином-реформистом, заперлась на втором этаже дома, снятого по случаю религиозной свадебной церемонии. Рядом с ней были Грины и Страсберги. Внизу несколько тщательно отобранных гостей дожидались новобрачную, даже не подозревая о драме, которая разыгрывалась у них над головой: Мэрилин Монро больше не хотела замуж за Артура Миллера[20].

Внезапный страх разочаровать, разочароваться самой, оказаться не на высоте, вновь попасть под власть своих демонов, не сохранить верности телу одного мужчины. Сознание того, что тобой манипулируют, что ты уже ничего не решаешь. Неспособность созидать. Возможно, ощущение того, что ее бег от пропасти и времени скоро завершится. И что если она еще раз потерпит неудачу с человеком, на которого возлагает все свои надежды, от которого требует невозможного и ожидает всего, она, наверное, умрет. Мэрилин страшится чудовища внутри себя.

«Если не хочешь замуж, не выходи, — сказал ей Милтон Грин. — Беру все на себя».

Но зов семьи оказался сильнее. Вместе с Артуром Мэрилин обрела также мать, Аугусту, а главное — отца, Исидора, обоим было чуть больше семидесяти лет. Она сразу же прониклась к ним огромной нежностью. «Вы позволите мне называть вас папой и мамой? Я впервые смогу назвать кого-то папой и мамой». Взволнованные старички тотчас ее удочерили.

Тогда Мэрилин Монро спустилась вниз в третьем или четвертом белом платье печальной весталки, под восхищенными взглядами детей и родителей Миллера. И сказала всем «да». «Да» надежде. На обручальных кольцах, которыми обменялись новобрачные, были выгравированы слова: «Сегодня и навсегда».

МИССИС МИЛЛЕР

В Англию самая знаменитая пара в мире прибыла 13 июля 1956 года. Ее со всевозможными почестями и неизбежной толчеей встретили сэр Лоуренс Оливье, Вивьен Ли и сотни журналистов, отринувшие по такому случаю свой легендарный флегматизм. Молодожены скрылись в роскошном замке — Парлсайд-хаус, поместье из пяти гектаров по соседству с владениями королевы, за высоким забором, с добрым десятком спален и полудюжиной слуг. 24 июля в честь их приезда был устроен роскошный прием, на который явились все английские аристократы и знаменитости. Британская пресса пыталась выслеживать голубков, повсюду продавались знаменитый скандальный календарь и сувениры. Не вполне привыкнув к роли ярмарочной диковинки, чувствуя себя неловко среди роскоши, шедшей вразрез с его политическими убеждениями, не выдерживая истерии, вызываемой его женой, Миллер съежился и еще больше замкнулся в себе — именно в тот момент, когда жена, мучимая комплексом неполноценности, взывала к нему о помощи. Между ними понемногу начинала расти стена непонимания. Обескураженная явной холодностью своего супруга, одолеваемая подтачивающей ее бессонницей, приходящая в ужас от мысли о том, что ей придется появиться перед камерой, Мэрилин искала убежище в алкоголе и лекарствах, цеплялась за кого-нибудь, кто сможет ее успокоить. Из Америки она приехала не одна. Пола Страсберг, Милтон Грин и Хедда Ростен — нью-йоркская подруга, сильно приверженная к бутылке, — оспаривали друг у друга право составить ее свиту.

В конце июля, когда начались съемки, Мэрилин Монро представляла собой наполовину обрушившийся монумент, от которого остался фасад, да и тот держится только чудом. Машина, приезжавшая за ней каждое утро к семи часам, после нескольких часов ожидания увозила чаще всего измотанное существо, не спавшее всю ночь, дрожащее от страха, боящееся чужого суждения о своей игре и разрывающееся между противоречивыми порывами. Джошуа Логан позволил себе дать Лоуренсу Оливье несколько советов в письменном виде: проявлять к Мэрилин безграничное терпение, не обходиться с ней грубо, не навязывать ей манеру игры, а позволить найти ее самостоятельно (даже если это займет много времени) и постараться оттеснить в сторону «черную баронессу». Результат того ст***о***ит, подчеркнул он: Мэрилин Монро — потрясающая актриса, на экране она уникальна. Кстати, в начале августа вся мировая пресса расхваливала ее игру в «Автобусной остановке».

Даже те критики, которые раньше поливали ее презрением, теперь были у ее ног. Ее наконец-то оценили по заслугам. Ее имя называли в связи с грядущей церемонией вручения «Оскара»[21].

Но сэр Лоуренс, которому и так уже приходилось тяжко из-за домашних скандалов с женой[22], не проявил никакой чуткости к своей партнерше. Наоборот, он делал один промах за другим, представил Мэрилин членам творческой группы снисходительным тоном, не укрывшимся от нее: «Мисс Монро, очаровательная особа, прибывшая из Голливуда и не привыкшая работать так, как мы». Выведенный из себя ее чудовищными опозданиями режиссер однажды брякнул: «От тебя, Мэрилин, требуется только быть сексуальной». Возможно, что он, воображавший себе пикантную интрижку с секс-символом, был обижен недостатком внимания к себе с ее стороны, тем, что не произвел на нее сильного впечатления. Возможно, он истолковывал ее поведение как неуважение к его авторитету и не понимал, что в первое время Мэрилин впадала в ступор от робости, от того, что играет в паре с одним из величайших шекспировских актеров. То, что он принимал за американскую вульгарность, на самом деле было болезненной застенчивостью. Мэрилин была совершенно лишена тщеславия. Она изо всех сил старалась не ударить лицом в грязь и показать себя хорошей актрисой. «Будь сексуальной», оброненное Лоуренсом Оливье, ее подкосило. С этих пор она с ним больше не разговаривала. На указания мэтра она систематически отвечала вопросом, обращенным к Поле Страсберг: «Что он говорит?» Иногда уходила с площадки среди дубля, заставляла остальных актеров часами ее дожидаться или не возвращалась совсем, впадая в прострацию. Лоуренс Оливье метал громы и молнии и срывал зло на Милтоне Грине, щекотливая задача которого состояла в том, чтобы не потерять деньги в качестве продюсера и при этом остаться на стороне Мэрилин. Миллер, совершенно не справляясь с ситуацией, раздраженный присутствием Полы, целыми днями метавшийся по комнате, как лев в клетке, не в силах написать ни строчки, изнуренный ночами без сна, думал лишь о том, как поскорее вырваться из этого кошмара. Его обуревали сомнения. В своей записной книжке он задается вопросом: а что если сэр Лоуренс в чем-то был прав, когда утверждал, что женщина, которую он, Миллер, принял за ангела, на самом деле была шлюхой, доставлявшей одни проблемы? Приговор неумолим: «Единственная женщина, которую я любил в своей жизни, — это моя дочь»[23].

Записная книжка попала в руки Мэрилин.

Признание Артура Миллера убило ее окончательно.

Монумент рассыпался в прах. Видя, что катастрофа неминуема, Пола попросила Анну Фрейд провести несколько сеансов и призвала на помощь мужа, который тотчас примчался из Нью-Йорка вместе с психоаналитиком Мэрилин. «Дорогая, ты самая невероятная женщина, самое несравненное создание всех времен и народов; не представляю, кто бы мог тебя превзойти, даже Иисусу это не под силу: ты еще более популярна, чем он», — неустанно твердила Пола актрисе при Лоуренсе Оливье, который ушам своим не верил. Убаюканная грубой лестью, Мэрилин худо-бедно оправилась и закончила работу над фильмом. В последний день она своим дрожащим голоском попросила у съемочной группы прощения за то, «что была такой бякой».

И в очередной раз произошло чудо. На кинопленке Монро была великолепна, как никогда, со светлыми волосами естественного оттенка, отливающими рыжиной, трогательной, совершенно затмевающей Лоуренса Оливье (ему пришлось это признать), который, наоборот, выглядел со своим моноклем и снисходительной манерой речи зажатым, сморщившимся, застывшим и ледяным. Мэрилин с большими синими глазами, молящими о любви, в белом платье, со своими изумительными изгибами, упругими животиком и попкой, заполняла собой экран на всем протяжении фильма и, как обычно, пропитала свою роль бьющей через край человечностью. Непосредственная, сияющая («Самая радостная роль Мэрилин Монро» — значилось в афише) актриса сумела выставить на первый план свойственную ей смесь из чувственности и невинности. «Принц и танцовщица» — сентиментальная комедия на розовой водичке, полная штампов и невероятных длиннот. Только светлое присутствие неотразимой Мэрилин, у которой мушка переехала на подбородок, еще могло оправдать интерес к этому фильму[24] с пошловатым сюжетом (иностранный принц поддается чарам американской танцовщицы из лондонского кабаре). Однако роль Элси Марины была весьма поверхностной, вернув актрису к тем героиням скромного происхождения, с большим сердцем, простодушным, нежным и сентиментальным, от которых она хотела отделаться, но именно они и приносили ей любовь зрителей. На взгляд публики, Мэрилин оставалась вечной сироткой.

На экране и во время официальных приемов, в том числе перед королевой Елизаветой II, которой ее представили, Мэрилин, не в обиду будет сказано сэру Лоуренсу, была, конечно, лучшей актрисой в мире, умудряясь изобразить якобы непосредственные вкус к жизни, радость, легкость и наивность, хотя в ней самой звучало лишь эхо разбитых надежд.

В октябре 1956 года Мэрилин Монро и Артур Миллер вернулись в США, уцепившись друг за друга, точно за дыхательный аппарат. Актриса решила не работать несколько месяцев, чтобы избавить себя от кошмарного испытания новых съемок, и приложить все усилия, чтобы сохранить свой брак, пошатнувшийся после пребывания в Лондоне[25]. У родителей Миллера она научилась готовить еврейские блюда. В деревушке Амаганзетт в Лонг-Айленде, где они с Артуром снимали виллу, она сопровождала его на рыбалку. На данный момент Мэрилин одержима навязчивой идеей: иметь ребенка. Ей тридцать лет, и она хочет, чтобы в ее теле, заставляющем грезить всю планету, помыкаемом, манипулируемом, тысячи раз поруганном и обласканном, безразличном и фригидном, впервые пробудилась жизнь. Артур рад и одобряет решение своей жены. Избавившись от всей этой клики, которая обычно бродит вокруг нее, вдвоем (или почти), они, возможно, смогут жить, как нормальные люди. Он также надеется вернуть свою музу, умолкшую в последние месяцы. В Лондоне он написал лишь небольшой рассказ «Неприкаянные», в память о своем вынужденном пребывании в Рено, в Неваде, посреди претендентов на развод и старых умудренных жизнью ковбоев.

Разрываясь между Амаганзеттом и новой нью-йоркской квартирой на 57-й улице, Мэрилин и Миллер пытаются жить вместе. Пока он силится что-нибудь написать, миссис Миллер ходит на рынок рыбацкого поселка или, под черным париком Зелды Зонк, бродит по Манхэттену, посещает музеи, заглядывает в бедные кварталы, кормит голубей и рыбок. Ей нужно постоянно двигаться, перемещаться с одного места в другое, наполнять дни и ночи жизненно важными движениями. Она постоянно в бегах. Дома Мэрилин пылесосит, моет посуду и изощряется в кулинарии. Возврат к эпохе Дагерти, к мечтам Ди Маджио. Все то, чем она никогда не хотела быть и никогда не была. Но разве это не единственный способ услышать, как бьется ее сердце? Как не согнуться под такими парадоксами? Мэрилин больше не держит себя в руках и толстеет на глазах. Свидетели говорят, что ее разнесло. Но ее чрево по-прежнему пусто, а тело засасывает в трясину бессонницы и печали. По ночам Миллеру приходится держать ее за руку и успокаивать. Иногда она засыпает только на рассвете, виня себя за то, что не дает драматургу работать. В начале 1957 года она легла в больницу на Манхэттене. Официально — чтобы пройти гинекологическое обследование. На самом деле — из-за нервной депрессии. Артур окружил ее отеческой любовью. Восстановив силы, она сменила психоаналитика, уцепилась за соломинку быта, успокоилась в

образе Мэрилин Монро, изредка появляющейся на публике по случаю рекламных кампаний или открытия памятников (всегда с невероятным опозданием), скрывала свои слезы от супруга. Хотя «XX век Фокс» запретила ей это делать и даже пригрозила санкциями, она поехала с ним в мае в Вашингтон, куда его снова вызвали. «Я горжусь позицией своего мужа и буду поддерживать его до конца», — твердо заявила она прессе. Гордая и одновременно иссушаемая, напуганная продолжительными молчаниями Миллера, которых она не понимает и принимает за осуждение, поскольку его холодность граничит с презрением. Месяцем раньше, посмотрев смонтированный фильм «Принц и танцовщица», Мэрилин, страшно разочарованная, по совету Артура положила конец сотрудничеству с Милтоном Грином, которого тут же заменил человек из окружения драматурга. Теперь он сам читал сценарии, которые присылали его жене, выбирал, набивался в соавторы. Он же должен был снабжать ее медикаментами и другими паллиативными средствами, необходимыми, чтобы утишить тоску. Он же удержал ее однажды, когда она хотела выпрыгнуть в окно их квартиры.

В июне премьера фильма Лоуренса Оливье, где расцветшая Мэрилин появилась под руку с Миллером, не удовлетворила критику, которая, однако, пощадила актрису, похвалив ее игру. Но она в очередной раз не была номинирована на «Оскар» и получила лишь второсортные награды. Киношный мир как будто давал ей понять, что никогда ее не примет. Несмотря на все усилия перечеркнуть свое прошлое, тень блондинки по-прежнему настигала ее, отказывая в респектабельности, к которой она так стремилась.

Летом она обнаружила, что беременна. К величайшей радости примешалась угнетающая тоска. Воспоминания, оцепенение задушенного и поруганного тела, переставшего расти. 1 августа Миллер услышал крик дикой боли и нашел ее в саду Амаганзетта почти без сознания. Мэрилин теряла ребенка. «Скорая помощь» три часа везла ее в больницу. Держа в своей руке руку Миллера, Мэрилин, испытывая ужасные муки, прислушивалась к надвигающейся смерти. Несколько дней спустя она храбро улыбалась журналистам, которые подстерегли ее у выхода. Но больше не появлялась на публике до конца года.

Поправляться она уехала в деревню. Миллер купил на ее деньги старую ферму в Роксбери, которую они заселили разными животными. Думая сделать приятное жене, которую он окружил исключительной заботой, писатель переделал для нее рассказ «Неприкаянные» в киносценарий. Он сильно развил роль Розлин,

предложив ее Мэрилин. В залог любви, по его словам, поскольку он утверждал, что не любит писать сценарии, унижая тем самым свое искусство, — ради денег, говорила она про себя. Во всяком случае, ей не понравились ни сюжет, ни героиня, сломленная жизнью, маниакально-депрессивная, слишком похожая на нее, списанная с нее. Артур воспользовался их личной жизнью. Неужели и он тоже хочет извлечь из нее выгоду? Что ей делать? Снова попытаться родить? Сняться в фильме? В Роксбери, где Миллер строчил не переставая, она смертельно скучала, только когда приходили дети Артура, она могла играть с ними, как девчонка. Но, в конце концов, устав изображать образцовую домохозяйку, Мэрилин вернулась в Нью-Йорк. Ее дни состояли из визитов к различным врачам, занятий в Актерской студии и бесчисленных телефонных звонков во все концы США. Среди самых верных ее собеседников, всегда готовых помочь и успокоить, был неизменный Джо Ди Маджио.

Частная жизнь искрящейся Мэрилин Монро была болезненно мрачной. Молчаливые ужины наедине с Миллером были для нее мукой. Она горстями глотала капсулы, взяв в привычку запивать их спиртным и протыкать, чтобы скорее подействовали. Вплоть до отравления. Муж однажды вечером спас ее в последний момент. Неотложка. Промывание желудка. Ей нужно вырваться из этой ловушки. Она должна сниматься, твердит ей Миллер. Тем более, добавляет он, что их ресурсы иссякают. Его развод, алименты, выплачиваемые бывшей жене, и судебный процесс почти разорили его. Он уже давно ничего не писал (подразумевается — из-за нее). Они оба живут на гонорары Мэрилин. Новый фильм будет очень кстати.

Курочке, несущей золотые яйца, уже давно пора снести яичко.

Но сниматься в «Неприкаянных» — нет, Мэрилин этого не хочет, даже если режиссером будет Хьюстон, как уверяет ее муж. Настойчивость Миллера ее раздражает. Отчаяние Розлин ее пугает. И вот, уступив уговорам Артура, она сделала выбор среди глупых блондинок, которых ей ежедневно предлагают в сценариях, забивающих ее почтовый ящик, и согласилась — уязвленная, разъяренная, униженная — сыграть Душечку в новой комедии Билли Уайлдера «В джазе только девушки»[26]. Ей предложили миллион долларов.

Самая дурацкая роль за всю карьеру, вздыхала она.

«ЛЮБВИ КОНЕЦ, Я НЕ ПОДДАМСЯ ВНОВЬ…»

«В джазе только девушки» — наверное, самый знаменитый фильм Мэрилин Монро, а нежная Душечка — самая замечательная ее роль. Но весной 1958 года актриса относилась к ней иначе. Безголосая певица, играющая на укулеле, прикладывающаяся к бутылке и мечтающая подцепить миллиардера, до того глупая, что подружилась с двумя музыкантшами, не заметив, что на самом деле это переодетые мужчины, — вот, значит, какой ее представляют в Голливуде? Возвращение к блондинке, потому что Душечка будет белокожей и обесцвеченной. А как же уважение, которое должен был принести ей брак с интеллектуалом? Она злится на него. Накапливает обиды. Он женился на ней из чистого тщеславия? Или из расчета? Ее доверие к нему исчезло одним лондонским вечером. И больше не вернется. С другой стороны, после полутора лет творческого простоя трудно преодолеть страх перед камерой, боязнь оказаться не на высоте, выглядеть карикатурой на саму себя. Как это сделать без перворазрядного медицинского арсенала и злоупотребления «методом Страсберга»? Не говоря уже о сосуществовании с Уайлдером — ограниченным тираном. Они убьют меня, говорила себе Мэрилин во время приступов паранойи, они убьют меня все, как только выкачают мою боль до последней капли и поймут, что я больше не приношу им денег.

По настоянию Артура Миллера, Билли Уайлдер лично явился в Нью-Йорк, вместе с двумя актерами, которым предстояло составить трио с Монро, — Тони Кёртисом и Джеком Леммоном, — чтобы ее успокоить. Сила солому ломит: она смирилась, села на диету и стала тихо готовиться к летним мучениям (съемки должны были проходить в Лос-Анджелесе с 4 августа по 17 сентября). Опираясь на Ли Страсберга, она отправилась на поиски Душечки. Прежде чем воплотить ее на экране, нужно понять ее суть, постичь все тонкости и парадоксы, из которых состоит эта героиня. И не позабыть исторгнуть из себя тонкую смесь комического простодушия и сладострастия, составляющую всю ее силу.

И 8 июля 1959 года Мэрилин вернулась в Голливуд, сияя светлой красотой, соответствующая своему имиджу, лукавая, неотразимая. Ей потребовалось больше двух часов, чтобы выйти из самолета. На ужин, устроенный в ее честь, она прибыла в тот

момент, когда гости уже начинали уходить. Ее парализовал страх перед толпой, перед чужими взглядами, загоняя в порочный круг самообвинения, самовысмеивания и самобичевания. Каждый раз ей удавалось вырваться из него ценой неслыханного насилия над собой. Отныне Мэрилин как можно больше времени проводила в своем временном жилище (гостиничных апартаментах), ходила там голая, всегда в обществе необходимой Полы. Артур Миллер, которому сначала вынесли приговор, а в конечном счете избавили от судебных преследований, писал ей из Амаганзетта любовные письма. «Ты моя идеальная женщина, ты ведь знаешь об этом, не так ли?» Вот в чем проблема. Находясь от него за тысячи километров, Мэрилин Монро была для драматурга всего лишь мечтой. Как раньше. Как все эти годы, когда он тайно грезил о ней, наслаждаясь и терзаясь угрызениями совести. Он женился на самой красивой женщине в мире. Каждый день он должен ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон. Она же заявляет, что она просто женщина, со всеми естественными желаниями для женщины. Она вдруг стала счастлива, обнаружив, что снова беременна. На сей раз она доведет беременность до конца, она это чувствует и так этого хочет. Вот это самое важное. На фильм она плевать хотела (к тому же фильм еще и черно-белый из-за проблем с гримом, против чего она категорически восставала). Она почти решила все отменить, чтобы думать только о ребенке и не подвергаться никакому риску. Но нет, но нет, вмешался Миллер. Дела-то всего на сорок пять дней. В середине сентября всё будет кончено и она сможет отдохнуть.

Мэрилин послушалась.

От съемок «В джазе только девушки» в истории остались в основном невообразимые опоздания Мэрилин (до девяти часов), ее неспособность запомнить реплику из четырех слов («Где же этот бурбон?»), сцены, которые переигрывали по полсотни раз под надзором Полы Страсберг, бешенство Уайлдера, которому приходилось ложиться на пол между двумя ударами хлопушки, потому что из-за стресса у него разболелась спина, фраза Тони Кёртиса: «В сороковой раз поцеловать Монро — все равно что поцеловать Гитлера», бюджет, вышедший за всякие рамки. Подпитываемая нескромностью журналистов, подхватывавших тут и там раздраженные признания тех и других и выносивших сор из избы, дурная слава Монро на сей раз преодолела критическую точку. Никто не мог ничего понять. Уайлдер думал, что она таким образом мстит кинокомпании «XX век Фокс». В голливудских кулуарах начали поговаривать, что она свихнулась, как ее мать. Артур Миллер, приехавший к ней в сентябре, быстро повернул оглобли. Это не съемочная площадка, а поле боя, в

центре которого находится Мэрилин, а черная ведьма, Пола, выступает в роли инквизиторши. Хуже, чем в Лондоне. И все же Миллер понял по отснятому материалу, что результат в десять раз лучше. Хотя Мэрилин, как обычно, испытывает горькое чувство, оттого что, как ей кажется, строит из себя дуру, она чудесна, чиста, как дитя, чувственна, как богиня. Только ее упорство в том, чтобы играть Душечку так, как она ее видит, вдохнуть в нее достаточно веселья и печали, девственности, самоиронии и утраченных иллюзий, помогает ей противостоять Уайлдеру. Только ее поиск верного звучания заставляет ее десятки раз переигрывать одну и ту же сцену. Леммон и Кёртис могут разговаривать, смеяться, шутить, а мгновением позже войти в кадр. Она — нет. Она не может играть, пока не проникла в душу и плоть своей героини, выйдя за рамки написанного в сценарии. И каждый раз нужно начинать заново. И это может длиться часами. Несколько часов, чтобы вновь обрести уверенность, полностью преобразиться, еще больше обесцветить и так уже бесцветные волосы Мэрилин Монро, пройти сквозь нее, облечься в ее прикрасы и черпать из самой глубины ее старых сиротских грез, где по-прежнему остается немного человечности.

В начале ноября 1959 года все закончилось. Перебор на восемнадцать съемочных дней и сотни тысяч долларов. Уайлдер так разъярен на Мэрилин, что не пригласил ее на прощальный вечер съемочной группы и наговорил прессе гадостей на ее счет. Благодаря актрисе, проявившей чудеса чуткости и интеллигентности, фильм избежал подводных камней и не стал шутовской карикатурой. Ни одна другая не смогла бы сыграть полногрудую блондинку, не разменявшись на штампы. «В джазе только девушки» станет одним из самых успешных фильмов в истории американского кино, культовой картиной. Но Уайлдер был сильно измотан съемками и не простил Монро того, что она сводила его с ума и не подчинялась его власти. Он обвинил ее в непрофессионализме и возложил на нее ответственность за ее собственные проблемы со здоровьем. Несчастная, измученная и уязвимая, как никогда, она легла в больницу, чтобы восстановить силы. Неделю спустя она вернулась в Нью-Йорк, неся в себе подрастающее дитя, которого она желала больше всего на свете. Она хочет забыть обо всем остальном, думать только об этом светлом будущем, намечающемся возрождении. Но 17 декабря, на пятом месяце беременности, Мэрилин корчится в луже крови — опять выкидыш. Ее боль переходит в гнев на Миллера, который заставил ее сниматься в этом изнуряющем фильме. Ее отчаянию нет границ. А Уайлдер поливает ее грязью в Калифорнии, а ее муж ничего не говорит!

Писатель взялся за перо и бросился на защиту чести своей жены, отвечая Уайлдеру телеграммами.

«Теперь, когда вы убедились в успехе вашего фильма, которому она во многом способствовала, ваши нападки недостойны. Вы несправедливый и жестокий человек. Мое единственное утешение в том, что, несмотря на вас, ее красота и человечность цветут, как всегда».

Дома Мэрилин переходит от коматозной прострации к истерике. Рвет на себе волосы, швыряет в Артура всем, что под руку подвернется, и он, не выдержав, сбежал в Роксбери. В тот же вечер она проглотила две упаковки снотворного. На сей раз ее в последнюю минуту спас слуга.

Надо жить дальше.

Мэрилин вернулась на прежнюю унылую дорожку — от дивана психоаналитика до Актерской студии. Порой она смирялась и выходила на люди в образе Монро. Теперь она знала, что ей не избавиться от двойника. Она одинока, как никогда. Артур большую часть времени проводит в деревне. Вновь начались скитания по Манхэттену в черном парике. По вечерам она навещала поэтов и писателей (Карсона Маккаллерса, Карла Сэндберга или Нормана Ростена), в марте 1959 года, красивая и улыбающаяся, появилась на премьере «В джазе только девушки» под руку с Артуром (пусть видят, что любовная лодка все еще на плаву). Актерам устроили бешеную овацию. Некоторые критики назвали Монро лучшей актрисой Соединенных Штатов. Едва выйдя на экраны, фильм побил все рекорды посещаемости. Публика смеялась над паясничаньем превосходного Джека Леммона, восторгалась изяществом Мэрилин, подпевала хором песне «I Want to be Loved by You» и чувствовала подступающие слезы, когда печальный голосок пел «Любви конец».

Потому что любви пришел конец. И жизни тоже. Мэрилин чувствовала, как ее затягивает вниз. Она больше не сопротивлялась чудовищу, притаившемуся внутри нее.

«МОЕ СЕРДЦЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ПАПЕ…»

В конце концов, Артур Миллер нашел неотразимый аргумент. Для экранизации «Неприкаянных» он подобрал своей жене бесценного, на ее взгляд, партнера — Кларка Гейбла. Трудно парировать такое оружие. Гейбл, элегантный и грубый соблазнитель, взявшийся ниоткуда, мужчина, прошедший через пять браков, над безумной и трагичной любовью которого к Кэрол Ломбард плакала вся Америка, актер, державший в своих объятиях красивейших и величайших актрис в мире — Харлоу, Кроуфорд, Лой, Гарднер, Тёрнер, артист, которым Мэрилин восхищается больше всего, всеми уважаемый, а главное — отец из ее сиротских фантазий, к которому она тайком прибегала в своих грезах брошенной девочки, чтобы мнить себя непобедимой и не бояться темноты. Воображаемый отец и экранный любовник. Монро конечно же уступила. Миллер добил ее подбором актеров на роли второго плана: ее старый друг Монтгомери Клифт и Илай Уоллак, выпускник Актерской студии, прекрасный актер и общий их с Артуром друг. Все как по заказу, но путь избран самый сложный. Потому что к 1959 году Гейбл постарел и был совсем плох, Монти Клифт совсем спился. К тому же Хьюстон собирался снимать фильм в пустыне Финикс, где 55 градусов в тени. Немыслимая затея. И все же Мэрилин согласилась. Был ли у нее выбор? Артур Миллер получил от компании Мэрилин Монро «какие-то» 250 тысяч долларов. Подготовительная работа начиналась в июле.

В тот же момент «XX век Фокс» напомнила Мэрилин, что по контракту, заключенному в 1956 году, она должна сняться еще в одном фильме этой киностудии. В самом деле, подтвердила актриса, которая воспользовалась этим предлогом, чтобы отложить съемки «Неприкаянных», и изобразила интерес к новым предложениям. «Завтрак у „Тиффани“» по сценарию ее друга Трумена Капоте, который собирался снимать Блэйк Эдвардс, показался ей подходящим вариантом, хотя сюжет был всего лишь очередным повтором того, что она уже играла. Но Джерри Уолд, новый руководитель «XX век Фокс», побуждал ее согласиться на роль в «Займемся любовью» — музыкальной комедии режиссера Джорджа Кьюкора, где ее партнером будет Грегори Пек. Почему бы нет, ответила Мэрилин. На самом деле она не читала сценария. Да зачем. Она уже знала, что наверняка будет играть бедную девушку, красивую и простодушную, с щедрой душой и выдающимися формами, которые будут демонстрировать на протяжении всего фильма во всех нарядах, включая комбинацию.

Но Артур Миллер прочитал сценарий Нормана Красна и заявил, что все надо переделать: у Мэрилин очень мало сцен, настоящая звезда — Грегори Пек. И предложил свои услуги. И пока «Фокс» подписывала контракт с Миллером, Мэрилин перенесла в августе хирургическую операцию, чтобы быть в состоянии выносить ребенка (как если бы ее проблемы с беременностью были физиологического порядка).

Счастливая, что может снова отправиться в дорогу и уехать подальше от Миллера, в сентябре она вернулась в Голливуд, чтобы подготовиться к съемкам «Займемся любовью», где ей нужно будет петь и танцевать. Ее представили Никите Хрущеву, в ответ на его галантный комплимент она сказала: «Мой муж, Артур Миллер, просил меня передать вам от него привет. Такие вещи должны происходить почаще. Это помогло бы взаимопониманию между нашими странами».

Эти слова сразу облетели весь мир. Когда несколько дней спустя Монро появилась на публике, журналисты, как обычно, следовавшие за ней по пятам, устроили ей оглушительную овацию.

Вскоре она вернулась в Нью-Йорк. Тем временем Грегори Пек отказался от роли. Сценарий, полностью переработанный Миллером, задвигал его на задний план, чтобы служить фоном для жены сценариста. Все как следует взвесив, он предпочел не ввязываться в авантюру и, с учетом ужасной репутации актрисы, сохранить душевное здоровье. Роль миллиардера, влюбившегося в красивую и простодушную Аманду, оставалась вакантной. Мэрилин и Миллер побывали на Бродвее на концерте одного француза, набиравшего популярность, — обольстительного Ива Монтана, певца и актера. Вместе со своей женой Симоной Синьоре он сыграл во французской экранизации «Салемских ведьм». Его сравнивали с Морисом Шевалье. Хотя он почти ни слова не говорил по-английски, для фильма он подошел бы идеально. Артур Миллер подправит сюжет с учетом этого нового обстоятельства: миллиардер будет французом. «XX век Фокс» согласилась. Ив принял предложение. Миллеры и Монтаны понравились друг другу.

К тому времени брак самой знаменитой крашеной блондинки на земле и нью-йоркского интеллектуала отжил свое. Оба это четко знали, хотя еще не высказали вслух. Мэрилин в своем мире паранойи и разрывов считала, что муж ее предал. Она больше терпеть его не могла, подозревала, что его привлекают другие женщины, обвиняла во всех грехах, уличала, тиранила, унижала и оскорбляла теперь даже прилюдно. Он, оценив последствия

ошибки и поняв, что мечте конец, осознал свое бессилие, он не мог спасти Мэрилин от нее самой. Она отдалялась от него, а он смотрел на это со смирением и, возможно, с облегчением. Кто примет решение? В то же время Миллер понимал, что уйти от нее — значит убить ее. Так что они еще немного ловчили, пытались выиграть время. В конце 1959 года Мэрилин регулярно улетала на Западное побережье под предлогом репетиций. Некоторые биографы утверждают, что у актрисы были любовники, в частности, сенатор Джон Кеннеди, с которым она якобы встречалась в Нью-Йорке, теперь уже в отеле «Амбассадор», и публично поддерживала его предвыборную кампанию[27].

Как бы то ни было, в январе 1960 года Миллеры и Монтаны собрались в Лос-Анджелесе, поселившись в соседних бунгало в отеле «Беверли-Хиллз».

Сияя перед объективами журналистов, Мэрилин сюсюкала и с восхищением смотрела на Симону Синьоре — благородную даму, только что номинированную на «Оскара», тогда как ее в очередной раз даже не допустили к участию в конкурсе. Она демонстрирует улыбку и юмор Монро, но внутри нее все разбито на тысячу кусков. Едва приехав в Голливуд, она впала в депрессию[28]. Нью-йоркский психоаналитик порекомендовала ей своего коллегу. В жизни Мэрилин Монро появился доктор Ральф Гринсон, марксист и фрейдист, клиентура которого состояла сплошь из звезд. Ему сорок девять лет, он высокий и статный, с седеющими волосами и внушающими доверие усами, всем довольный отец семейства, живущий на вилле в колониальном стиле в престижном районе Брентвуд. Мэрилин тотчас прониклась к нему доверием и начала наведываться к нему в кабинет. Когда у нее не было сил подняться, преодолеть сразившую ее депрессию, а такое случалось регулярно, она призывала на помощь Гринсона. Доктор тотчас приезжал, и сеанс проходил прямо в спальне Мэрилин. Актриса быстро привыкла звонить Гринсону в любое время дня, а потом и ночи. Довольно скоро она заняла важное место в жизни доктора, который представил ее своей жене и своим двум детям и принимал ее у себя, несмотря на все врачебные правила. Но Мэрилин не такая пациентка, как другие, будет он возражать своим многочисленным гонителям. Конечно нет. Для человека науки Монро — это выдающийся случай. Для человека, наживающего деньги, — тоже, само собой разумеется.

Парадоксально, но съемки «Займемся любовью» проходили лучше, чем обычно. Конечно, Монро соответствует своей репутации (опоздания, неспособность запомнить текст, Пола Страсберг в качестве замены режиссера), но в целом всё не так

плохо, как в предыдущих фильмах. Члены съемочной группы и ее партнеры поражены ее профессионализмом. Ив Монтан сыграл тут свою роль. Мэрилин восхищается им как актером и ценит в нем мужчину, внешне напоминающего Миллера, только в лучшем варианте, а главное — он веселее. Ей нравится, что он скромного происхождения, как она, нравится его экзотизм. Его юмор не оставляет ее равнодушной, а также его умение посмеяться над собой. Роль Монтана в фильме смешна и нелепа. Его пара с Симоной Синьоре кажется ей образцовой. Синьоре — уважаемая женщина, как актриса и как супруга. Эталон для неудачно вышедшей замуж женщины, мысленно ставящей себя на ее место. Как бы она была счастлива с таким мужчиной — помесью Ди Маджио и Миллера, думает она. Он бы сумел ее защитить. Считая Джорджа Кьюкора плохим режиссером, Мэрилин делает ставку на сообщничество с Монтаном. Ожидая одобрения, она впервые чаще оборачивается на него, чем на Полу. Он успокаивает ее. Актеры все чаще и чаще репетируют вдвоем. Она помогает ему отрабатывать английское произношение, он учит ее усмирять свои страхи и не поддаваться им, причем не церемонится с ней: однажды утром он явился к ней и силой притащил на площадку, когда она не хотела идти.

Двери между 20-м и 21-м бунгало в «Беверли-Хиллз» никогда не запирались. И покинутая девочка с белым пышным телом, в черном декольтированном платье, встряхивала светлыми кудрями над новой надеждой.

Получив «Оскара» и всевозможные почести, Симона Синьоре была вынуждена вернуться в Европу по профессиональным делам. Симона уже знала. Она поняла. Всё. Отставку Миллера, отчаяние Мэрилин, слабости своего мужа. Какой мужчина устоял бы перед белокурой богиней, перед этим ребенком, который напоминал ему без макияжа «самую красивую крестьянку Иль-де-Франс»? Во всяком случае, не Ив. Она к этому готовилась. Она переживет этот романчик и сохранит достоинство. Притворится, будто не знала. Лишь бы он вернулся. Чтобы удержать слезы, у нее есть сигареты и старая подруга — выпивка. И вот Симона расцеловала Мэрилин в обе щеки и уступила место. Артур Миллер последовал ее примеру. Он сбежал в Ирландию к Хьюстону, писать дальше сценарий «Неприкаянных». «Он ненормальный, — якобы признался Монтан одной подруге. — Уехал и оставил мне Мэрилин». Миллер слеп или ни о чем не догадывается? Ни в коей мере. Он просто отчаявшийся человек, молча отдающий другому любимую женщину, потому что больше не способен удовлетворять ее запросам. Синьоре, как и Миллер, пожертвовала

собой. Она — с расчетом, что когда ее супруг натешится своими фантазиями, он вернется в лоно семьи; он — потому что битва проиграна, и отныне он решился (какой ценой) ускорить собственное падение.

Старая сводня Пола Страсберг однажды позвала Монтана к актрисе, которая лежала в постели больная. Когда Ив Монтан увидел обнаженную Мэрилин Монро под шелковыми простынями, голова у него пошла кругом и, как он признается позднее, никаких вопросов у него не возникло. Дружеский поцелуй перешел в другой, отнюдь не киношный. Мэрилин подставила ему свои губы со вкусом грез и свое дрожащее тело. Одна ночь, две ночи, потом все остальные. Весь Голливуд очень скоро прознал об их связи. Любовники вместе явились на премьеру нового фильма Билли Уайлдера. Режиссер и актриса помирились, хотя он не удержался от карикатурного намека на знаменитую блондинку с детским голоском в фильме «Квартира». Мэрилин на это не обиделась. Она счастлива, влюблена по-настоящему и гордо и открыто показывается с Ивом Монтаном. Он, потрясенный, околдованный, не знает, как выпутается из этого дела, когда все это кончится. Потому что это кончится. Если бы не было Симоны, все могло быть иначе, он ринулся бы в это приключение, очертя голову, удерживал бы два-три года в своих объятиях этот ураган невинности и секса. Но по ту сторону Атлантики ждет Симона. Монтан просчитал, что он рискует потерять, как только погаснут огни рампы. Так что он вовсю наслаждается нежной Мэрилин, которая смотрит на него с восторгом, и тайно готовит свой отъезд и свои оправдания.

Весь мир в курсе. Рога наставлены в международном масштабе. В Париже пресса донимает Симону Синьоре, противостоящую ей с уязвленным благородством. Вернувшись в США, Миллер делает вид, будто ни о чем не знает. В письме Джорджу Кьюкору от апреля 1960 года он даже говорит о том, как скучает по Мэрилин, как она ему дорога и как он тоскует один вдали от нее. На самом деле Монро больше и слышать о нем не хочет. Затаенная обида переросла в ненависть. Теперь она цепляется за Ива Монтана, основывает на нем надежды на будущее. Когда съемки «Займемся любовью» закончились и Мэрилин, не в силах ничего изменить, увидела, как Монтан ускользнул из ее рук и вернулся в родную Францию к законной жене, она свалилась с небес на землю. Все рухнуло в очередной раз. У Синьоре есть «Оскар» и Монтан. А у нее нет больше ничего. Кроме лекарств и ложного утешения в спиртном. И еще только что законченный фильм, который не сделает сборов. Потому что картина «Займемся любовью» не имела такого успеха, как другие

комедии с Монро, несмотря на ее по-прежнему светлое присутствие и замечательную музыку Сэмми Кана и Коула Портера. Сюжет натянутый, фильм нединамичный, много длиннот. Верная своей роли бедной и щедрой молодой женщины, Мэрилин, хоть и красивая и роскошная, впервые появилась на экране уставшей и надломленной, как заметили некоторые критики. Подтачивающие ее раны понемногу проступали на лице. Зрители не хотели их видеть.

Между сеансами с доктором Гринсоном не находящая себе места Мэрилин начала сильно пить. Впереди маячили «Неприкаянные» — обязательство, которое она теперь не могла с себя сложить, последняя формальность, чтобы рассчитаться с Миллером.

НЕПРИКАЯННАЯ

Двадцатого июля 1960 года Мэрилин Монро и Артур Миллер приземлились в Рено, штат Невада, в городе поспешных разводов, том самом, где писатель четыре года тому назад томился от запретной любви к своей знаменитой любовнице, дожидаясь узаконенного разрыва с первой женой. Том самом, где он за эти шесть недель, чтобы убить время, написал «Неприкаянных», которых Хьюстон теперь должен снять вместе с ней, его белокурой мечтой, — и конец их любви.

Миллеры уехали из аэропорта в разных машинах, избегая прессы, которая собралась со всего мира, чтобы насладиться перипетиями сюжета с оттенком адюльтера и трагедии. Всего две недели назад закончились съемки «Займемся любовью», а вместе с ними — *love story*[29], за которую актриса цеплялась изо всех сил. Она измучена, ее одолевают различные боли и приступы тошноты. Она везет с собой целые чемоданы лекарств, прописанных самыми разными услужливыми врачами. Мэрилин сразу же забаррикадировалась в апартаментах, забронированных для нее и того, кто еще является ее мужем, на последнем этаже в отеле «Мейпс» в центре Рено. Ее волосы, многократно обесцвеченные, теперь похожи на пучок соломы. Даже самые опытные парикмахеры умывают руки. В «Неприкаянных», черно-белом фильме по причинам эстетического и медицинского порядка (учитывая состояние большинства актеров), самая знаменитая крашеная блондинка в мире вынуждена носить парик. Издевательство над двойником: Монро пародирует Монро. Как тут не сойти с ума? Что же касается кожи, это вообще кошмар. Очень скоро гримеру пришлось приниматься за работу рано утром, когда Мэрилин еще лежала в постели, вялая, почти в коматозном состоянии из-за огромного количества проглоченных снотворных. Замазывать оплеухи возраста и синяки печали. Миллер еще пытается составить ей компанию во время сна, заполненного целой толпой призраков, избежать конфликтов и остаться незамеченным. Раздавленный жарой и угнетающей атмосферой, сразу воцарившейся на съемочной площадке, Артур Миллер теперь уже не вполне уверен, что хочет поставить точку в их браке. Его нежная Мэрилин, его девочка воплощает для него всех женщин, саму *женщину*. Он еще не представляет, какой могла бы быть жизнь после Мэрилин, и это несмотря на присутствие на съемках женщины-фотографа из Европы Инге Морат, которая сделает великолепные фото Мэрилин и Миллера и на которой он женится в следующем году. Пока Артур Миллер

каждый день переделывает сценарий, показывает в нем неврозы Мэрилин, их неудачный брак. Ему удалось сплотить всю съемочную группу против Полы Страсберг, на которую он при каждом удобном случае бросает злобные взгляды.

В парике, в декольтированных и облегающих платьях, сшитых точно по ней, подготовленная часами гримирования, Мэрилин демонстрирует в черно-белом варианте свою разнузданную чувственность, положение сироты и оглушительный грохот своих печальных романов под палящим солнцем пустыни. Мэрилин не играет Розлин. Она сама Розлин. По меньшей мере, Розлин — та изуродованная девушка, заблудившаяся в ней. Потому что «Неприкаянные» — не художественное произведение. Это опережающее свое время «реалити-шоу» (реальность иллюзии). Вскрытие женщины, которая еще не совсем умерла. Вот почему Монро ненавидит сценарий Миллера и страшно зла на него. Роль Розлин для нее невыносима.

Напряжение быстро достигает высшей точки. Опоздания и состояние, в котором является Мэрилин, когда, наконец, появляется на съемочной площадке, подчеркивают недостатки каждого. Закоренелый игрок, Хьюстон проводит ночи в казино, чтобы расслабиться. Монти Клифт глушит водку с апельсиновым соком. Иногда приходится снимать новые дубли, чтобы не видно было, как 59-летний Кларк Гейбл, дошедший до ручки, дрожит всем телом перед камерой из-за виски, которое постоянно хлещет, невзирая на запреты врачей. А ведь именно он должен воплощать собой в фильме надежную силу, утес, к которому, в конце концов, прижмется Розлин. Киноиллюзия. Гейбл — двойник Миллера, его идеализированная проекция, которой удается вернуть блондинку в свои объятия. Но в действительности Мэрилин к нему не возвращается. Она даже пользуется перерывом в съемках, чтобы помчаться к Иву Монтану, бывшему проездом в Лос-Анджелесе. Француз ее «отшил», и она вернулась, еще более разбитая, обратила все свое разочарование на Миллера, который делал вид, будто не знал, где она была, и снова обвиняла его в предательстве из-за его отношения к Поле. Она была так зла на него, что однажды отказалась взять его к себе в машину, захлопнула дверцу у него перед носом и бросила одного среди пустыни. Джон Хьюстон заметил в зеркало заднего вида маленькую одинокую фигурку и вернулся за ним, чем спас великого американского драматурга от смерти от обезвоживания[30].

А 26 августа Пола Страсберг обнаружила Мэрилин лежащей без чувств в своей комнате, у нее был полон рот лекарств. Ее отвезли в ближайшую больницу для промывания желудка, а затем

отправили в Лос-Анджелес, где доктор Гринсон прилагал все усилия, чтобы поскорее поставить ее на ноги, во избежание слишком долгого простоя съемок. В очередной раз она тщетно пыталась связаться с Монтаном всеми возможными способами — письмами, телеграммами, по телефону. Две недели спустя Мэрилин со странным, отсутствующим взглядом, с лицом безо всякого выражения появилась в Рено в окружении всего клана Страсбергов (Ли явился в ковбойском костюме вместе со своей дочерью Сьюзан), который заслонял ее от Миллера и запрещал ему приближаться к жене. В сцене, которую снимали сразу после ее возвращения, она с печально чистым лицом спрашивает своим детским голоском у старого Кларка — своего отца, своего любовника: «Скажи, ты меня любишь?» В ней самой все уже умерло. Она больше не разговаривает с Миллером и даже, в конце концов, вывела из терпения добряка Гейбла, который воскликнул в сердцах: «Да что, черт побери, творится с этой девочкой?!» Лживые фотографии со съемок, на которых показана сплоченная команда вокруг сияющей Мэрилин. В пустыне Финикс остались одни подранки.

В октябре съемочная группа распрощалась с Невадой. Оставшиеся сцены доснимали в павильоне в Голливуде. Именно там 4 ноября 1960 года Мэрилин Монро и Кларк Гейбл разыгрывали последнюю сцену из «Неприкаянных». *How do you find your way back in the dark*?[31] Финальная хлопушка. И для того, и для другого это был последний законченный фильм. Неделю спустя совершенно обессилевшая Мэрилин объявила прессе о кончине своего брака. Она так подавлена, что журналисты восприняли новость совершенно однозначно. На следующий день на первых полосах всех газет был помещен заголовок: «Миллер ушел от Мэрилин».

Шесть дней спустя Кларк Гейбл умер от сердечного приступа. Некоторые репортеры скандальной хроники разнесли слух, что его вдова Кей якобы возложила вину за это на белокурую актрису и ее труднопереносимое поведение во время съемок «Неприкаянных». Удрученная такими обвинениями, Мэрилин снова попыталась выброситься из окна своей квартиры. В последний момент ее удержала прислуга, Лена Пепитоне.

Не сказав Мэрилин ни слова, Миллер пришел забрать пишущую машинку и все свои вещи. В больших белых комнатах, теперь совершенно пустых, если не считать рояля ее матери, Мэрилин шла ко дну, хватаясь за телефонный провод, связывавший ее почти непрерывно с другой стороной Америки, с доктором Гринсоном. Лена Пепитоне никогда не видела ее такой

отчаявшейся, настолько зависимой от лекарств, которые она поглощала в ужасающих количествах. Ее жизнь пуста. Сеансы с нью-йоркским психоаналитиком лишь кое-как помогают ей держаться на плаву. Для занятий в Актерской студии у нее больше нет сил, а может быть, и желания. Приближается конец года, ввергая ее, как обычно, в душераздирающее одиночество. Все мужчины, которых она любила, ее покинули. Гейбл, ее «отец», умер (и говорят, что это она его убила). Монтана и след простыл. Миллер уже утешился в объятиях Инге Морат. Избрание Джона Кеннеди президентом Соединенных Штатов, почти совпавшее с объявлением о ее разводе, могло бы заставить гордиться сиротку № 3463, любовницу самого могущественного человека в Америке. Но Мэрилин недостаточно любит себя, чтобы упиваться победой. Она видит во всем только неудачи, манипулирование, предательство и с ужасом ждет Рождества.

Это значит не рассчитывать на единственного мужчину, который остался верен ей многие годы и не отказался от нее. Джо Ди Маджио явился в квартиру на 57-й улице с огромным красным цветком в руках. Путь снова свободен, Мэрилин избавилась от своих интеллигентских притязаний. Словно сомнамбула, она вновь очутилась в объятиях бывшего бейсболиста. Ди Маджио неприметно поднимался по черной лестнице и бежал от журналистов, как от чумы. Под его большим спортивным телом Монро медленно освобождалась от своих амбиций. Стать театральной актрисой, Актерская студия, литературные круги, Нью-Йорк… Чепуха. Место блондинки с большой грудью — где-то между глупыми комедиями и калифорнийскими пляжами. Джин Харлоу прославилась тем, что не носила лифчик, однако потом сумела внушить к себе уважение.

Но не она. Несмотря на все приложенные усилия, она как была секс-символом, так и осталась. А в последнее время и с этого места ее потеснила Элизабет Тейлор.

Мэрилин страшно. Она постарела. Она предчувствует свой закат и знает, что в киношных кругах всё громче поговаривают о ее безумии. Разве кто-нибудь еще захочет сниматься вместе с ней? Ее время вышло, думает она. В этом году ей исполнится тридцать пять — почтенный возраст для Голливуда. Тот возраст, когда женское тело как никогда требует обновления и жаждет материнства. За спиной Мэрилин — страшный груз мертвых детей. По ночам в кошмарах ей слышится топот их ножек. Джо? Что делать? Неужели она дошла до того, что ее единственное спасение — Джо Ди Маджио? Но прежде покончить с Артуром Миллером и фермой в Рокс-бери, которую она охотно ему уступила. Их развод назначен на 21 января 1961 года. Эту дату

предложила новая пресс-атташе Мэрилин Пэт Ньюкомб: в этот день вся Америка будет следить за церемонией инаугурации Джона Кеннеди. Если повезет, ее оставят в покое. Ньюкомб — очень умная молодая женщина со стальным характером. Мэрилин познакомилась с ней на съемках «Автобусной остановки» пять лет тому назад. С первого взгляда она ее невзлюбила — по неясным и противоречивым причинам, указываемым разными биографами: якобы они обе были соперницами в любви. Но в то время у Мэрилин был в разгаре роман с Миллером, что ничего не исключает, и вполне возможно, что она с трудом переносила соперниц: неуверенную в себе Монро пугали все женщины, вот почему она любила окружать себя некрасивыми и зрелыми наставницами, как Лайтесс или Страсберг. Точно можно сказать лишь одно: в первый же день между Мэрилин и Пэт Ньюкомб разыгралась бурная ссора. Но дорога этой блестящей и честолюбивой молодой женщины, метившей высоко и близкой к Кеннеди[32], снова пересеклась с дорогой Мэрилин Монро, чтобы слиться с ней до самого конца. На каждых новых съемках кинозвезды ее присутствие становилось все заметнее, Пэт Ньюкомб неизменно принимала ее сторону при малейшем конфликте и понемногу сумела сделаться необходимой. Она была рядом двадцать четыре часа в сутки, прибегала по первому зову, а еще была прекрасной и ценной поставщицей лекарств.

В 1961 году она неотступно следовала за кинозвездой, которая теперь пряталась за нее при каждом публичном появлении. 20 января обе вылетели в Хуарес в Мексике, где Монро, не читая, подписала свое третье (или четвертое?) свидетельство о разводе. Несмотря на принятые Пэт предосторожности, папарацци оказались рядом и вырвали у затравленной женщины фотографии ее смятения.

«Когда чудовище показало свое лицо, Артур не хотел в это поверить. Я разочаровала его. Но мне казалось, что он знает меня и любит во мне всё. Я не была вся соткана из достоинств. Ему следовало полюбить чудовище», — пробормотала Мэрилин и заперлась у себя дома.

Возможно, именно в этот момент она составила завещание, оставив почти все свое состояние Страсбергам. Джо снова ушел. В конце января актриса под руку с Монтгомери Клифтом явилась на премьеру «Неприкаянных» в нью-йоркском театре «Капитолий». Из зала она вышла уничтоженной. Никогда она еще так ненавидела себя на экране. Кто эта светловолосая женщина в парике, с одутловатым лицом, с опухшими веками, тяжелыми от косметики? А камера назойливо наезжает на ее груди и бедра! Кто эта женщина в депрессии, надломленная, подвластная

мужчинам, вечно ищущая любовных связей, растерянная и в то же время ненасытная, потерявшаяся в застывшем и неудачном сценарии? Невыносимое видение ее самой со стороны того, кто был ее мужем и ее попранной надеждой. По счастью, ей остаются барбитураты, запиваемые спиртным. Марианна Крис, психоаналитик Мэрилин, решила на какое-то время положить ее в больницу.

Под париком поверх крашеных волос и подложным именем Фэй Миллер Мэрилин Монро 5 февраля 1961 года прибыла в психиатрическое отделение больницы Корнелл. В коридорах — лица с невидящими глазами, тела, сотрясающиеся от пугающих движений. Где она? Что все это значит? Куда ее ведут? Страшно, непонятно. Ее втолкнули в камеру со стенами с мягкой обивкой, с решетками на окнах. Когда дверь закрылась у нее за спиной, внутри нее что-то закричало и внезапно пробудило ее. Доктор Крис ей сказала, что она будет отдыхать. Но она солгала. Она тоже предала ее. И вот теперь она столкнулась с самым большим своим страхом: она в дурдоме, как и ее мать (которая за последние восемь лет, проведенные в калифорнийском санатории, неоднократно пыталась бежать и покончить с собой), ее бабка и целый выводок чокнутых среди ее предков. Ее поместили в психушку, и теперь она никогда не выйдет отсюда, она пленница, что бы она ни делала, что бы ни кричала, *они* хотели избавиться от нее и *им* это удалось, она больше никто, и в этом карцере, где ее заперли так бесцеремонно, она, вероятно, по-настоящему сойдет с ума, оставшись одна со своими призраками. Только не спать, потому что тени бродят именно по ночам. Мэрилин бьется в стены и зовет на помощь, запустила стулом в окно, разделась догола. Последний бунт. Вскоре на нее надели смирительную рубашку. Все кончено.

Мэрилин Монро, суперзвезда, кумир всей планеты, любовница президента Соединенных Штатов, связана, как буйнопомешанная, и накачана успокоительными. Любопытствуя взглянуть на это шоу для домашнего просмотра, весь медперсонал побывал в ее камере. Все, от последней санитарки до светила медицины, сбежались, чтобы полюбоваться падшей звездой, с пеной у рта и заливающейся слезами. Девочка чувствует, как подушка вновь прижимается к ее лицу. На сей раз ей не победить. Она умрет, задохнется.

Через два дня сжалившаяся над ней медсестра разрешила ей написать записку, кому захочет. Мэрилин не знает, к кому обратиться. Повинуясь первому порыву, она подумала о Ли и Поле Страсберг и написала им проникновенный призыв о помощи, хотя и бесполезный. Почему никто из ее окружения

ничего не предпринимает, не пытается вытащить ее отсюда? А ее якобы друзья? На следующий день, когда ей позволили позвонить по телефону, Мэрилин действовала уже наверняка и сразу позвонила Ди Маджио. Великий Джо не стал разводить антимонии. Пригрозив «развалить всю больницу к чертовой бабушке», он сумел вытащить бывшую супругу из предбанника психушки.

Мэрилин все поняла. Два месяца спустя, в апреле 1961 года, после курса дезинтоксикации и отдыха, она вернулась на Западное побережье. За несколько дней до этого умерла мать Артура Миллера. Актриса настояла на том, чтобы присутствовать на ее похоронах. Долго сжимала в объятиях бывшего свекра, которого так любила. Миллер, стоявший рядом с Инге Морат, не сказал ей ни слова. Роман калифорнийки с Нью-Йорком закончился болью. Теперь ей нужны солнце и бассейны, вечеринки в блестках, а главное — добрый доктор Гринсон, ее новая надежда, единственный, кому она теперь полностью доверяет (надо ли уточнять, что она разом порвала со своим нью-йоркским психоаналитиком?). Итак, она вернулась в Лос-Анджелес — возвращение к истокам, вернее, регресс, тем более что Мэрилин поселилась в квартире по соседству с той, что занимала до отъезда. Ее жизнь тотчас выстроилась вокруг нескончаемых ежедневных сеансов с Гринсоном, в 16 часов, на его вилле в Санта-Монике, за которыми неизменно следовало приглашение на ужин в кругу семьи психиатра. Ее зависимость от этого врача приняла невероятные размеры. Она ничего от него не скрывала, записывала в красном блокноте все, что делала, наговаривала для него на магнитофон свои малейшие мысли. Гринсон руководил ее существованием, тщательно подбирал ей друзей и вскоре вызвался лично просматривать предлагаемые ей сценарии. Он отсоветовал ей встречаться с Ди Маджио и не одобрил параллельной связи, которая возникла у нее с Фрэнком Синатрой. Певец был неподходящей компанией, особенно для такого хрупкого существа, как Мэрилин. Он был известен своим неумеренным пристрастием к оргиям и проституткам, а также легендарным талантом маклера. Прекрасно зная о связях Синатры (щенка, которого он ей подарил, она назвала Маф — уменьшительное от «мафия»), актриса не всегда следовала указаниям. Праздная, по большей части пьяная, она позволяла вовлечь себя в коктейль из секса и алкоголя, где соседствовали высшие сферы власти и воровского мира. В Голливуде, а также в ЦРУ и ФБР уже знали, что Мэрилин Монро еще и одна из любовниц нового американского президента. Она регулярно

встречалась с ним на приморской вилле его зятя Питера Лоуфорда, мужа Патриции Кеннеди. Знали и о том, что она крайне неуравновешенна, не умеет молчать и представляет определенную опасность для государства.

В 1961 году кинозвезда редко появлялась на публике и нигде не снималась. Следовательно, пресса отслеживала малейшие ее поступки. Все шло в дело. В июле ей удалили желчный пузырь, и на выходе из больницы белокурую актрису чуть не затоптала истеричная и агрессивная толпа. Ее дергали за одежду, за волосы. Вопросы журналистов разили ее со всех сторон: «Это правда, что вы убили Гейбла? Собираетесь ли вы снова выйти замуж за Ди Маджио? Говорят, что Артур Миллер скоро снова женится…»

Носить костюм Мэрилин Монро стало слишком тяжело. Устав и запустив себя, она снова растолстела. Платиновые волосы, нарочито подведенные глаза, подобие самой себя. Она страшно пила и выставляла себя на всеобщее обозрение в ресторанах, где проводила ночи в обществе Синатры и его друзей. Вы хотите меня такой, так получите, как будто винила она кого-то.

Тревожась из-за того, что она ускользает из-под его контроля, доктор Гринсон удвоил бдительность. В октябре он принудил Мэрилин нанять компаньонку, которая должна была каждый день приводить ее к нему и взять на себя все бытовые заботы. Чтобы нарушить ее одиночество и помочь по хозяйству, объяснил он. На самом деле, чтобы та отсеивала нежеланных посетителей его пациентки и обо всем доносила доброму доктору. Маленькая, холодная, пожилая Юнис Мюррей с пронырливыми глазками и сухеньким личиком на самом деле была бывшей медсестрой из психиатрической лечебницы, подругой Гринсона, разделявшей его крайне левые политические убеждения. Она не видела ни одного фильма с Мэрилин Монро — женщиной, спящей с Джоном Кеннеди, — но отныне должна была разделять ее жизнь днем и ночью.

В декабре, после тяжких разборок с «XX век Фокс», в том числе из-за жалованья, Мэрилин, подталкиваемая Гринсоном, согласилась сыграть в римейке «Моя любимая жена» — фильма 1940 года с Кэри Грантом. Новая версия называлась «Что-то должно случиться», и ставить ее должен был Джордж Кьюкор. Партнерами Монро будут Дин Мартин и Сид Чарисс. Она не хотела сниматься в этой комедии. Она так неуверенна, так разочарована. Отражение в зеркале пугает ее. Сколько времени продержится подлог — под пудрой, гримом? Разве может она сравниться с блеском Лиз Тейлор — говорят, что в снимающемся блокбастере «Клеопатра» та просто роскошна. Но киностудия пригрозила ей юридическими санкциями. А главное, Гринсон

настойчиво побуждал ее согласиться. Кстати, его имя тоже будет значиться в контракте. Он обязался обеспечить пунктуальное появление Мэрилин на съемочной площадке и добился права просмотреть сценарий. Короче говоря, он стал ее агентом.

Мэрилин уступила и позволила другим решать за нее. Она собиралась сняться в своем тридцатом фильме. А сколькими из них она может гордиться? Два предыдущих не собрали кассы. Этот может придать новый импульс ее карьере или окончательно ее погубить. Верно лишь то, что ее поджидают на повороте. Ей страшно. Приближается конец года. Она погрузилась в депрессию и умоляла доктора Гринсона удочерить ее.

ЧТО-ТО ДОЛЖНО СЛУЧИТЬСЯ

Жить ей оставалось полгода.

Последнее Рождество для девочки без семьи. Разумеется, Джо был рядом — верный Джо, у которого сжимались кулаки, когда Мэрилин говорила ему о Кеннеди или Синатре, которых он терпеть не мог. Неужели она не понимает, что они ее используют? Конечно понимает. Но внутренний голос по-прежнему убеждает ее, что спать с президентом — это почетно. А ей так нужно чувствовать, что ее ценят. Почему бы не бросить все и не вернуться к нему? — спрашивает Ди Маджио. Потому что дорожка ведет под откос и вскарабкаться по ней вверх невозможно. Некоторых людей нельзя спасти против их воли. Но бывший бейсболист отказывается в это верить. Вернуть себе Мэрилин, вытащить ее из этой грязи, похитить у всего мира. В последнее время журналисты все-таки заметили его крупную фигуру, бродящую поблизости, и запустили слух о повторном браке. В январе 1962 года Ди Маджио одолжил актрисе денег, которые были ей нужны, чтобы внести задаток за дом 12 305 по Хелена-драйв в Брентвуде. Доктор Гринсон поддержал ее в этом начинании. Юнис Мюррей подыскала дом — мексиканскую виллу, точную копию виллы самого психиатра, в двух шагах от его дома. И неподалеку от жилища Питера Лоуфорда. Подписывая купчую, Мэрилин разрыдалась: впервые у нее будет собственный дом, и она покупает его одна.

Это вилла вровень с землей, в глубине тупика. Довольно скромная по сравнению с обычными имениями звезд. Она построена углом, в первой части — домик для гостей, кухня и столовая; во второй, связанной с первой через солярий, — гостиная, спальни Мэрилин и Юнис Мюррей с ванными комнатами и так называемая комната с телефонами. Перед домом — простенький садик, а сзади — маленький бассейн, где актриса почти никогда не плавала, потому что неуверенно держалась на воде. Мебели и вещей мало, только те, что Мэрилин привезла из поездки в Мексику, которую совершила в феврале по совету Гринсона. Сирота никогда не любила материальных благ. Ей было слишком хорошо знакомо их непостоянство. Возможно, она предчувствовала, что недолго здесь проживет. В ее спальне матрас лежал на кроватной сетке без ножек, стоящей прямо на полу. Мешки тут и там, никаких украшений, толстые черные шторы, затеняющие свет, чтобы лучше спалось.

Последние месяцы своей жизни Мэрилин Монро проведет здесь, точнее, в комнате с телефонами: розовым (домашний

номер) и белым (частная линия). Чтобы можно было унести аппарат в спальню, она велела сделать непомерно длинные провода. Ее одиночество еще никогда не доходило до такой крайности. Несмотря на Ди Маджио, Синатру, романы на один вечер, Роберта Кеннеди, который вскоре будет подменять брата в постели кинозвезды. Мэрилин спала со всеми. Пока ее тело еще может служить. Ей нужно доказательство, что все мужчины по-прежнему желают ее. Что они до сих пор желают Мэрилин Монро. Это единственный способ убедиться, что она все еще жива. Призрак в парике на улицах Лос-Анджелеса ищет свою былую славу.

«С какой ж… женщиной вам бы х… хотелось п… провести ночь?»

Ложная брюнетка, скрывающая ложную блондинку. Падшая женщина в плаще на голое тело, возможно, отдается первому встречному, обычным людям, уличному рабочему, сантехнику, пришедшему к ней по вызову, мексиканскому сценаристу — все ошарашены нежданным предложением. Ложная брюнетка, скрывающая ложную блондинку, выдает себя в Палм-Спрингс за секретаршу президента. Прямая линия из Овального кабинета всегда открыта для «мисс Грин». В своем доме в Брентвуде Мэрилин Монро принимает гостей без одежды. Сорвать маску. Ей случается целыми днями питаться исключительно крутыми яйцами, шампанским и черной икрой. Больше не мыться. Быть мерзкой. Как большинство голливудских актрис, она верит в пользу клизм для очищения организма и сохранения фигуры. Юнис Мюррей делает ей их очень часто. Мэрилин снова сильно похудела в последнее время и очень горда своей фигурой. Пора сказать, что благодаря чудесным таблеткам ей порой случается возвращать себе веру. В апреле, во время краткого пребывания в Нью-Йорке по случаю вечера в честь президента, когда тот пообещал присутствующим показать им звезду, она смогла оценить свой по-прежнему огромный эротический потенциал. Ей потребовалось несколько часов, чтобы выйти из ванной. Как обычно, она прибыла с большим опозданием, но сияющая, божественная. Явление. Вечная Мэрилин, вновь обретенная Монро.

Но когда шоу закончилось, кто остался рядом с ней? Юнис Мюррей, Ральф Гринсон и Пэт Ньюкомб. У нее теперь нет практически никого, кроме них. С Джо она разошлась после его последней затрещины, отправившей ее в больницу. «Она споткнулась», — объяснил доктор Гринсон медперсоналу, рассматривавшему заплывший глаз актрисы. А ей велел больше не принимать бывшего «Янки», который к тому же грозился

купить имение по соседству.

Способна ли еще Мэрилин Монро сняться в фильме? Этот вопрос задавали себе все в Голливуде. Говорили, что она не в себе, хоть в психушку клади. Знали о ее зависимости от лекарств и алкоголя. На церемонии вручения премии «Золотой глобус», которую ей присудили как самой популярной актрисе в США, она была так пьяна, что телетрансляцию пришлось отменить. Пойди узнай, что ей в голову придет!

Неуправляемая, попросту неуправляемая.

Сидя в своем кабинете, глава ФБР Эдгар Гувер пребывал в тревоге и ярости. Если бы только братья Кеннеди просто спали с Монро. Но они распускали язык, а у нее он всегда был без костей. Она так горда, что знает государственные тайны. И кому о них рассказывает? Своим друзьям-коммунистам (в том числе своему психоаналитику[33], который явно ходит на поводке у русских). Мисс Монро представляет собой угрозу для страны, господин президент. В ваших интересах проявить осторожность и положить конец этой опасной связи.

Тревожилось и руководство «XX век Фокс», ввязавшееся в дорогостоящие съемки «Клеопатры» и столкнувшееся с капризами Лиз Тейлор. Съемки «Что-то должно случиться», сценарий которого Кьюкор полностью переделал в последний момент, отложили на несколько дней. Несколько продюсеров уже спорили за этот фильм, работа над которым должна была начаться 23 апреля, а Монро запросила три тысячи долларов в неделю для неизбежной Полы Страсберг. Правда, во время кинопроб знаменитая блондинка всех удивила. По словам очевидцев, она была такая светлая, сияющая красотой, с обесцвеченными волосами, алебастровой кожей, крепким и стройным телом, невинным взглядом, одновременно лучистым и печальным. Такое впечатление, что она была счастлива вновь очутиться в кадре, почувствовать себя красивой в купальнике или белом платье в крупный цветочек. В тот день Джордж Кьюкор не удостоил съемочную группу своим присутствием. Это был промах, Мэрилин обиделась. Придет ли она утром 23 апреля 1962 года (хотя ее психиатр поручился за ее пунктуальность)? Нет. Ни 23-го, ни в последующие дни. Мэрилин заболела, у нее были хронический синусит и ОРВИ. Врач, присланный «XX век Фокс», заявил, что на выздоровление уйдет несколько недель. Монро не в состоянии работать. На съемочной площадке все в растерянности. Кьюкор в ярости, он не верит в болезнь актрисы и предчувствует катастрофу. Решили снимать сцены, в которых она не появляется. Вот только их мало. Весь сюжет выстроен вокруг жены (Мэрилин),

которую считали погибшей в кораблекрушении, а она вдруг появляется, когда ее «вдовец» (Дин Мартин) женится на другой (Сид Чарисс).

В последующие два месяца актриса, по различным причинам, связанным со здоровьем, проработала только семь дней, угробив бюджет фильма и погубив себя навсегда. Потому что настоящее сражение Мэрилин вела с самой собой, преследуемая своими страхами, необратимо увлекаемая к капитуляции. В редкие дни, когда ей удавалось удержаться от убийственного скольжения вниз, на экране появлялась роскошная женщина (накачанная амфетаминами), явно желающая играть, доказать, что она все еще здесь, самая красивая, самая трогательная: вот сцена, когда она валяется на полу со своими двумя «детьми» (маленьким актерам, игравшим эти роли, было столько же лет, сколько могло бы быть детям Мэрилин от Миллера); вот она играет с собакой; вот ее слаженный дуэт с Дином Мартином. Многие из съемочной группы утверждали, что она еще никогда не была так красива. Но за всем этим стояли внезапные обмороки, отказ выходить из гримерной, десятки дублей одной и той же сцены, заикание, сбивчивость, истерики, черная тень Полы Страсберг, тень Пэт Ньюкомб (обе женщины, разумеется, не любили друг друга, и каждая тянула Мэрилин к себе) и все те дни, когда она не являлась вообще. Кьюкор ее ненавидел. Говорят, что он ругал ее самыми непристойными словами. Напряжение достигло высшей точки 19 мая. Несмотря на категорический запрет руководства кинокомпании (оно было настолько выведено из себя отлучками Мэрилин, что начинало всерьез подыскивать ей замену), белокурая звезда улетела в Нью-Йорк, на гала-концерт по случаю дня рождения Кеннеди в Медисон-сквер-гарден. Она не смогла устоять. Для сиротки, которую перебрасывали из приемной семьи в детдом и обратно, оказаться на сцене перед всей Америкой и спеть для президента Соединенных Штатов — это высшая честь. Плевать на последствия. В прозрачном шелковом платье телесного цвета, расшитом стразами, скроенном точно по фигуре, *the late*[34] Мэрилин Монро выплыла, как русалка, с открытой грудью, подставив всем свое тело, под огни прожекторов и возгласы зрителей. Она осуществила свою мечту — показаться обнаженной всему миру. Время остановилось. Президент задержал дыхание. Узнав, что там будет Мэрилин, его супруга Джекки предпочла не присутствовать на неприличном представлении. Белокурая богиня сильно пьяна. Она воркует своим хрустальным прерывающимся голоском: «С днем рождения, мистер президент». Выдающийся момент, зафиксированный

телекамерами; гордость девочки Нормы Джин, которой хотелось бы, чтобы рядом с ней в этот вечер был отец и разделил бы ее торжество. Вот почему она попросила Исидора Миллера сопровождать ее. Чтобы кто-нибудь ею гордился. А возможно, чтобы досадить Артуру, чья новая жена ждала ребенка (эта новость ввергла ее в смятение). Во всяком случае, в этот вечер та, которая хотела, чтобы на нее смотрели, осуществила самые дерзкие свои мечты.

Она дорого заплатит за этот милый сюрприз президенту и оскорбление, нанесенное кинокомпании «XX век Фокс». ФБР заявило Джону Кеннеди, что его безрассудство дошло до крайней черты. Он должен немедленно порвать эту непристойную, едва прикрытую и очень опасную связь. Мэрилин еще не знала, что видит президента в последний раз. Со своей стороны, киностудия была готова выставить ее за дверь, когда Пэт Ньюкомб, умеющая произвести эффект, объявила, что кинозвезда готова сняться в знаменитой сцене у бассейна. Она в такой прекрасной форме, добавила пресс-атташе, что, может быть, согласится снять купальник. Боевая тревога. Все до единого хотели быть на съемочной площадке. В конечном итоге только два фотографа получили разрешение остаться. Два дня спустя их снимки обнаженной Мэрилин были опубликованы на обложках семидесяти двух журналов в тридцати двух странах, принеся им кучу денег. Тем не менее 28 мая звезда вновь не в состоянии сниматься. Что произошло в выходные 26–27 мая? Все строили догадки наперебой. В целом сходились на том, что именно в этот момент ей отключили прямую линию из Белого дома. Без объяснений. Невыносимое отстранение, ее снова бросили, и это горько и несправедливо и так напоминает раны прошлого. Мэрилин не может стерпеть, чтобы ее выбросили, словно ненужную вещь. Она вопит о своем возмущении, своей боли, грозит заговорить, рассказать обо всем. Раздосадованный Джон направляет к ней своего брата Роберта, министра юстиции, чтобы тот попытался успокоить обиженную блондинку.

Но этого недостаточно. Не найдя нужных слов, Бобби решил перейти к делу, подумав, что в его объятиях Мэрилин быстро забудет его брата. Мэрилин унижена. Истерика сменилась подавленностью. Она грозит раскрыть правду всему миру — она, никогда ни о ком не злословившая. Вокруг актрисы царит паника. Питер Лоуфорд тщетно пытается ее урезонить. Пэт Ньюкомб поселилась в ее доме. По так и не выясненным причинам, доктор Гринсон в тот самый момент, когда он был Мэрилин нужнее всего и должен был присутствовать на съемках «Что-то должно случиться», таинственным образом пропал, уехав на четыре

недели в Европу.

В войне с чудовищем Мэрилин все же одержала несколько небольших побед и даже смогла сниматься четыре дня подряд. В пятницу 1 июня она скромно отпраздновала свой тридцать шестой день рождения в своей гримерке. Кьюкор и большинство членов съемочной группы бойкотировали это событие. Только Дин Мартин принес шампанское. Атмосфера была печальной и тяжелой. Мэрилин устала, она играла несколько часов. Когда она вечером вернулась домой, ее последний актерский день закончился. Она снова больна и без сил. Через неделю доведенная до предела «XX век Фокс» отказалась от ее услуг, обвинив в безответственности и в том, что она вносит психологический разлад. Кинокомпания даже подала на нее в суд. Гринсон вернулся из Европы, но слишком поздно. Несмотря на его заступничество, руководство киностудии было неумолимо: Монро — отрезанный ломоть, она всех остальных ни в грош не ставит. Ее заменит Ким Новак или Ли Ремик. Две отставки за столь короткое время — это слишком для одной женщины.

Мэрилин уничтожена, однако она чудесным образом нашла в себе силы подняться в последний раз. Она понимает, что это вопрос жизни. Ее карьера порушена. Одержимая паранойей, она спрашивает себя, уж не приложил ли к этому руку Бобби Кеннеди, не переговорил ли он с руководством «Фокс», чтобы держать ее в своей власти. Мэрилин не может смириться со своим поражением. Ей удается найти себе нескольких союзников, в том числе Дина Мартина и Занука, который хотел вернуть себе власть. Созвав крупнейших журналистов и фотографов всего мира, она подолгу позировала и давала интервью. Она еще не сошла с дистанции и готова это доказать. Ее популярность у зрителей по-прежнему огромна.

В конце июня ситуация в корне изменилась: Мэрилин Монро снова пригласили на роль, чтобы закончить фильм с новым режиссером, на ее выбор, сумма контракта составила миллион долларов. Неслыханное дело. Актриса ликовала. Однако она знала, что обязана таким неожиданным поворотом одному телефонному звонку — от Бобби Кеннеди главе «XX век Фокс».

Ее карьера в руках министра юстиции. Именно таким способом он решил купить ее молчание.

«ВЕРОЯТНОЕ САМОУБИЙСТВО»

И что же произошло? Что случилось тем роковым летом 1962 года? Почти полвека предположений и теорий всякого рода, наглых противоречий, подтверждаемых непререкаемыми заявлениями, мнимо неопровержимых доказательств — и все это в попытке восстановить минута за минутой последние недели кинозвезды и объяснить ее загадочную смерть в начале августа. Многочисленные сторонники гипотезы об убийстве обычно представляют Мэрилин Монро, воспрянувшую духом после новой победы над *«XX* век Фокс» («Она не могла покончить с собой, поскольку была в полном порядке»). Съемки фильма «Что-то должно случиться» должны были возобновиться в сентябре. Тем временем актриса возделывала свой сад (в буквальном смысле) и изучала новые предложения, в том числе сняться вместе с Синатрой. Несколько очевидцев утверждают, что она была полна решимости перечеркнуть свое прошлое. Она задыхалась среди своего окружения, понимала, что за ней шпионят (ей случалось звонить из телефонной кабинки на улице), она собиралась дать отставку по очереди Поле Страсберг, отправленной обратно в Нью-Йорк безо всяких церемоний, Пэт Ньюкомб, слишком дружной с Кеннеди, и Юнис Мюррей, перед которой она трепетала от страха и которую, откровенно говоря, никогда терпеть не могла. Некоторые даже уверяют, что в этом параноическом припадке большой чистки она даже намеревалась расстаться с добрым доктором Гринсоном, железная рука которого, как она, наконец, поняла, взяла ее за горло. Поговаривали и о новой свадьбе с Ди Маджио, назначенной на 8 августа.

Странный перепад, неожиданный и все же маловероятный для человека непостоянного, ранимого и маниакально-депрессивного, способного в несколько часов без всяких видимых причин перейти от буйного возбуждения к глубочайшему отчаянию. Почему бы нет? Бывает же ремиссия, даже в финальной стадии. Вполне можно предположить, что на этом этапе своего существования Мэрилин еще не досконально изучила Монро. Можно себе представить, как счастлива она была, утерев нос Голливуду, но оставаясь при этом марионеткой в чужих руках, что она, кстати, вполне понимала. Ее карьера еще не закончена, хотя Элизабет Тейлор снимается в легендарных фильмах, а она — в легких комедиях. Она еще так красива, но это обман, потому что все в ней безнадежно испорчено. Остаться на сверхсрочку с Джо-рукоприкладчиком? Садомазохизм в чистом виде. Или же

трезвое и смиренное осознание жизненной неудачи. Других ведь претендентов нет. Синатра, в конце концов, передумал на ней жениться, как Мэрилин какое-то время надеялась. Говорят, что в середине июля Роберт Кеннеди тоже порвал с ней без объяснений. Вероятнее всего, именно это и стало последней каплей. В ярости от того, что оба Кеннеди принимали ее «за кусок мяса», Мэрилин намекнула на созыв пресс-конференции. Она страдала, эта маленькая девочка, жаждавшая уважения, тут никаких сомнений нет. Оскорбленная женщина, получившая отставку, требовала минимума такта. Уязвленная, она вцепилась в телефон и замучила звонками кабинет министра юстиции, а потом его домашнюю прислугу. Бобби нервничал, он испугался. Его только что провозгласили отцом года, потому что его жена родила ему девять детей. Опасаясь скандала, он приказал Лоуфорду и Синатре успокоить Монро любым способом.

На выходные 28–29 июля зять президента увез Мэрилин в «Кал-Нева-лодж» — казино на озере Тахо, под тем предлогом, что Роберт Кеннеди будет там и они смогут объясниться. Это казино в принадлежавшем Фрэнку Синатре гостиничном комплексе «Кал-Невада» славилось как воровской притон. Трудно узнать, что произошло в эти два дня. Слухи ходили самые мрачные: говорили, что Мэрилин держали под замком в бунгало, накачали наркотиками, что ее насиловали Лоуфорд, Синатра и главари мафии, снимали в непристойных позах, угрожая расправой. Говорили, что Джо Ди Маджио дежурил на холме напротив, не в силах ничего сделать, догадываясь, какой кошмар творится в нескольких шагах от него, подстерегая появление белокурой узницы. Кеннеди, разумеется, не приехал. Мэрилин вернулась к себе, до смерти напуганная. Неделю спустя она умерла.

Юнис Мюррей годами рассказывала, что вечером 4 августа 1962 года ее хозяйка, устав, рано ушла к себе в спальню, взяв с собой телефон. Разумеется, многие утверждали, что разговаривали с Мэрилин в те последние часы (включая знаменитую фразу «скажи до свидания президенту», сказанную Питеру Лоуфорду еле ворочающимся языком). Около полуночи, встревожившись из-за того, что под дверь комнаты пробивается свет, экономка вышла в сад и через окно увидела обнаженное и безжизненное тело Мэрилин, лежащее на постели. Несколько дней спустя, после вскрытия и опроса свидетелей, следствие пришло к выводу о «вероятном самоубийстве», намеренном или случайном, путем поглощения барбитуратов. Кинозвезда была крайне неуравновешенным человеком. Неудачные браки, провал двух последних фильмов, два выкидыша, бремя популярности

подкосили ее. Белокурое чудовище одержало верх, выбравшись на волю. Норма Джин умерла. Мэрилин Монро вступила в бессмертие.

Вот только все не так просто. Заявления Юнис Мюррей, равно как и ее поведение, всегда выглядели подозрительно: как она могла заметить свет под дверью спальни Мэрилин, ведь его не пропускал недавно положенный густой палас? Почему она выжидала четыре часа, прежде чем позвонить в полицию? Почему стиральная машина работала среди ночи? Каким образом Мэрилин могла проглотить столько снотворного, не запив водой? Обоим присутствующим врачам (Гринсону и терапевту Мэрилин) было явно не по себе. Труп уже застыл, а значит, звезда умерла, скорее, около двадцати двух часов. Понемногу языки начали развязываться. Соседи рассказали, что той ночью видели возле дома актрисы «скорую», много машин и даже вертолет. И слышали женский вопль: «Убийцы, теперь вы довольны, что она умерла?!» А главное, они утверждали — но только шепотом, — что в тот вечер к Мэрилин дважды приезжал Роберт Кеннеди, хотя официально его не было в Лос-Анджелесе.

Биографы всё прошерстили: отчет о вскрытии, ложные заявления. В некоторых книгах убедительно доказывается, что Мэрилин убила мафия (теория о смертельном суппозитории, вставленном накачанной наркотиками актрисе). Другие столь же малоубедительно обвиняли в убийстве ЦРУ или бывших агентов ЦРУ с целью свалить Кеннеди. Или ФБР… Экономку Юнис Мюррей подозревали в том, что она сделала своей хозяйке роковую клизму. Гринсон тоже не избежал подозрений. Разумеется, в большинстве книг убийца — сам Роберт Кеннеди, с двумя сообщниками, вооруженными шприцем для подкожных инъекций. В 1985 году Юнис Мюррей, в конце концов, призналась, что министр юстиции действительно был 4 августа 1962 года в доме 12 305 на Хелена-драйв. У них с Мэрилин даже вспыхнула бурная ссора. В тот же день она поругалась и с Пэт Ньюкомб. Она получила по почте загадочную мягкую игрушку — тигра, что погрузило ее в отчаяние. Предыдущей ночью какая-то истеричка обозвала ее по телефону потаскухой… А еще…

Стоп, снято.

Будучи выдумкой на протяжении своей жизни, Мэрилин Монро должна была оставаться выдумкой и после смерти. Нужно ли раскопать правду любой ценой? Да и в чем правда? В потоке отвратительных деталей вскрытия ее тела? Нужно ли изучать желудок Мэрилин Монро, чтобы приблизиться к *ее* правде и говорить о трагедии? Для чего постоянно потрошить этот труп, зарегистрированный под номером 81 128, который сотрудникам

морга пришлось спрятать в подсобное помещение, чтобы в последний раз уберечь от фотографов?[35] Если ее жизнь принадлежала всем, так, может, хоть ее смерть отдать только ей самой?

Ясно одно: рано утром 5 августа 1962 года весь мир с ошеломлением узнал о кончине Мэрилин Монро. Непонятная и трагическая смерть, полностью согласующаяся с ее легендой. Живая — неживая.

И все взялись за дело, раздувая ее миф, благо теперь это было легко, не заметив, что в действительности Мэрилин Монро была убита уже давно. Более того, она вообще никогда не существовала.

«ПУПУПИДУ…»

Джо Ди Маджио 8 августа 1962 года не женился во второй раз, как, возможно, надеялся, на своей белокурой куколке, а похоронил ее со всей мишурой. Холодное тело самой знаменитой актрисы в мире, изрезанное скальпелем и исследованное со всех сторон, за несколько часов полностью преобразилось в руках ее гримера, который выпил перед тем бутылку водки, чтобы сдержать обещание, данное несколько лет назад, «пока она была еще теплая». Увидев, что осталось от актрисы, парикмахер упал в обморок. Поэтому на покойницу надели парик, который она носила в «Неприкаянных» и так ненавидела. В последний раз ей накрасили губы, подвели глаза, прилепили мушку, покрыли лаком ногти, надели светло-зеленое платье. Загримировали, как полагается. Мэрилин Монро как будто спала в своем гробу. Она была столь же живой, как и во время своей короткой жизни. Ди Маджио прорыдал у гроба целую ночь. Толпу знаменитостей, зевак и фотографов перед Вествудским кладбищем бесцеремонно оттеснили в сторону. С позволения сестры кинозвезды (когда о случившемся сообщили ее матери Глэдис, та ответила с отсутствующим видом, что слыхом не слыхала о Мэрилин Монро) бывший бейсболист взял ситуацию под свой контроль и не пустил на кладбище никого из Голливуда. Дин Мартин, Синатра и многие другие остались стоять перед решеткой. Ди Маджио разрешил присутствовать на похоронах только нескольким тщательно отобранным людям. В их числе были Гринсон, Мюррей, Ньюкомб и семья Страсбергов, наследников Мэрилин по ее завещанию. Ли произнес надгробную речь.

Ни Джим Дагерти, ни Артур Миллер, которых, однако, пригласили, не пожелали присутствовать на похоронах. Боб Слетцер хотел, но остался за оградой.

Органист сыграл «Over the Rainbow» («По ту сторону радуги»), Ди Маджио со слезами поцеловал спящую красавицу, а потом ее знаменитые светлые кудри накрыли гробовой крышкой. Она исчезла под небольшой простенькой мраморной доской, на которую бывший бейсболист в течение двадцати лет каждый день клал красные розы. По окончании церемонии все разошлись кто куда, со своими секретами и своей ложью. Ворота кладбища растворились. Тогда они побежали, топча ногами, хватая руками, надеясь урвать себе все, что можно, все, что от нее осталось. Но она ушла, милое создание с детским голоском и умоляющим взглядом. На сей раз раньше назначенного срока, чтобы их позлить. Бросила их там, оставив им песни, несколько фильмов,

тысячи фотографий и надпись:

МЭРИЛИН МОНРО 1926–1962

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Глэдис Бейкер с двухлетней дочерью Нормой Джин. 1928 г.

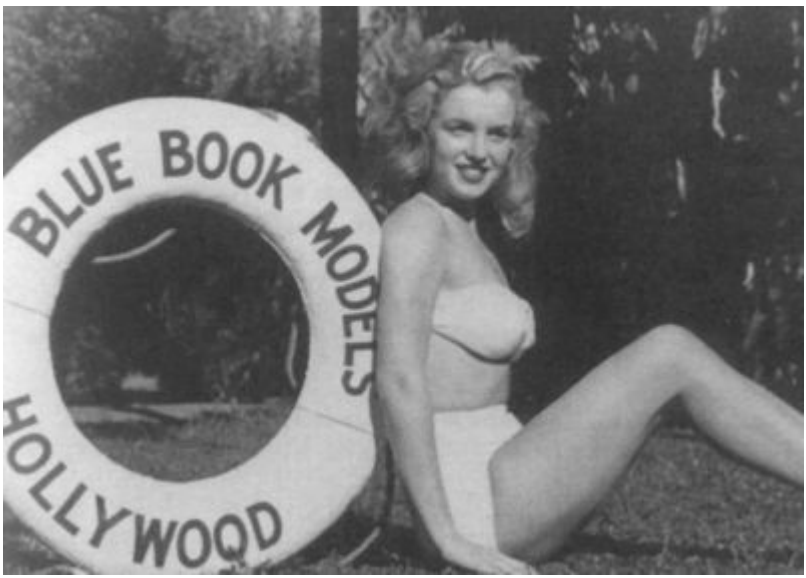
Кумиры Глэдис Бейкер, Грейс Макки и Нормы Джин — актеры Кларк Гейбл и Джин Харлоу

Близкая подруга Глэдис, Грейс Макки с мужем. Она стала законной опекуншей Нормы Джин, когда Глэдис попала в психбольницу. 1930-е гг.

Сзади Нормы Джин — Ана Лоуэр, ее любимая приемная тетя. Около 1938 г.

Свадьба с Джимом Дагерти. 19 июня 1942 г.

Начинающая фотомодель Норма Джин Бейкер. 1945 г.



Любимица фотографов агентства «Блу Бук». 1945 г.

Норма Джин позирует Андре де Динсу, предсказавшему, что она станет самой фотографируемой женщиной в мире. 1945 г.

Празднование развода с Джимом Дагерти. Слева направо: Бернис Бейкер, неизвестные девочка и дама, Глэдис, Грейс Годдард (Макки), Норма Джин и Ана Лоуэр. 1946 г.

К 1946 году Норма Джин побывала на обложках более тридцати журналов

Первые пробы на студии «XX век Фокс». 1946 г.

Кадр из дебютного фильма «Скудда-у! Скудда-эй!». 1947 г.

Мэрилин с преподавателем актерского мастерства Наташей Лайтесс. 1948 г.

Кадр из фильма «Хористки». Мэрилин Монро и Рэнд Брукс. 1948 г.

Мэрилин с Джонни Хайдом, могущественным импресарио крошечного роста. 1948 г.

Мисс Монро и доктор Хайд. 1949 г.

Кадр из фильма «Всё о Еве». Слева направо: Энн Бакстер, Бетт Дэвис, Мэрилин Монро, Джордж Сандерс. 1950 г.

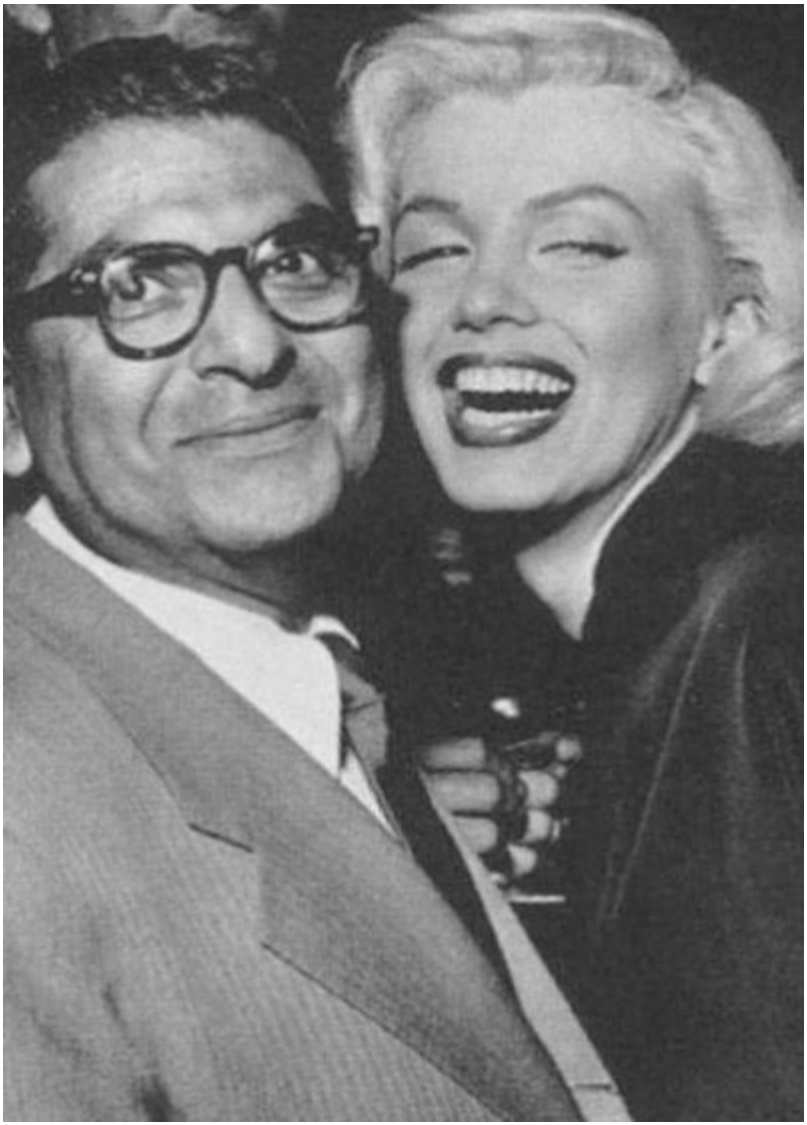
Мэрилин с Джонни Хайдом в последний год его жизни. 1950 г.

Мэрилин и режиссер Джозеф Л. Манкевич. 1950 г.

Стереотипная блондинка-секретарша в фильме «Моложе себя и не почувствуешь».1951 г.

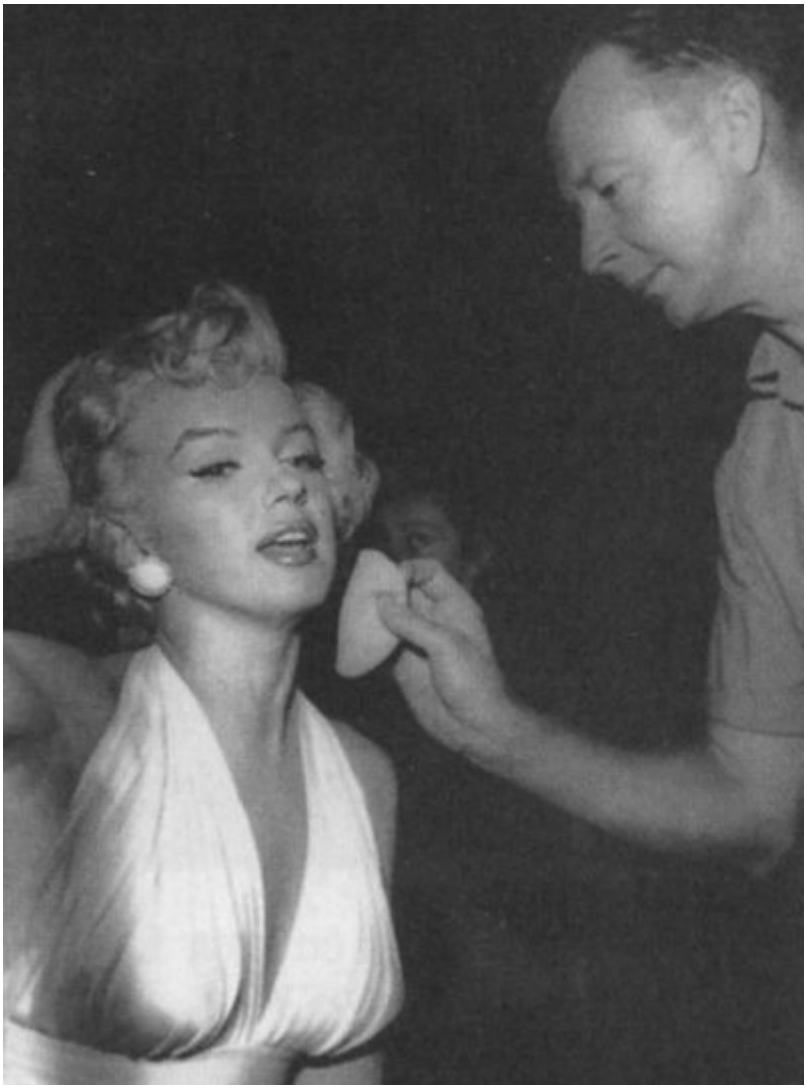
Очередная секретарша в фильме «Обезьяньи шалости» с Кэри Грантом. 1952 г.

После операции по удалению аппендицита. 1952 г.



Мэрилин и ее друг Сидней Сколски. 1953 г.

Мэрилин с бейсбольной битой. 1952 г.



Личный гример Аллан У. Снайдер умело придавал Мэрилин внешность неотразимой роковой блондинки. 1953 г.

Подготовка к фильму «Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес». 1954 г.

Кадр из фильма «Как выйти замуж за миллионера». Мэрилин Монро и Бетти Грейбл. 1953 г.

Кадр из фильма «Ниагара». 1953 г.

8 июля 1953 года Мэрилин получила награду «Лучший друг бриллиантов» от Академии ювелирных изделий

Свадьба с Джо Ди Маджио. 14 января 1954 г.

После бракосочетания в городской мэрии Сан-Франциско

Прибытие Джо Ди Маджио с супругой в Токио на показательные игры по бейсболу. Февраль 1954 г.

На пресс- конференции для Джо Ди Маджио все вопросы были обращены к Мэрилин. Февраль 1954 г.

Выступление Мэрилин Монро в Корее под оглушительный рев сотен тысяч солдат и морских пехотинцев. Февраль 1954 г.

Роль Кей Уэстон в фильме «Река, не текущая вспять». 1954 г.

Роль Виктории в фильме «Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес». 1954 г.

Знаменитая сцена с «летящей» юбкой из фильма «Семь лет желания». Мэрилин Монро и Том Юэлл. 1955 г.

Публичное сообщение о разводе с Джо Ди Маджио. Сентябрь 1954 г.

Мэрилин неподдельно страдает от разрыва с Ди Маджио. Сентябрь 1954 г.

Пресс-конференция, где Мэрилин Монро объявила о создании собственной продюсерской компании. 7 января 1955 г.

Совладельцы «Мэрилин Монро Продакшнс» — Мэрилин Монро и Милтон Грин. 1956 г.

Мэрилин с Ли Страсбергом в кафе на Бродвее. 1955 г.

Подготовка к занятиям в студии. 1955 г.

На занятиях Актерской студии. 1955 г.

Мэрилин и Артур Миллеры на премьере фильма «Принц и танцовщица». 13 июня 1957 г.

В нью-йоркской квартире Мэрилин. 1958 г.

Кадр из фильма «В джазе только девушки». Трио Монро с Тони Кёртисом и Джеком Леммоном.1959 г.

Чета Миллеров улетает из Нью-Йорка в Лос-Анджелес на съемки фильма «Займемся любовью». Ноябрь 1959 г.

Мэрилин прилетела в Рено, штат Невада, для съемок «Неприкаянных». Июль 1960 г.

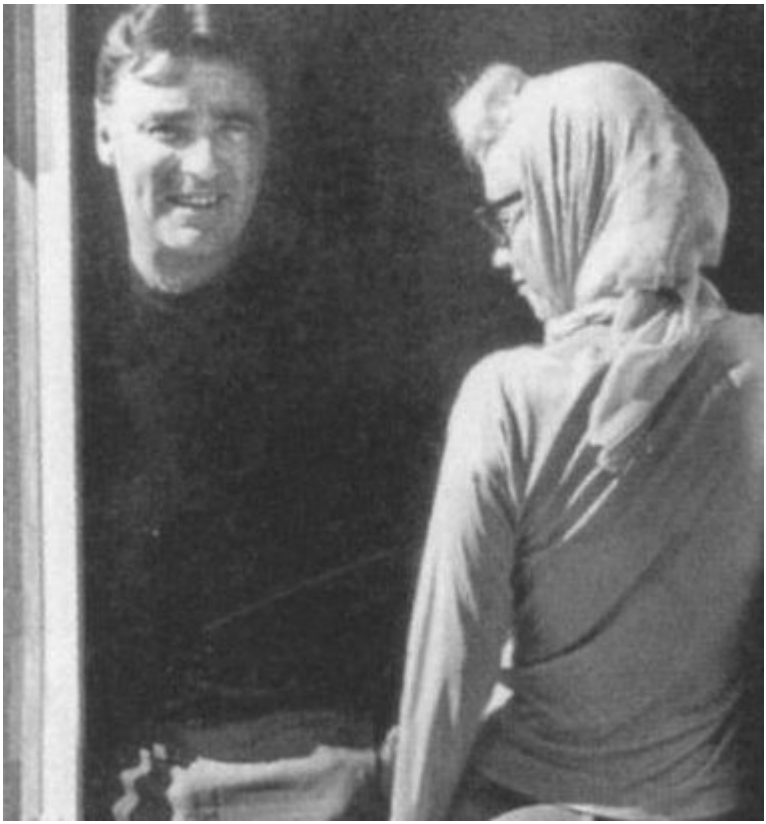
Кадр из фильма «Займемся любовью». Мэрилин Монро и Ив Монтан. 1960 г.

Кадр из фильма «Неприкаянные». Мэрилин Монро и Кларк Гейбл. 1960 г.

Мэрилин на премьере фильма «Неприкаянные» с Монтгомери Клифтом. Январь 1961 г.

Мэрилин с Фрэнком Синатрой на яхте. Август 1961 г.

«С днем рождения, мистер президент…» 19 мая 1962 г.



Мэрилин с Питером Лоуфордом. Июль 1962 г.

36-й день рождения на съемках фильма «Что-то должно случиться». 1 июня 1962 г.

Незабываемая Мэрилин Монро

ФИЛЬМОГРАФИЯ МЭРИЛИН МОНРО

Год	Фильм	Оригинальное название	Роль
1947	Ужасная мисс Пилгрим	*The Shocking Miss Pilgrim*	Оператор на телефоне
1947	Опасные годы	*Dangerous Years*	Иви
1948	Скудда-у! Скудда-эй!	*Scudda Hoo! Scudda Hay!*	Девушка в каноэ (сцены на озере) Девушка, выходящая из церкви
1948	Хористки	*Ladies of the Chorus*	Пегги Мартин
1949	Счастливая любовь	*Love Happy*	Клиентка Груниона
1950	Билет в Томагавк	*A Ticket to Tomahawk*	Клара
1950	Правый крест	*Right Cross*	Даски Леду
1950	Огненный шар	*The Fireball*	Полли
1950	Асфальтовые джунгли	*The Asphalt Jungle*	Анджела Финлей
1950	Всё о Еве	*All About Eve*	Мисс Казуэлл
1951	Любовное гнездышко	*Love Nest*	Роберта (Бобби) Стивенс
1951	Моложе себя и не почувствуешь	*As Young as You Feel*	Гарриет
1951	Из жизни родного города	*Home Town Story*	Ирис Мартин
1951	Давай поженимся	*Let's Make It Legal*	Джойс Маннеринг
1952	Стычка в ночи	*Clash by Night*	Пегги
1952	Мы не женаты	*We're Not Married*	Аннабел Джоунс Норрис
1952	Вождь краснокожих и другие…	*O. Henry's Full House*	Проститутка («Фараон и хорал»)
1952	Обезьяньи шалости	*Monkey Business*	Мисс Лоис Лорел
1952	Можно входить	*Don't Bother to*	Нелл Форбс

	без стука	***Knock***	
1953	**Ниагара**	***Niagara***	**Роуз Лумис**
1953	**Как выйти замуж за миллионера**	***How to Marry a Millionaire***	**Пола Дебвойс**
1953	**Джентльмены предпочитают блондинок**	***Gentlemen Prefer Blondes***	**Лорелей Ли**
1954	**Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес**	***There's No Show Business Like Business***	**Вики Хоффман / Вики Паркер**
1954	**Река, не текущая вспять**	***River of No Return***	**Кей Уэстон**
1955	**Семь лет желания (Зуд седьмого года)**	***The Seven Year Itch***	**Соседка снизу**
1956	**Автобусная остановка**	***Bus Stop***	**Шери**
1957	**Принц и танцовщица**	***The Prince and the Showgirl***	**Элси Марина**
1959	**Некоторые любят погорячее (В джазе только девушки)**	***Some Like It Hot***	**Душечка (Дана Ковальчик)**
1960	**Займемся любовью**	***Let's Make Love***	**Аманда Делл**
1961	**Неприкаянные**	***The Misfits***	**Розлин Табер**
1962	**Что-то должно случиться**	***Something's Got to Give***	**Эллен Уагстафф Арден**

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МЭРИЛИН МОНРО

***1926**, 1 июня* — рождение Нормы Джин Мортенсен, дочери Глэдис Бейкер. Официальный отец — Мартин Эдвард Мортенсен, адрес неизвестен. Девочка определена в приемную семью.

1927 — Делла Монро, бабушка Нормы Джин, якобы пыталась задушить ее подушкой и была помещена в психбольницу.

1934 — переезд Глэдис и Нормы Джин в небольшой домик в Голливуде. Предположительно, один из жильцов надругался над Нормой Джин.

Декабрь — госпитализация Глэдис в психбольницу. Норму Джин приютила подруга матери.

***1935**, сентябрь* — Норма Джин помещена в детский дом Лос-Анджелеса под номером 3463. Периодически ее забирают оттуда в приемные семьи.

1937–1941 — Норма Джин живет под Лос-Анджелесом у Аны Лоуэр. Самые счастливые годы ее детства. Она понемногу преображается и открывает в себе силу соблазна.

***1942**, 19 июня* — свадьба с Джимом Дагерти. Норма Джин вступила в замужество с юным соседом, чтобы избежать возвращения в детский дом.

***1943**, август* — Дагерти поступает во флот.

***1944**, октябрь* — работа на заводе «Радиоплан» по упаковке парашютов. Норму Джин замечает профессиональный фотограф, который побуждает ее стать моделью. Она колеблется.

***1945**, 2 августа* — обращение в модельное агентство «Блу Бук».

1946 — Норма Джин становится блондинкой. Развод с Джимом Дагерти. Поступление на киностудию «XX век Фокс» под именем Мэрилин Монро.

1946–1948 — начинающая актриса студий «XX век Фокс», потом «Коламбия Пикчерз». Знакомство с Наташей Лайтесс, преподавателем актерского мастерства. Любовь к учителю музыки Фреду Карджеру, который отвергает ее.

1949 — по причине безденежья Мэрилин позирует обнаженной для календаря.

Декабрь — знакомство с Джонни Хайдом, влиятельным импресарио, переросшее в прочную любовную связь.

1950 — последние преображения: по настоянию Джонни Хайда ей корректируют нос и подбородок, он учит ее одеваться. Пылко влюбленный Хайд делает ей предложение, она

отказывается. Благодаря ему Монро снимается у Хьюстона и Манкевича. «XX век Фокс» подписывает с ней контракт на семь лет.

18 декабря — смерть Джонни Хайда.

24 декабря — первая попытка самоубийства.

1950–1952 — Мэрилин Монро — восходящая звезда «XX век Фокс», но ей предлагают роли «глупой блондинки». Руководство студии использует внешность «девушки с обложки» в рекламных целях. Она получает от поклонников по три тысячи писем в неделю.

1952 — первая главная роль в фильме «Стычка в ночи» (вместе с Барбарой Стэнвик). Знакомство с Джо Ди Маджио, знаменитым бейсболистом.

4–6 октября — предполагаемое двухдневное замужество с журналистом Робертом Слетцером.

1953 — стремительный рост популярности после ролей в фильмах «Ниагара», «Джентльмены предпочитают блондинок».

1954*, 14 января* — свадьба с Джо Ди Маджио.

Февраль — поездка в Азию.

Сентябрь — съемки в фильме «Семь лет желания».

5 *октября* — развод с Ди Маджио.

1955 — переезд в Нью-Йорк. Разрыв контракта с «XX век Фокс». Занятия в Актерской студии. Начало романа с Артуром Миллером. Решение выбирать роли самостоятельно и сменить имидж.

1956*, весна* — съемки фильма «Автобусная остановка».

29 июня — бракосочетание с Артуром Миллером. Съемки в Лондоне в фильме «Принц и танцовщица» с Лоуренсом Оливье.

1957— совместное проживание с Артуром Миллером в деревне Амаганзетт. Мэрилин разрывается между семейными обязанностями и работой в Нью-Йорке.

Февраль — помещена в больницу из-за нервной депрессии.

1 августа — потеря беременности.

1958*, август* — начало съемок в Калифорнии фильма «В джазе только девушки». Новая беременность.

Декабрь — повторный выкидыш. Попытка самоубийства.

1959 — приобретение фермы в Роксбери и проживание там с Миллером. Новые метания между местом жительства и Нью-Йорком.

1960*, январь* — встреча с Ивом Монтаном, партнером по фильму «Займемся любовью».

Апрель — отъезд Ива Монтана, когда их связь получила публичную огласку.

Июль — начало трудных для Мэрилин съемок в

«Неприкаянных».

Август — попытка самоубийства, госпитализация.

Ноябрь — официальный разрыв с Артуром Миллером.

***1961**, 20 января* — развод с Артуром Миллером.

Февраль — по настоянию психоаналитика помещена в психиатрическое отделение. «Освобожденная» Джо Ди Маджио, она проходит курс дезинтоксикации.

Апрель — возвращение в Лос-Анджелес.

***1962**, январь* — приобретение дома в Брентвуде.

Апрель — начало съемок фильма «Что-то должно случиться».

19 мая — выступление в Медисон-сквер-гарден, Мэрилин поет президенту Джону Кеннеди: «С днем рождения…»

5 августа — ее обнаружили мертвой в доме в Брентвуде.

notes

Примечания

1

Игра слов: *human being* (человеческое существо) и *human bean* (человеческий боб).

2

Многие мужчины утверждали, что были любовниками Нормы Джин / Мэрилин Монро, на всех этапах ее жизни. Поименный список (который, в любом случае, нельзя проверить) не представляет собой в конечном счете большого интереса. Смысл только в «каталоге», в вечно неутоленном желании завоевания, а не потребления, тем более что удовольствие от этого было спорным: большинство предполагаемых партнеров Нормы Джин признавались, что наслаждения она не получала. Но существует большой соблазн поверить Коноверу, явившемуся в нужное время в нужном месте перед осмеянной супругой, разочарованной женщиной, обездоленной, неспособной устоять перед возбуждением, в которое он ее привел, устоять перед собственными чарами и принять их последствия. Это только начало. И так будет всегда.

3

Судя по всему, он закончился в 1952 году, когда она из начинающей актрисы стала кинозвездой.

4

Дон Вольф даже утверждает, что Мэрилин родила в ноябре 1947 года девочку, которую пристроили в семью сицилийского происхождения из Бруклина, а отцом ее был не кто иной, как Джон Фицджералд Кеннеди.

5

В том числе Эми Грин, Лене Пепитоне и Джин Кармен.

6

Во всем, что касается Мэрилин Монро, очевидцы и она сама в своих высказываниях были крайне осторожны. Хотя любая жизнь и выстраивается в основном из лжи, недосказанности, тайн. В особенности жизнь Мэрилин. Поэтому не стоит их избегать, наоборот, надо подчеркивать их, не выносить на поля, а помещать туда, где им и место: в самом сердце трагедии.

7

Она потом рассказывала Артуру Миллеру, что улеглась тогда в выкопанную могилу.

8

За исключением Мэтью Смита, который утверждал, опираясь на некие записи, которые Мэрилин якобы сделала под конец своей жизни для своего психиатра, о существовании ее связи с актрисой Джоан Кроуфорд, гомосексуализм, по меньшей мере бисексуальность звезды не были доказаны.

9

Он направил ее карьеру по восходящей линии. После очередной неудачи — заслуженного провала плохого фильма «Билет в Томагавк» компании «XX век Фокс», в котором он добился для нее маленькой роли в 1949 году, — он устроил ей встречу с Джоном Хьюстоном, который искал очень сексуальную блондинку на роль подружки мафиози для своего последнего фильма. С этого дня машина стала набирать обороты и остановить ее было уже невозможно.

10

Между прочим, сама Мэрилин воплощала эту мечту: за свою жизнь она неоднократно «сыграет» секретаршу некоторых своих любовников, переодевшись, замаскировавшись, спрятавшись под париками, за благопристойными очками, в строгом костюмчике.

11

В автобиографии Миллер утверждает, что даже не разговаривал с Мэрилин во время того приема.

12

Этот анекдот рассказывали много раз: хирург, который должен был ее оперировать, якобы обнаружил на ее животе приклеенную скотчем записку с такими словами: «Доктор, пожалуйста, режьте поменьше, чтобы шрам был совсем небольшой».

13

Существует один свидетель этой молниеносной свадьбы, еще несколько человек утверждают, что Мэрилин рассказывала им о ней.

14

«Один серебряный доллар» и «Река, не текущая вспять».

15

Она заявила об этом на следующий же день после своей свадьбы с Ди Маджио своему другу Сидни Сколски, повергнув того в ступор.

16

Название иногда переводится как «Зуд седьмого года», «Семилетний зуд».

17

В эротико-любовно-профессиональном треугольнике, сложившемся вокруг Мэрилин, расстановка сил была следующей: Артур Миллер не переносил Страсбергов, считая их шарлатанами, и стремился потихоньку вытеснить Милтона Грина из «Мэрилин Монро Продакшнз» — либо из чистой ревности, либо по расчетам материального порядка, либо и то и другое сразу; Милтон Грин не мог смириться с влиянием Страсбергов на Мэрилин и бежал от Миллера, как от чумы; наконец, Ли и Пола Страсберги считали, что кинозвезде нужны прежде всего они и их «метод» как для актерской работы, так и для психического равновесия. Они не любили ни Грина, считая его слишком вульгарным, ни Миллера, находя его чересчур претенциозным.

18

В процессе развода он был обязан безвыездно провести шесть недель в Рено.

19

Мэри признали виновной в «моральной жестокости».

20

В своей пьесе «После грехопадения» (1964) Артур Миллер вывел на сцену свой роман с Мэрилин, в том числе рассказ об их свадьбе и колебаниях невесты в последний момент.

21

Мэрилин даже не номинировалась на «Оскар».

22

У Вивьен Ли была нервная депрессия.

23

Эта сцена есть в пьесе Артура Миллера «После грехопадения».

В нем есть несколько намеков на миф о Монро: в самой первой сцене Мэрилин опаздывает, и руководительница ревю «Девушки из кокосовой рощи» восклицает: «Когда же эта девчонка начнет являться вовремя?!» Мгновение спустя, когда ее представляют Лоуренсу Оливье, у нее лопается бретелька на платье.

25

Сэмми Дэвис-младший даже утверждал, что во время съемок «Принца и танцовщицы» Мэрилин поддерживала связь с одним из его друзей, встречаясь с ним по вечерам в одном доме.

26

Оригинальное название фильма — «Некоторые любят погорячее» *(Some Like It Hot)*.

27

Дон Вульф, придерживающийся гипотезы о длительной связи между Кеннеди и Мэрилин с начала пятидесятых, утверждает, что она была совершенно уверена, что Кеннеди разведется с Джекки и женится на ней.

28

Дон Вульф связывает это с официальным выдвижением кандидатуры Кеннеди в президенты (Кеннеди-кандидат уже не мог развестись).

29

История любви (англ.).

30

Эта история приводится почти во всех биографиях. Было так или не было, это стало частью черной легенды «Неприкаянных».

31

«Как ты находишь дорогу в темноте?» — последняя реплика Мэрилин в финальной сцене «Неприкаянных».

32

Некоторые считают, что Пэт Ньюкомб играла при Мэрилин неясную роль. Ее подозревают в двойной игре и в том, что она скрыла известную ей информацию об обстоятельствах ее гибели.

33

Гринеона считали агентом Коминтерна.

34

«Запоздалая» — или «покойная» Мэрилин Монро: так ее в конечном счете представил на сцене конферансье Питер Лоуфорд, который прежде неоднократно объявлял о ее появлении, всё больше веселя публику.

35

Одному все-таки удалось сделать несколько снимков трупа Мэрилин после вскрытия.